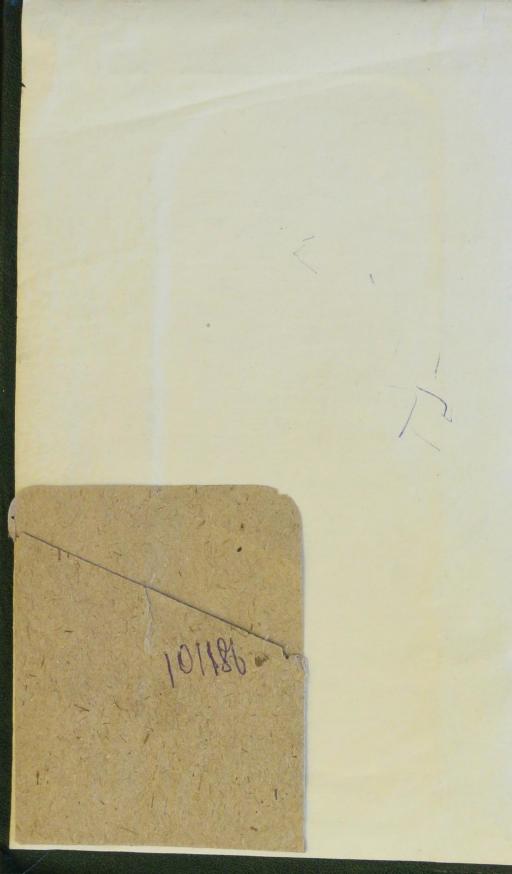
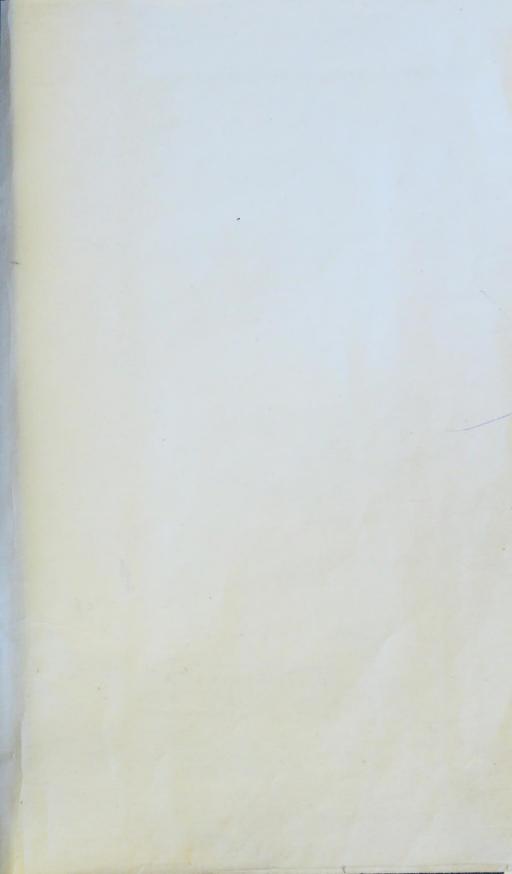
Ученые записки Выпуск 3-й. 1960 год.

9 (C) (AAT) 4-91

ученые записки

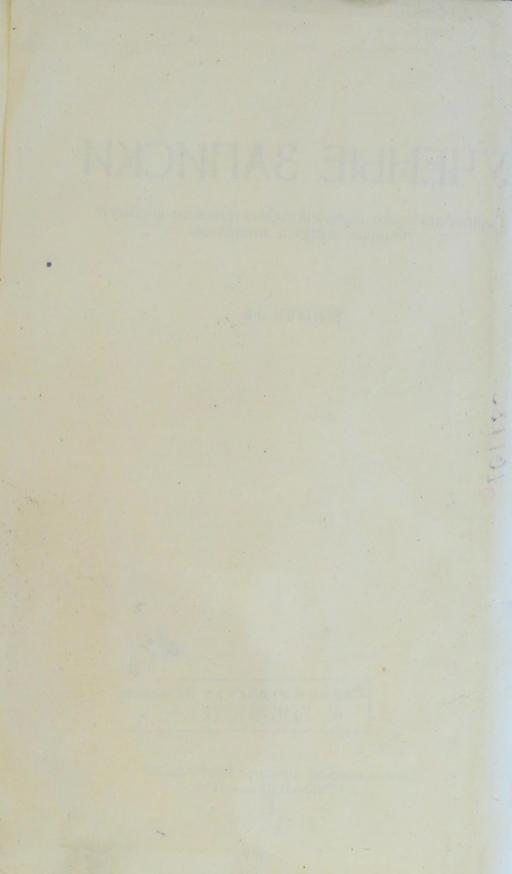
Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы

ВЫПУСК 3-й

0101186

ГОРНО-АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО г. ГОРНО-АЛТАЙСК — 1960

ИЗ ИСТОРИИ ГОРНО-АЛТАЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

История алтайцев за период существования Горно-Алтайской автономной области до сего времени изучена крайне недостаточно. Несмотря на большой интерес, который представляет разработка этой темы для истории алтайской народности, исследовательская работа в этом отношении организована слабо, особенно это относится к выявлению и публикации источников. Такое положение, конечно, нельзя признать нормальным, ибо проблема изучения истории советского периода народов СССР является одной из важнейших задач советской исторической науки. Исходя из этого, автор решился опубликовать настоящий очерк, посвященный характеристике некоторых вопросов истории алтайцев, относящихся в основном к восстановительному периоду истории нашего Советского государства. Не претендуя на полное решение затронутых в очерке вопросов, автор находит предлагаемую им публикацию полезной и целесообразной прежде всего потому, что в ней приводится малоизвестный документальный материал и что публикация эта может оказать содействие в активизации изучения истории алтайцев.

Обращаясь к изложению темы, необходимо напомнить, что образование Горно-Алтайской автономной области относится к 1922 г., когда этой области было присвоено наименование Ойратской (позднее Ойротской), которое с исторической точки зрения было неправильным и противоречащим самоназванию алтайцев. Поэтому первоначальное официальное наименование автономной области алтайцев было упразднено в 1948 г. и заменено другим, соответствующим исторической действительности, отражающим народное самоназвание. На этом основании в тексте настоящей работы автор и для рассматриваемого им периода всюду пишет о Горно-Алтайской автономной области, за исключением только тех случаев, когда он цитирует документы, в которых фигури-

рует первоначальное наименование области.

1. СОСТОЯНИЕ ГОРНО-АЛТАЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Сельское хозяйство алтайцев и русского населения Горного Алтая в год образования Горно-Алтайской автономной области представляло собой весьма печальную, но закономерную картину. В результате поч-

ти двухвековой колониальной политики русского царизма, в результате двойного гнета жестокой эксплуатации, несмотря на положительный в целом характер пребывания в составе России, основы хозяйства трудящихся алтайцев, их экономика были весьма отсталыми. К этому в 1914—1917гг. добавились тяготы империалистической войны, истощавшей хозяйственные и людские ресурсы края. Затем Февральская буржуазная революция 1917 г., отдавшая Алтай в руки контрреволюционной буржуазии и ее агентов, так же тяжело отразилось на хозяйстве. Наконец, окончательно подорвала и разрушила сельское хозяйство Горного Алтая затянувшаяся (до начала 1923 г.) гражданская война. Но более всего хозяйство и трудовое население Горного Алтая пострадали от колчаковщины. Уже после разгрома Колчака еще долгое время остатки колчаковских банд укрывались на Алтае, поддерживаемые интервентами. Бандитизм нанес колоссальный урон хозяйству области. Это обстоятельство было со всей четкостью подчеркнуто на І областном съезде Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Ойротской автономной области в мае 1923 г. Съезд не закрывал глаза на действительность и констатировал тяжелое экономическое положение области.² О состоянии сельского хозяйства в тот период красноречиво свидетельствуют следующие данные. Рассмотрим сначала животноводство, являвшееся основой сельского хозяйства Горного Алтая. Еще на первом областном съезде Советов в докладе представителя облземуправления было отмечено почти полное исчезновение животноводства в области.³ В докладе земельного управления на II-ом обл. съезде Советов, в декабре 1923 г., был приведен следующий цифровой материал, характеризующий катастрофическое положение основной отрасли сельского хозяйства. По отношению к довоенному времени в Горном Алтае осталось: лошадей — 17%/ (61812 гол.), рогатого скота 14% (66347 гол.), овец — 18% (88683 гол.). Только за один 1922 год, год отчаянного сопротивления колчаковских банд, поголовье скота уменьшилось по лошадям на 13086 гол., по крупному рогатому скоту на 9143 гол. Так же печально было положение и с земледелием. Несмотря на то, что земледелие не играло для области решающей роли, тем не менее значение его в сельском козяйстве недооценивать нельзя. В 1922 г. посев в области составлял 71,1 % по отношению к посеву 1916 г. Было засеяно 14,5 тыс. десятин. В 1923 г. хлебный дефицит Горно-Алтайской области выражался цифрой 959228 пудов. 6 Не лучше обстояло дело и с другими подсобными отраслями сельского хозяйства. Из них наиболее существенную роль играли охотничий промысел, пчеловодст-

⁵ В кочевых районах было засеяно 1,5 тыс. десятин, что составляло 83,3 % по отношению к 1916 г. (отчетный материал Ойротского обкома ВКП(б) III облпарт-конференции, стр. 5). В кочевых районах посевы были карликовыми, поля обрабаты-

вались мотыгой и засевались ячменем.

¹ Протоколы І-го областного съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Улала, 1923, стр. 11, 12, 55, 58, 111 и др. См. также «Материалы первой областной Ойротской конференции РКП(б) (февраль 1923 г.)», стр. 4.

² Протоколы І-го обл. съезда Советов, стр. 13, 58, 86, 87 и др.

³ Протоколы І-го обл. съезда Советов, стр. 87.

⁴ Протоколы II-го обл. съезда Советов, стр. 33. Улала, 1924 г. По отношению к 1916 г. общее поголовье скота составляло 44%. См. отчетный материал Ойротского обкома ВКП(б) к VI облпартконференции — «Вопросы хозяйственного строительства», Улала, 1928, стр. 5.

⁶ Протоколы II обл. съезда Советов, стр. 33. Урожай 1923 г. исчислялся в 45000 пудов. Населения в области насчитывалось 85000 чел. В дефицит включается хлеб, подлежащий в уплату сельскохозяйственного налога.

во и сбор кедрового ореха. Если продукция охотничьего промысла в 1909 г. составляла 390 тыс. беличьих единиц, то в 1923 г. она пала до 190 тысяч беличьих единиц1, между тем как 44% населения алтайцев занималось охотничьим промыслом. Пчеловодство по отношению к 1918 — 19 годам составляло 27% (27099 ульев),² Валовая продукция промысла сбора кедрового ореха по сравнению с 1909 г. составляла только 16,6%. Промышленность отсутствовала. Торговля находилась в зачаточном состоянии.3 Таким образом, в момент своего образования, как автономной области. Горный Алтай переживал глубочайший упадок сельского хозяйства при полном отсутствии промышленности. Нужно еще отметить, что техническая база сельского хозяйства здесь была исключительно примитивной. В животноводстве царили самые примитивные приемы ухода за скотом, присущие отсталому, полукочевому экстенсивному хозяйству. Обработка продукции животноводства носила домашний характер. Техническую вооруженность земледелия могут проиллюстрировать следующие данные. В докладе земельного управления на II-ом обл. съезде Советов говорится, каким сельскохозяйственным инвентарем, живым и мертвым, был снабжен алтаец для ведения земледелия. «На каждое хозяйство в среднем приходится лошадей 4, на 4,5 хозяйства — 1 плуг, на 2,2 хозяйства — 1 борона и на 825 хозяйств — 1 сеялка». В пчеловодстве преобладали ульи — «дуплянки», представлявшие собой выдолбленные колоды. Охотничий промысел велся при помощи мелких самодельных деревянных ловушек. Разумеется, что способ ведения хозяйства был индивидуальным, единоличным.

Вот краткая картина того тяжелого хозяйственного положения, в каком оказалась Горно-Алтайская область в первый год ее автономного существования. Вот почему докладчик Областного Революционного Комитета вынужден был констатировать: «Область наша разорена это факт неопровержимый. Цифры, показывающие наше экономическое состояние наводят на уныние, нам не приходится закрывать глаза на то, что мы без помощи извне не сможем в короткий срок вырваться из тисков нужды. Облревком, учитывая это положение, поднял перед центральными органами вопрос об оказании реальной помощи нашей области, и центр, несмотря на тяжелое экономическое положение Республики, по возможности, оказывает эту помощь... Эта помощь будет оказываться и в дальнейшем, более всего для этого требуется правильный подход к делу, правильная постановка вопросов перед центральными органами, правильное освещение положения в области, главное, если облисполком будет уметь учитывать не только нужды области, но

² Там же, стр. 34-35. ·

¹ Экономический и статистический обзор Ойротской автономной области. Улала, 1925, ч. ІІ-я, стр. 37

³ «Можно вынести некоторое заключение об экономическом состоянии Ойротской области в данный момент вообще и, в частности, в торговле и промышленности, например, патентный сбор выражается в сумме 17326 руб. 34 коп., 6,7% всех поступлений, а уравнительный сбор дает 426 руб. 76 коп., 0,3%. Эти поступления сами за себя говорят, что у нас торговля в зачатке, а промышленности и в зачатке пока еще нет». Протоколы I обл. съезда Советов, стр. 45.

 ⁴ Протоколы II обл. съезда Советов, стр. 33.
 ⁵ Согласно декрета ВЦИК от 1 июня 1922 г. об образовании «Ойротской автономной области» вся власть на месте, до созыва I обл. съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, принадлежала облревкому, которому и поручалось созвать этот съезд. І-й обл. съезд Советов избрал областной исполнительный комитет Ойротской автономной области.

и нужды РСФСР». В соответствии с низким уровнем экономики находилось и дело народного просвещения. В тезисах доклада отдела народного образования, принятых на I-ой областной конференции РКП(б), состояние народного образования получило следующую характеристику: «бандитизм, страшная разоренность края, эпидемии и пр. больше, чем в других местах республики, повлияли самым разрушительным образом на дело просвещения в Ойротской автономной области во всех сторонах, а в частности:

а) на самые здания школ и учреждений, которые нередко служили

штабами, казармами и пр.;

б) на инвентарь школ, как-то: парты, шкафы, стены, а также на

учебники и учебные пособия;

в) на педагогический и служебно-технический персонал, когда таковой, находясь под угрозой набегов, арестов и пр., не имея связи с отделом народного образования, а также не получая содержания, — оставляет культурную деятельность и уходит на другие места, а также занимается своим хозяйством, в особенности — туземцы (55 человек),

г) на учащихся — благодаря терроризованному состоянию самого населения, находившегося в разъездах и бегах, не могущего дать своим детям необходимой одежды и обуви, а также предоставить время для учебных занятий, которые в некоторых местах в то время еще теплились, а в некоторых совершенно закрывались;

 д) на всю культурно-просветительную деятельность вообще, ибо работать было некогда, да и работа сама в таких условиях была невоз-

можна».2

Теперь посмотрим, каким же образом, какими путями Горно-Алтайская область вышла из описанного выше катастрофического положения и вместе с другими советскими народами вскоре уверенно двинулась вперед по пути строительства социалистического общества. Основным условием для этого послужила, конечно, новая система государственной власти — диктатура пролетариата, которая установилась у нас в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции и которая полностью и практически разрешила национальный вопрос. Как известно, уже в первые дни существования Советской власти Совет Народных Комиссаров издал (2 ноября 1917 г.) закон, который провозглашал:

1) Равенство и суверенность народов России;

2) Право их на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства;

3) Отмену всех и всяких национальных и национально-религиоз-

ных ограничений;

4) Свободное развитие национальных меньшинств и этнографи-

ческих групп, населяющих территорию России.

Коммунистическая партия и Советская власть не ограничились опубликованием закона, обеспечивающего свободное развитие каждой национальности в Советском государстве. Вместе с этим были определены и конкретные задачи и пути, которые обеспечивали практическое проведение в жизнь этого одного из основных принципов программы Коммунистической партии. Это было сделано на X съезде РКП(б), в ре-

¹ Протоколы I обл. съезда Советов, стр. 13.

² Материалы І-ой обл. конференции РКП, стр. 23, также протоколы І обл. съезда Советов, стр. 100—101.

золюции которого было сказано: «Теперь, когда помещики и буржуазия свергнуты, а Советская власть провозглашена народными массами... задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессиональнотехнического характера на родном языке... для ускоренной подготовки туземных кадров жвалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления и прежде всего в области просвещения».

В отношении народов Алтая эта политика Коммунистической партии и Советской власти, как и повсюду, дала блестящие результаты. Первое, что сыграло огромную роль в деле развития народов Алтая, было выделение их в автономную область. Этот акт имел основное значение, и первым же результатом его было быстрый рост сочувствия и доверия трудящихся алтайцев к Советской власти, к Коммунистической партии. В резолюции І областного съезда Советов Горно-Алтайской автономной области мы читаем в пункте первом: «а) От имени областного съезда Советов послать письменное заявление Высшим Советским органам РСФСР о том, что трудовое население Ойротской автономной области будет неотступно проводить в жизнь все мероприятия по укреплению советской власти на окраине РСФСР, строя прочный барьер Республик Советов; б) трудовое население Ойротии выражает искреннюю благодарность Российской Коммунистической партии (б-ов), первой провозгласившей права народов на самоопределение и оамоотверженно защищающей эти права от хищников капитала¹». В резолюциях этого съезда еще говорилось: «Просить Высший партийный орган области — обком РКП усилить политическое руководство советскими аппаратами на местах-волисполкомами и сельсоветами, т. ж. политическое руководство РКП дало возможность трудящимся РСФСР завоевания и укрепления пролетарской власти, а потому руководство РКП во всех отношениях жизни трудящихся Ойротии съезд Советов считает необходимым и целесообразным 2».

Быстрый рост сочувствия и доверия к Советской власти со стороны трудящихся алтайцев не замедлил сказаться на ускорении подавления бандитизма и его рецидивов. Это обстоятельство нашло отражение и в резолюциях II-го областного съезда Советов Горно-Алтайской автономной области в декабре 1923 г. Здесь отмечается, что истекший год «протекал в условиях полного укрепления авторитела Советской власти на местах, среди трудового населения Ойротии, и в соответствии с тем пониманием стоящих задач перед Советской властью внедрил в умы глубокие корни полнейшей солидарности существующего строя. Это отмечается и тем, что временно возобновившийся бандитизм на территории области в июне месяце не нашел себе места и отклика среди насе-

Протоколы I областного съезда Советов, стр. 113.

ления, а равно и не пошатнул устои Советской власти, вполне укрепившейся за последний период».

О большом значении и интересе населения к организации автономной области свидетельствуют и многочисленные приезды алтайцев из самых глухих уголков Алтая в областной центр-в с. Улалу, где они хотели собственными глазами увидеть осуществление их пожелания. Безусловно так же и то, что образование автономной области и проведение на практике принципов советской национальной политики разрядило и лишило почвы ту национальную неприязнь и недоверие трудящихся алтайцев ко всему русскому, которые воспитывала в них национальная политика царизма. Вот почему ІІ-й областной съезд Советов мог записать специальным пунктом в своей резолюции следующее: «В области национальной политики работа облисполкома на территории области дала также положительные результаты и устранила посеянную веками рознь и вражду еще старыми, царскими чиновниками и миссионерами между населяющими Горный Алтай народами».2 Разумеется, национальные трения между населением Алтая окончательно сразу не исчезли, но теперь это были лишь отдельные случаи, возникавшие, главным образом, топда, когда наблюдалось отклонение от генеральной линии партии по национальному вопросу либо в сторону великодержавного шовинизма, либо в сторону местного национализма³.

Образование автономной области вызвало большой трудовой и политический подъем трудящихся алтайцев. Об этом убедительно говорят выступления делегатов на I и II-м областных съездах Советов. Активно прошли выборы в волисполкомы и сельсоветы. Трудящиеся проявляли решимость к быстрейшему поднятию и восстановлению разрушенного хозяйства. Резко выявилась тяга к образованию. В сельсоветах выносились постановления о повсеместном строительстве школ. В Улаганской волости (ныне аймаке), например, население, получившее в порядке правительственной помощи 125 пудов доброкачественного семенного зерна постановило пожертвовать зерно для школы и засеять его путем общественной запашки. Население добровольно оставалось на год без хлеба, но стремилось обеспечить продовольствием школу.4 Таким образом, создание автономной области оказало большое влияние на развитие доверия и сочувствия к Советской власти трудящихся алтайцев. Трудящиеся алтайцы убедились, что только Советская власть может практически удовлетворить их жизненные интересы. Выделив алтайцев в автономную область, правительство РСФСР, несмотря на трудное экономическое положение в стране, неизменно оказывало ал-

тайцам конкретную помощь в духе решений X и XII съездов РКП(б). Безусловно, что помощь, оказываемая Советским правительством Горно-Алтайской области, этой бывшей наиболее забитой и угнетенной царской колонии, которая привыкла все отдавать и ничего не получать, имела большое политическое значение. Такая помощь несомненно способствовала установлению правильных взаимоотношений между рус-

4 См. протоколы I и II областных съездов Советов по докладам делегатов с мест.

¹ Протоколы II областного съезда Советов, стр. 55. ² Протоколы II областного съезда Советов, стр. 56.

³ По поводу извращения принципов советской национальной политики в сторону великодержавного шовинизма или местного национализма имеется специальный пункт в резолюции по докладу о национальном вопросе на I областном съезде Советов. См. протоколы, стр. 113.

ским пролетариатом и угнетенным при царизме национальным крестьянством, способствовала решению важнейшей задачи, поставленной

XII съездом Коммунистической партии.

В чем же конкретно выражалась эта помощь? Прежде всего Советское правительство в соответствии с пожеланием народов Алтая выделило их в автономную область, входящую в состав РСФСР с соответствующими правами. Горно-Алтайская автономная область получила в свое распоряжение огромные территории Алтая, ранее составлявшие собственность царя. Трудящиеся алтайцы получили прочную гарантию защиты от военного посягательства империалистов, получили возможность заняться устройством и развитием своей жизни на социалистической основе, на основе интересов трудящихся. С первых же дней существования автономной области алтайцев государство оказало ей финансовую помощь. Трудящиеся алтайцы получили большие льготы по единому натуральному налогу. Область была отнесена к скотоводческим районам, что наилучшим образом соответствовало исторически сложившемуся хозяйственному укладу населения и способствовало более эффективному налаживанию связей с пролетарским государством. Беднейшее население области было совершенно освобождено от единого натурального налога (платили хозяйства, имеющие свыше 5 голов скота). Отменен был государственный налог на пасеки. Когда был введен в 1923 г. единый сельскохозяйственный налог в деньгах, алтайцы получили разрешение платить часть налога натурой. Несмотря на то, что область по своему количественному составу могла послать только одного депутата на Всероссийский съезд Советов, ей было предоставлено место во ВЦИК'е РСФСР, и т. д.

Все изложенное выше позволило руководящим органам Горно-Алтайской автономной области, опираясь на сочувствие трудящихся, на помощь пролетарского государства, под руководством местной партийной организации, на основе осуществления советской национальной политики, наметить и осуществить в первую очередь программу восстановления разрушенного хозяйства области. В основу составления программы и методов ее выполнения были положены те же руководящие принципы по этим вопросам, которыми пользовалось Советское государство в целом. Задачи, намеченные программой в области сельского хозяйства, вкратце сводились к следующему 2:

1) Добиться общего подъема хозяйства, разрушенного гражданской войной, на основе новой экономической политики, которая на первых

же порах оказала благотворное влияние на экономику Ойротии.

2) Бороться за искоренение отсталости сельского хозяйства, за интенсификацию его, за подъем отсталого полукочевого и кочевого хозяйства, за проведение социалистического землеустройства и упорядочение лесного хозяйства.

3) Бороться за изживание влияния эксплуататорских групп, особенно в среде национального населения, на основе содействия подъему ма-

ломощных хозяйств, путем кооперирования их.

В области национально-культурного строительства предстояло про-

² См. протоколы I и II съездов Советов,

¹ С 1 декабря 1922 г. по всей территории РСФСР вошел в действие земельный кодекс РСФСР, который основан на незыблемом принципе признания собственности рабоче-крестьянского государства на вее земли, входящие в состав РСФСР. См. постановление ВЦИК, принятое на 4-й сессии ВЦИК 30-го октября 1922 г., в исполнение постановления 9 Всероссийского съезда Советов по земельному вопросу (п. 8).

ведение на практике принципов национальной политики, на основе решений X и XII съездов РКП (б), изживание остатков национальной розни, полученной в наследство от царизма, борьба с уклонами в национальном вопросе (великодержавный шовинизм, местный национализм), укрепление тесной связи пролетариата с национальным трудовым крестьянством. Предстояло организовать и наладить дело народного образования, политпросветработу, народное здравоохранение. Все эти задачи требовали от партийной организации Горно-Алтайской автономной области напряженной активной работы на основе строгого и неуклонного осуществления генеральной линии партии, применительно к местным условиям. Горно-Алтайская партийная организация справилась с этой задачей. На 5-ой областной партийной конференции Горно-Алтайская партийная организация (в декабре 1927 г.) уже подводила итоги закончившегося восстановительного периода в Горном Алтае.

2. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Восстановительный период в Горном Алтае приходится на 1924 -1927 гг. В декабре 1927 г. V областная партийная конференция уже имела возможность подвести итоги восстановительному периоду и наметить пути дальнейшего развития сельского хозяйства области. О подъеме сельского хозяйства за указанный период свидетельствуют следующие количественные показатели. Общее поголовье скота в области по отношению к 1916 г. составляло 115%. Общая площадь посева—119,2%. Причем посевы в кочевых районах по сравнению с 1916 г. составляли 166,7% (3 тысячи десятин)2. Животноводство прочно заняло первое место в сельском хозяйстве. Однако несмотря на то, что общее поголовье скота превышало уровень 1916 г. на 15%, состав стада по видам скота еще отставал от нормы 1916 года. Развитие животноводства шло следующим образом, по сравнению с соответствующими данными 1916 гг.: крупный рогатый скот—104,9%, лошади—58,7%, овцы—169,9%, козы— 134,8%, свиньи—220,5, маралы—95% 3 . Отсюда видно, что восстановление животноводства шло по линии наименьшего сопротивления, по линии увеличения мелкого скота. В то же время такая очень важная отрасль животноводства Ойротии, как коневодство, еще было далеко от состояния 1916 года. Гражданская война подорвала особенно сильно именно коневодство. Основным направлением в земледелии явилось стремление подчинить его к потребностям животноводства, что выражалось в увеличении посевов кормовых культур (овес), сеянии кормовых трав и корнеплодов 4. Из всей засеянной площади посев пшеницы в 1927 г. состав-

¹ Резолюции V облпартконференции. Изд. Ойрот. обкома ВКП(б). Улала, стр. 13. В отчетном же материале обкома, изданном к VI облпартконференции, рост всего поголовья по области за 1927 г. по отношению к 1916 г. выражен цифрой 108 % (стр. 5), при этом не учтены козы. В книге же В. С. Янпольского и П. В. Абаимова «Животноводство в Ойротском крае», Новосибирск, 1929, на стр. 60, общее поголовье области в 1916 г. определено в количестве 577535 гол., а в 1927 г. — 663565, что и составляет действительно 115 % по сравнению с 1916 годом.

2 Отчетный материал Ойротского обкома ВКП(б) — VI облпартконференции, стр. 5

³ Резолюции V облпартконференции, стр. 13. 4 Резолюции V облпартконференции, стр. 14.

лял 35,4 %, овса—37,8 %, ячменя—12,1 %. Увеличилась продукция и лесных промыслов. В 1924 г. продукция охотничьего промысла составляла 57,7% к добыче 1896 года². Сбор кедрового ореха в 1925 г. составлял несколько больше 100000 пудов³. Благодаря правительственным льготам (льготный кредит, продажа в рассрочку сельскохозяйственных маший по довоенным ценам) началось внедрение сельскохозяйственных машин. В 1925—26 гг. было ввезено сельскохозяйственных машин на 57.249 руб., а в 1926—27 гг. на 85.000 руб.⁴

Тем не менее, несмотря на отмеченные некоторые достижения, сельское хозяйство в целом продолжало оставаться отсталым, мелким, единоличным. Колхозное движение в Горном Алтае возникло в 1923 году. В это время в области существовал один колхоз, в котором состояло 28 человек. Колхоз имел 12 лошадей, 22 головы крупного рогатого скота, 8 овец и 16 га посева. «В 1925 г. область насчитывала 19 колхозов и простых объединений. Это был период не окрепшего еще состояния областных хозяйственных организаций, вследствие чего фактически отсутствовало хозяйственное и организационное обслуживание низовки. Колхозы возникали стихийно и быстро распадались, лишь немногие из них пережив кризисы и передряги, выжили». В 1927 г. область имела 76 простейших объединений с 1418 членами и восемь колхозов, объединявших 67 членов. Многие простейшие объединения были засорены кулацким элементом, работали без производственных планов и по существу представляли собой лжеколлективы. В Таким образом, закончив восстановительный период, Ойротия оставалась областью единоличных мелких хозяйств, причем в техническом отношении крайне отсталых. Это положение особенно имело место в отношении алтайских национальных хозяйств. Среди алтайцев еще сохранялся полукочевой (в Онгудайском, Усть-Канском и Шебалинском аймаках) и кочевой (в Кош-Агачском аймаке) быт. В районах полукочевого быта алтайцы почти сплошь жили зиму и лето в шестиугольных бревенчатых юртах с конусообразной крышей, крытой корьем, с неугасаемым костром посредине. Вблизи этих жилищ были зимовки, имеющие открытые пригоны для скота. Зимовка обычно устраивалась в долинах, защищенных от ветра, недалеко от леса. Скот зимой пасся на пастбищах, добывая корм из-под снега и подкармливался заготовленным летом сеном. Весной, в мае месяце, хозяйство переселялось на «летовку», расположенную в нескольких километрах от зимовки. На летовке алтайцы жили в легких конусообразных жилищах, построенных из жердей и покрытых корой. В течение лета скот пасся на летних пастбищах. Вблизи зимовок производились незначительные посевы при помощи самых примитивных орудий труда. На летовках, в период доения коров, производилась и заготовка молочных продуктов (преимущественно кислого сыра) впрок. Здесь же производились и сенокосные работы вручную, причем сенокосные участки обносились изгородью. В районе кочевого

⁴ Газета «Ойротский край» от 7 ноября 1928 г., № 87 (459)

⁷ Там же, стр. 36—37.

По материалам облплана. «Материалы к сборнику».
 Ф. Куят. 10 лет советской Ойротии, Новосибирск, 1932, стр. 23. ³ Там же, стр. 24.

⁵ П. Гордиенко. Ойротия, Новосибирск, 1931, стр. 137, 139. 6 Отчетный доклад Ойротского обкома ВКП(б) к VI обллартконференции, стр. 36.

⁸ Там же, стр. 37.

быта (Кош-Агачский аймак) алтайцы круглый тод жили в переносной кошемной юрте. В зимнее время скот пасся на подножном корму на зимних стоянках. Крупный рогатый скот находился вблизи жилья, а лошади, овцы и козы паслись вдалеке под охраной пастухов с ноября по апрель месяц. В мае месяце алтайцы выходили со скотом на летние пастбища и в течение лета меняли их несколько раз. Крупный рогатый скот, как и зимой, пасся вблизи жилища, а лошадей угоняли в горы на альпийские пастбища. Овец также пасли на отдаленных пастбищах. Посевов в этом районе, в силу суровых природных условий и примитивности приемов хозяйства, не производили. Обработка сельскохозяйственной продукции производилась домашним способом. Нужно ли доказывать, какой была производительность труда при таких приемах хозяйствования. В кочевых районах заготовка сена почти совершенно отсутствовала.

Описанная техника хозяйства была свойственна и байским хозяй-

ствам кочевых районов, обслуживавшимся трудом батраков.

Байские хозяйства в полукочевых районах носили иной характер. Основанные на эксплуатации чужого труда, байские хозяйства (этих районов) широко применяли заготовку корма на зиму для скота. Кошение и уборка сена сплошь и рядом производились сельскохозяйственными машинами. Молоко пропускалось через сепаратор, изготовлялось масло. Широко практиковалась откормка скота для продажи на убой. Разводился с товарной целью и породистый скот, главным образом, лошади, например, в хозяйстве баев Кульджиных, в Онгудайском аймаке. Байские хозяйства производили трудом батраков также и значительные посевы. Баи ухитрялись получать от кооперации в кредит сельскохозяйственные орудия і. Но байские хозяйства широко использовали и приемы содержания скота на пастбищном корме зимой и летом. Захватывая всяческими путями лучшие пастбища, баи пасли там свой скот при помощи батраков-пастухов. Таким образом, в восстановительный период в Ойротии оставалось классовое расслоение, еще существовала байская эксплуатация трудящихся алтайцев.

3. КЛАССОВОЕ РАССЛОЕНИЕ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА

Для изучения классового расслоения алтайцев и русской части населения Горного Алтая за период перехода нашей страны на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921—1925 гг.), а также в период развертывания реконструкции народного хозяйства и построения фундамента социалистической экономики (1926—1932 гг.) — воспользуемся экономическим материалом, опубликованным в отчетном докладе Горно-Алтайского обкома ВКП(б) к VI областной партийной конференции.²

Материал этот представлен экономическими таблицами, характеризующими группы хозяйств по степени обеспеченности скотом, и охватывает половину районов (аймаков) области. К сожалению, в упомянутом отчете не указано, к каким именно пяти районам, из десяти существующих, относится данный материал. Между тем этот вопрос имеет существенное значение, если принять во внимание, что районы Горно-Ал-

¹ Отчетный доклад Ойротского обкома ВКП(б) к VI облпартконференции, стр. 29—30.
² Издан под названием «Вопросы хозяйственного строительства», Улала, 1928.

тайской области неодинаковы как по национальному составу населения, так и по формам хозяйства. Однако, судя по количеству хозяйств, охваченых обследованием, можно с уверенностью сказать, что основные алтайские по национальному составу районы вошли в это обследование. Кроме этого, важным документальным источником для выяснения вопроса о классовой борьбе является материал архива Горно-Алтайского областного суда, использованный нами в настоящей главе, дополненный полевым материалом, собранным нами во время научных поездок по Горному Алтаю в период 1926—1937 гг.

Упомянутый выше экономический материал относится к периоду

1924—1928 гг. Он сведен нами в следующие таблицы:

По всем русским и алтайским селениям вместе

Обеспеченность хозяйств скотом	1924 г.		1927 г.	
	А бсолютное количество хозяйств	в %%	Абсолютное количество хозяйств	в % %
Количество обследованных хозяйств	9766	100	10850	100
Совершенно не имеющих скота	355	3,6	178	1,6
Имеющих от 1 до 5 голов	4588	46,9	4085	37,7
Имеющих от 6 до 35 голов	4653	47,7	6304	58,1
Имеющих от 36 до 200 голов	169	1,8	279	2,6
Имеющих от 200 и выше	1		4	-
Бескоровных	558	5,7	265	2,6
Безлошадных	836	5,7 8,5	696	6,4
По группе	алтайских	селений		
Количество обследованных хозяйств	3549	100	3861	100
Совершенно не имеющих скота	95	2,3	46	1,1
Имеющих от 1 до 5 голов	1655	46.7	725	19,1
Имеющих от 6 до 35 голов	1631	46,6	2782	72,0
Имеющих от 36 до 200 голов	117	2,4	305	7,8
Амеющих от 200 и выше	1	_	3	/-
Бескоровных	161	4,5	79	2,0
Безлошадных	276	7,7	204	5,0

Следовательно, и в первые годы после образования Горно-Алтайской автономной области у алтайцев еще продолжало существовать классовое расслоение.

По степени обеспеченности скотом, являвшимся основным средством производства, алтайцы делились на три группы: 1) группу бедняцкую (сюда входили хозяйства, совершенно не имевшие скота и имевшие от 1 до 5 голов), 2) группу середняцкую (хозяйства, имевшие от 6 до 36 голов скота), 3) группу кулацкую, зажиточную (хозяйства, имевшие от 36 до 200 и выше голов скота). Первая группа в 1924 г. составляла 49%, т. е. половину всех хозяйств алтайцев, подвергшихся обследованию. Вторая — 46,6%, а третья — 2,4%. Последняя группа в указанное время, несмотря на ее малочисленность, продолжала сосредотачивать у себя большую часть скота, лучших пастбищ и покосов, что было для нее характерным до революции. Заметим, кстати, что упомянутый эконо-

Цифры обеспеченности хозяйств скотом даны в переводе на крупный скот.

мический материал, собранный в половине аймажов Горно-Алтайской автономной области, несомненно грешит преуменьшением количества скота, находящегося в руках кулацкой верхушки. Мне, занимавшемуся полевым исследованием алтайцев в 1925—1927 гг., хорошо известно, что кулацко-байская верхушка алтайцев в то время умела укрывать свой скот от учета его в государственных органах путем временной раздачи скота бедноте, путем содержания большой части стада с пастухами на далеких отгонных пастбищах и даже в Монголии.

За период 1924-1928 гг. включительно, в результате мероприятий Советской власти, направленных на улучшение материального состояния беднейшего крестьянства, происходил процесс осереднячивания как русской, так и алтайской части деревни Горного Алтая за счет подъема значительной части бедняцких хозяйств и постепенного перехода их в середняцкую группу. Маломощная группа в рассмотренных 5 аймаках уменьшилась за 5 лет с 4943 до 4213 хозяйств, а удельный вес ее в общем числе хозяйств снизился с 50,5% до 39,3%. По группе алтайских хозяйств снижение маломощной группы шло интенсивнее: с 49,2% до 20,2%. Последнее обстоятельство находится в прямой связи с осуществлением на практике ленинской национальной политики, направленной на быстрейшее подтягивание в хозяйственном, политическом и культурном отношениях основной массы крестьянства отсталых в прошлом национальных окраин.

Таблицы показывают также рост середняцкой группы алтайцев с 1631 до 2782 хозяйств. Тем самым удельный вес данной группы повысился с 46,6 до 72,6 % в общем количестве хозяйств. Рост этой группы произошел и за счет уменьшения группы маломощных хозяйств в результате улучшения материального положения трудящихся. Но в то же время выросла и верхушечная группа с 118 до 308 хозяйств, что составляет рост с 2,4 до 7,8% в общем составе хозяйств. Этот рост количества эксплуататорских хозяйств является прямым следствием контрреволюционной подрывной «работы» пробравшихся в руководящие органы области буржуазных националистов. Политика нэпа, допустившая временно существование частнокапиталистических элементов, в то же время предусматривала систематическое их ограничение и вытеснение. Буржуазные националисты, при попустительстве со стороны отдельных руководящих работников области, пытались направить развитие хозяйства области по пути роста и укрепления кулацкой верхушки. В те годы алтайские националисты широко пропагандировали «теорию», что у алтайцев до революции не было классов, а господствовал «патриархально-родовой» строй. На основе этой «теории» проводилась политика поощрения кулака. Естественным результатом такой политики было игнорирование на практике интересов бедняцких хозяйств. В то время как буржуазные националисты распространяли ложную теорию оботсутствии классового расслоения у алтайцев, а в официальных статистических сведениях сообщалось об отсуствии у алтайцев хозяйств, количество скота у которых превышало бы 300 голов (в переводе на крупный рогатый скот), алтайские баи спокойно увеличивали свои стада, широко эксплуатируя при этом труд бедноты. Достоверно известно, что во многих тысячах голов исчислялся скот у баев Онгудайского аймака: Аргымая Кульджина и его брата Манжи Кульджина. Эти баи укрывали свой скот в Монголии не только во время гражданской войны, но и в первые годы образо-

вания Горно-Алтайской области. Сумели сохранить большие стада и бан Кош-Агачского аймака, сведения о которых мы находим у С. А. Токарева. Он пишет: «Еще в 1930 г., по использованным мною материалам аймачной избирательной комиссии, в Кош-Агачском аймаке жили такие богачи: Керек-Иок Матыргалов, имевший 2524 головы скота, Карабай Тонжиков — 1986 голов скота, Степан Таранов — 1284 головы, Никита Суразаков — 1986 голов и т. д., и это после ряда лет проведения политики ограничения и вытеснения кулачества».1

Экономические позиции баев и особенно русских кулаков в этот период были значительны и в сельскохозяйственной мелкой промышленности и в торговле. В упомянутом отчете обкома ВКП(б) отмечается: «В сельскохозяйственной промышленности и промыслах роль частника также заметна. Мы охватили лишь полностью область промышленной переработки молочной продукции (масло- и сырозаводы), кроме мелких сепараторов, частично переработку животного сырья, зерна и дерева (кожзаводы, мельницы, лесопильные заводы и пр.) по линии организации предприятий при ККОВ (Комитетах крестьянских обществ взаимопомощи—Л. П.) и артельных из большинства предприятий (правда очень мелких) этого вида еще в руках частника. Кулак пока имеет сравнительно широкое поле деятельности в лесозаготовках, где через систему частных подрядчиков происходит сильная эксплуатация бедноты» (стр. 18).

Частник, естественно, ютился и в области торговли. По данным цитированного отчета роль его здесь была сравнительно ничтожна. «В общем торговом обороте на долю частника приходилось в 1926/27 году 11,6%, а в 1928 году лишь 3,8%. Из области торговли промышленными изделиями частник был вытеснен почти совершенно. Ютился он еще в области торговли с/х. продуктами (мясо, хлеб и др.) и в заготовках, особенно продуктов звероловства, где предприимчивый кулак-спекулянт выступал сплошь и рядом в качестве посредника между промысловиками и госзаготовителями. Подобного рода искаженные методы заготовок были не раз осуждены обкомом». Однако, эти данные не давали правильного освещения роли частника в области заготовок сырья и грешили основательным преуменьшением этой роли. Учесть частника было довольно трудно, ибо он маскировал свою эксплуататорскую деятельность. Скупая ту же пушнину у населения на кабальных условиях, по дешевым ценам, кредитуя охотников, особенно хлебом, частник сдавал заготовленную пушнину в тот же Госторг через подставных лиц. Так, например, бай Микишкин Ердаш (Эликманарский аймак), как мы установили, скупал в 1927 г. у охотников белку и платил им за шкурку 1 фунт керосина. Скупленную пушнину он сдавал агентам Госторга.

Торгово-ростовщическая эксплуатация была по-прежнему развита, особенно в черневых, таежных районах Алтая. Еще на Гобластном съезде Советов было отмечено, что спекулянты обирают охотников как липку. ² Тогда же говорилось, что в Кош-Агаче сырье (а там добывалось много сурка) выколачивалось за бесценок спекулянтами, особенно наехавшими из Киргизии.3 Надо отметить, что были случаи, когда спекулятивными приемами пользовались кое-где и работники кооперации, занося сюда «нэпманский душок». Например, в 1923 г. в Онгудайском

³ Там же, стр. 54.

¹ С. А. Токарев. Докапиталистические пережитки в Ойротии. М.—Л., 1936, стр. 40. ² Протоколы I обл. съезда Советов, стр. 17.

аймаке кооперация помогла населению своевременно уплатить трудгужналог, а потом принимала в уплату долга от населения белку по дешевой цене'.

В Кош-Агачском аймаке, например, занимался перепродажей в кооперацию шкурок сурка, собранных от земляков теленгитов, бай Дючин Дюдин, живший в Кокуре. Еще в 1930 году он имел 355 голов скота и держал батраков-пастухов. А бай Степан Таранов вел торговые дела даже в Монголии. Он торговал скотом, шерстью, кожей, сурком. Из Монголии привозил чай, шелк, трубки и разный мелкий товар. Пользуясь неорганизованность в деле хлебоснабжения области, спекулянты продавали населению хлеб и на этой почве особенно сильно происходило закабаление бедноты.

Рассмотрим наиболее распространенные в Горном Алтае, в описываемый период, формы кулацко-байской эксплуатации. В первую очередь это были различные формы кредитования кулаками и баями бед-

ноты: продуктами, скотом, сельскохозяйственными машинами.

Для скотоводческих районов по-прежнему весьма распространенной была раздача скота во временное пользование бедноте за обработки («полыш»). При этих отношениях бай, во-первых, приобретал себе бесплатных пастухов, ибо бедняк, берущий у бая скот, был обязан прокормить и сохранить взятых коров, овец или лошадей, во-вторых, бай заставлял бедняма производить в байском хозяйстве различные дополнительные работы. Животноводческая экспедиция, работавшая в Ойротии в 1926 г., следующим образом описывает эти отношения среди населения Чуйской степи (Кош-Агачский аймак): «Часто встречаются в составе юрты одного бая и хозяйства 2-3 бедняков, во всем зависящих от бая Такой бай имеет громадные стада овец (до 1000 и свыше голов), значительный табун лошадей (до 200 и выше голов), 15-50 голов крупного рогатого скота и 5-10 верблюдов. Окружающие бедняки имеют в большинстве случаев 20-30 овец, редко имеют 1-2 рабочих лошадей, 1-2 коров. Бай договаривается с такими бедняками, что он предоставляет право пользоваться разъездной лошадью и продуктами (молоком и шерстью от 30-40 овец), а за это бедняк (батрак?!) с семьей обязан пасти скот бая, стричь его овец, доить коров и овец, а равно выполнять все другие хозяйственные и домашние работы. Сам бай обычно никакого физического труда не несет. Затрата труда бедняка и размер оплаты никем не учитывается и выяснить этот вопрос хотя бы примерно не представляется возможным, так как бай дает сведения, что бедняк удовлетворен полностью («сколько хочет — столько доит и стрижет себе овец»), а бедняк обыкновенно уверяет, что «наш бай хороший человек», или отповаривается непониманием вопросов»⁴. В материалах избирательной комиссии Кош-Апачского аймака по делу баев братьев Савиных записано: «Савины Наир и Тамыр — индивидуалы, имеющие большое количество скота, не могут обслужить такового своими силами без наемных батраков и бедноты, вследствие чего имеют скрытый вид эксплуатации по пастьбе скота, как-то: отдачу овец бедняцкой части в пастьбу за то, что бедняки получают от скота «кизяк» (навоз), больше никакой платы не производят, а также обслуживание лошадей и сарлы-

¹ Протоколы II обл. съезда Советов, стр. 24.

² Токарев. Докапиталистические пережитки в Ойротии, стр. 40-41.

³ Там же, стр. 41.

⁴ В. С. Янпольский и П. Е. Абаимов. Животноводство в Ойротском крае, стр. 30.

ков (яки — Л. П.) передается своим родственникам, которые через бедняцкую часть населения обслуживают таковых». В этой форме эксплуатации, особенно характерной для скотоводческих районов Алтая в дореволюционный период, теперь особенно резко выступает стремление отдать на выпас скот родственникам. Такое стремление вполне понятно. Советская власть в период восстановительный, путем политики вытеснения и ограничения кулачества, значительно сузила эксплуатации. Поэтому байство всячески старалось замаскировать свою эксплуататорскую деятельность, и одним из видов этой маскировки была эксплуатация чужого труда под видом родственников или эксплуатация труда действительно родственников. Факты того и другого рода у нас имеются в изобилии. Мы ограничимся из них немногими. Обратимся снова к материалам избирательной комиссии Кош-Агачского аймака2. Вот дело бая, лишенца Бабака Диятова Чаган-Узунского сельсовета. Имеет 695 голов скота. Упорно отрицает эксплуатацию чужого труда. Однако его разоблачила группа бедноты. В протоколе собрания группы бедноты записано: «Диятов имел все время батраков, только это скрывал. Гражданин Диятов в 1928 г. держал батрака, которому платил зарплату аккуратно... Диятов имел родственников, как Чугушев Маак и Чугушев Шабай, которые работали у него по три года, и еще он нанимал на 3 месяца батрака Текова Чекорбая». Таким же образом был разоблачен и другой бай из Чаган-Узуна Аян Чолтушев. На собрании бедняцкой группы было указано, что он «эксплуатировал своего зятя Совлакова Ялбак, который у него жил вместе с женой 3 года». Далее указывалось, что в настоящее время бай Чолтушев пользуется чуким трудом, нанимая сезонных рабочих. Одновременно подчеркива-🔇 лось, что этот бай «мутил народ против колхозного строительства» и 🗙 «как крепкий» коренной старый бай пользуется старым авторитетом. Весьма характерно эта тактика алтайских баев выступает в следующем заявлении в избирательную комиссию бая Текен Савина (имевшего о 1285 голов скота). Он пишет: «Имея в наличии скот, как-то: баранов, сарлыков и табун лошадей, я не пользуюсь наемной силой и не имею батраков. Хотя у меня находится 14-летний мальчик Каланаков Салбак, но он пасет со мной совместно и своих овец. Табун кобыл отпущен на произвол и пасется в местности Ирбисту, пастуха тоже нет, а только иногда смотрит родственник Торбот, сарлыки (т. е. яки — Л. П.) находятся у родственника Улача. Словом, у меня нет наемных рабочих и я своими силами и силами близких родственников содержу скот. А посему прошу избирательную комиссию и т. д.».

В приведенном заявлении выпукло изложена тактика маскировки эксплуататорской деятельности баев. Надо сказать, что у каждого бая была уйма всяких родственников, ибо баи понятие «родственник» толковали весьма расширительно. Достаточно было бедняку принадлежать к сеоку бая или к сеоку матери бая, как такой бедняк назывался баем «карындаш», т. е. «братом» (буквально «единоутробный»). Здесь баи ловко использовали такой родовой пережиток, как сохранность родового наименования. Для баев родовые пережитки даже в условиях Советской власти некоторое время служили не только ширмой, но и пря-

¹ Токарев, Указ. соч., стр. 93—94.

² Токарев, стр. 91—92. По материалам, собранными нами в Усть-Канском, Онгудайском аймаках, баи скрывали батраков под видом «азранты», т. е. воспитанников.

² Ученые записки

мым орудием эксплуатации алтайцев. Нам лично пришлось обнаружить в 1931 г. в колхозе «Кызыл май» («Красный май») в селении Чичке Эликманарского аймака следующий случай. Пролезший в колхоз бай Покчин Санабай умудрился долгое время держать батрачку Курманову Саргыс под видом дочери. Он даже дал ей свою фамилию: в списках членов колхоза она значилась как Покчина Саргыс до тех пор, пока

Наряду с описанной формой эксплуатации в указанные годы ожили и такие виды феодальной эксплуатации, как «орток», «айбы кюнь» и т. д. Все эти формы эксплуатации получили снова развитие, видимо, потому, что были более приспособлены к безденежным отношениям и расчетам (денежное обращение в области до 1927 г. было довольно слабым), а главное все эти приемы пользования чужим трудом легко облекались в родственный костюм и таким путем прикрывали эксплуа-

таторскую сущность их.

Покчина не разоблачили как бая-кулажа.

Укажем еще на сдачу кулаками во временное пользование сельскохозяйственных машин. В отчетном материале обкома ВКП(б) наем и сдача сельскохозяйственного инвентаря названы «довольно распространенным видом эксплуатации». По этим же данным видно, что сельскохозяйственный инвентарь в значительной части находился в руках зажиточной и кулацкой верхушки. Например, по 5 сельсоветам Шебалинского и Чемальского аймаков: в руках кулаков было 30,2% всего сельскохозяйственного инвентаря при их удельном весе в составе хозяйств 3,3%, в руках середняков—63,5% и бедноты—6,3%. При этом в кулацких хозяйствах инвентарь занимал 62,6% всех средств производства этих хозяйств, в середняцкой группе 17,3%, бедняцкой — 7,4%. А из опрошенных весной 1928 года 3625 хозяйств (20% всех хозяйств) — 67,6% оказалось без пахотного инвентаря. Из сложных машин 25% на-, ходилось в совместном пользовании, остальные же в руках преимущественно середняков и кулаков2. Из этой неравномерной обеспеченности крестьянского населения сельскохозяйственным инвентарем и вытекала возможность эксплуататорского использования инвентаря кулачеством. Процент бедняцких и середняцких хозяйств, не имеющих сельхозинвентаря, был достаточно велик, чтобы эта форма эксплуатации могла распространиться. Вместе с этим широко практиковалось кредитование хлебом, мясом и т. д. под отработки. Отчет обкома ВКП(б) отмечает кабальный характер таких сделок: например, за 4 пуда хлеба поставить и вывезти 15 саж. дров. В подобных сделках особой беззастенчивостью отличались русские кулаки при заключении сделок с бедняком алтайцем, в силу большой беспомощности последнего и кулацких старых великодержавных взглядов на алтайца, как на «низшее существо».3 Кроме указанных форм эксплуатации, можно еще указать на «помочи» и супряги. Особенно широко были распространены помочи как в хозяйствах русских кулаков, так и алтайских баев. Прибегали к помочам иногда и середняки и даже бедняки. Чтобы показать эксплуататорский характер кулацких помочей, воспользуемся материалами, приведенными в цитированном отчете обкома ВКП(б). «Данные обследования 5 деревень говорят следующее: прибегают к помочам половина всех ку-

¹ См. об этом нашу книгу «Очерки по истории алтайцев», М.—Л., 1953.

² Вопросы хозяйственного строительства, стр. 22-23.

³ Там же, стр. 19. ⁴ Вопросы хозяйственного строительства стр. 23.

лацких хозяйств, 7% середняцких и 13,6% бедняцких. Участвуют в помочах: 10% кулацких хозяйств, 24% середняцких, 25% бедняцких. Доля в поденщинах разных трупп выражается так:

	Отдали:	Получили:
Кулаки	0,6 % 46,8 %	30,8 %
Середняки	46,8 %	60,6 %
Бедняки	52,6 %	8,6 %

Стало быть, на помочах беднота эжеплуатировалась кулаками. Известны были случаи, когда ряд кулацких хозяйств всю свою работу по хозяйству выполнял исключительно посредством помочей, не прибегая к найму. Так, например, вел свое хозяйство в 1926-27 гг. бай Санабай Суулуков в Куюмском с/совете, Эликманарского аймака и др.

Нам осталось еще рассмотреть форму эксплуатации, связанную с

арендой земли, как пахотной, так и покосов.

В области земельных отношений царизм оставил автономной области алтайцев тяжелое наследство. Прямым результатом царской колониальной политики было оттеснение трудящихся алтайцев на худшие, малопригодные для хозяйствования земли. Захват земель у трудящихся алтайцев кулацкой русской верхушкой имел место и во время гражданской войны. С образованием автономной области алтайцы стали предъявлять свои права на захваченные земли. Однако земельные споры и недоразумения исчезли далеко не сразу. Такому положению дела весьма способствовал слабый темп землеустроительных работ. В период гражданской войны население часто снималось с места, бросало свои земельные участки, оседало в новых местах, где захватывало новые участки. Таким путем заселялись и надельные земли алтайцев и так называемые «оброчные», т. е. предназначенные для аренды, бывшие кабинетские земли. В результате образовались новые наделы и оказались пустующими старые. Когда произошла национализация лесов, образовались чересполосицы и дальноземелья, вклинивания надельных земель в государственный лесной фонд Это случилось потому, что земли сельскохозяйственного назначения на Алтае обычно вкраплены среди лесов. Все описанное вызывало настоятельную потребность в быстром проведении землестроительных работ. Однако, ввиду колоссального объема работ и крайней малочисленности соответствующего технического персонала, работы эти шли очень медленно и сводились в первую очередь к государственной записи землепользования. Сущность данной работы сводилась к выявлению и определению государственного земельного фонда, отдельного от земель трудового пользования. Весь свободный земельный фонд поступал государству. Определение государственного и земельного фонда имело важное экономическое значение для рабочекрестьянского государства, ибо оно давало возможность эксплуатации государственных земель. Доход от эксплуатации государственных земель поступал частью в государственный, частью в местный бюджет. Точно так же подлежали разделению на государственные и местного значения лесные фонды. Задача землеустройства сводилась в этом отношении к составлению описи государственного лесоземельного имущества. Определение границ землепользования было в интересах трудового населения, ибо оно давало крестьянскому хозяйству уверенность в прочности этого землепользования, уверенность, что оно не изменится в границах.

Определение лесов местного значения и передача их в трудовое пользование уменьшало ряд расходов крестьянина.

Все остальные виды землеустроительных работ почти совсем не производились. Естественно, что неустроенность в земельном отношении постоянно создавала различные недоразумения и злоупотребления.

Сведения о форме землепользования до коллективизации сельского хозяйства у алтайцев содержатся в материалах животноводческой экспедиции, исследовавшей этот вопрос в 1926 г. В них говорится: «Форма землепользования в обследованных селеньях и вообще в области общинная и в большинстве случаев с захватным пользованием сельскохозяйственными угодьями. Только в Успенском (т. е. Чойском), а особенно в Лебедском (ныне Турачакском) аймаках распространена захватно заимочная и хуторская формы. В последние годы, — продолжают авторы, — в связи с проведением хозяйственного землеустройства появляются товарищеские и мелко-поселковые формы землепользования, но они пока заметного распространения не получили. Общинная форма пользования заключается в том, что почти вся данная земля находится в общем, нераздельном пользовании всех членов данного общества, за исключением пашни и сенокоса, которые обычно выгораживаются изгородями из общей массы земель и используются разно в отдельных селениях»1. Далее отмечается, что порядок пользования пахотными угодьями в большинстве случаев носил захватный характер и пашни находились в нераздельном пользовании. Кто где хотел, там захватывал землю и сеял. В русских селениях и некоторых алтайских пахотные угодья были разделены обычно по жребию и по взрослым мужским рабочим единицам свыше 18 лет, по расчету — «сколько приходится» (от 4 до 2 га на рабочую мужскую единицу). Но в некоторых селениях пашня была поделена на срок 15-20 лет по едокам обоего пола. Везде практиковалось уравнение наделов через 3-5 лет. В отношении порядка пользования сенокосами обследование 1926 года показало также известное разнообразие Так, в селениях и урочищах: Сок-Ярык, Онгудай, Ак-кем, Абай, Нижний Уймон, Усть-Кан, Шебалино, Мыюта, Бешпельтир-Чемал, Казахское земельное общество, Курай—сенокосы находились в разделенном пользовании и делились обычно по жребию ежегодно. «Нормы раздела сенокосов различны: в Сок-Ярыке, в Абае и уроч. Курай сенокос делился по едокам обоего пола в количестве 0,5 га на каждого, в с. Шебалино и деревне Мыюта — по числу голов всего скота в размере 1-1.5 га на голову; в остальных селениях сенокос разделяется по числу взрослых мужских рабочих единиц. Классовый подход при распределении сенокоса отмечен только в с. Усть-Кан, где сенокосы переделяются ежегодно, а поливные покосы раз в 10 лет по количеству едоков обоего пола. Дальние сенокосы отдаются мощным хозяйствам, а бедняцким малолошадным стараются дать вблизи села. При определении размера надела считаются с укосом травы».2

В других обследованных урочищах экспедиция отметила захватное пользование: кто где захватил покос, загородил, там и косит. Надо сказать, что захватное пользование покосами особенно сильно было развито в животноводческих районах Алтая, населенных алтайцами. Здесь, как правило, захватчиками выступали баи. В их руках захватным путем

² Абаи мов и Янпольский, стр. 39.

Животноводчество в Ойротском крае, стр. 38—39.

сосредоточились лучшие покосы, которые они обносили деревянными изгородями. Как распределялись сенокосные угодья в национальных районах области, можно судить по следующему примеру, относящемуся к Онгудайскому аймаку: по Каярлыку на каждого члена семьи в байском хозяйстве приходилось 9 гектаров сенокоса; на одного едока в середняцком хозяйстве — 5 га; на одного едока в бедняцком хозяйстве меньше гектара. По Кеньге на бая — 11,25 га, на середняка — 3 га, на бедняка — 1,86 га. При этом у бая — луг как луг, а у бедняка — не-

удобные склоны гор и кустарник. Алтайские баи, владевшие таким путем лучшими сенокосными угодьями в течение многих десятков лет, естественно, всячески стремились удержать за собой эти покосы. Известно, что при землеустройстве в царское время бан подкупали землемеров, которые за соответствующие взятки наделяли их лучшими пастбищами и сенокосами под видом «неудобных» угодий. С утверждением Советской власти, объявившей все земли всенародным достоянием трудящихся Советской страны, баи по-прежнему прибегали к различным приемам и ухищрениям, чтобы сохранить за собой старое положение. И это им известное время удавалось. Алтайская беднота, еще не вышедшая из-под байского влияния, частью по отсутствию достаточной политической сознательности, частью под влиянием байских угроз и террора, некоторое время терпела такое положение, не разоблачала баев и, таким образом, объективно, облегчала баям эксплуатировать себя. Последние же пользовались как слабой активностью бедноты, так и неналаженностью политической работы с нею и превратили захватное незаконное пользование покосами в средство экономического закабаления бедняков—хотя бы путем сдачи части

своих покосов в аренду за отработки.

Арендные отношения в Горном Алтае в описываемый период почти не изучались и мы располагаем весьма незначительным материалом в этом смысле¹. Весенним опросом в 1928 году было установлено, что в среднем по области арендует пашню 6,9% хозяйств и значительно больше—покосов. Большое развитие получила аренда пахотной земли в аймаках Майминском — 12,5 % арендующих хозяйств, в Усть-Коксин-<u>ском</u> — 10,8%, в Чойском — 10,5% и в Онгудайском — 8,5%. Средний размер аренды на 1 арендующее хозяйство составлял 1,5 га пашни.² Преобладающим видом аренды являлась внутрикрестьянская аренда, аренда Госфонда была совсем незначительной. В русских селениях сдавали в аренду землю преимущественно бедняцкие хозяйства, арендовали землю, главным образом, кулацкие и частично середняцкие хозяйства. Такое положение имело место там, где было проведено внутриселенное устройство или где был произведен общественный уравнительный передел. В районах же, главным образом, национальных, где сохранялась еще дореволюционная неравномерность распределения земли с большими наделами у верхушки и незначительными у бедноты, среди арендующих были и бедняки. Значительные ненормальности были замечены в арендных отношениях по линии национальной, между русским и алтайским населением. Пользуясь отсталостью бедняка-алтайца, русские кулаки, а в отдельных случаях и середняки, живущие по соседству с алтайцами, арендовали у последних сенокос и пахотные земли за ничтож-

² Там же, стр. 19.

Вопросы хозяйственного строительства. Отчетный доклад Ойротского обкома ВКП(б) к VI облпартконференции, стр. 19-21.

ную плату (за кирпич чаю, за старую рубаху и т. п.) и постепенно присванвали часть надела бедняка1. Арендная плата производилась деньгами, например, за десятину пахотной земли платили от 1 р. 50 к. до 2 руб.; за десятину покоса-по 1 руб. Вместе с этим большое распространение имели всякого рода натуральные, издольные и отработочные формы аренды. Имели место случаи, когда бедняк, сдавший землю в аренду кулаку, работал сам на этой сданной кулаку земле кулацкими орудиями труда и получал за это натурой определенную часть урожая. На почве издольщины и возникло наибольшее количество кабальных арендных отношений.² Такое положение было весьма обычным для национальных аймаков. Баи там сдавали в аренду покос беднякам на условиях «орток» (например в Усть Канском аймаке), т. е. на условиях испольщины. Бедняк получал от бая покос с обязательством уплатить баю половину накошенного сена. Работал бедняк-алтаец своим инвентарем, косил и сгребал сено тяжелым, ручным способом. У бедняков-казахов Кош-Агачского аймака баи арендовали покос тоже исполу. Сено косилось пополам с баями, вывозилось на байских лошадях и на усадьбе делилось пополам между баем и бедняком.

Таким образом, в описываемый период аренда земли иногда вместо того, чтобы помочь подъему малюмощных хозяйств, помогала в ряде мест, по признанию отчета обкома ВКП(б), «капиталистическому на-коплению в высших группах», т. е. способствовала росту кулака и, частично, содействовала превращению середняка в кулака³. Это было прямым результатом недостаточной работы партийной организации области с беднотой и недостаточное проведение политики ограничения кулачества. Надо сказать, что регистрация земельной аренды, особенно в национальных сельсоветах, часто не производилась, что, естественно, затрудняло борьбу с кабальными для бедняка арендными сделками.

Мы закончим обзор форм эксплуатации кратким изложением материала о найме, включенного обкомом ВКП(б) в отчетный доклад к VI областной партийной конференции. По данным обследования пяти селений получалась следующая картина: «Наймом занимаются: все кулащкие хозяйства, при этом большинство на срок свыше 15 дней; 37% середняцких — на сроки до 25 дней; 24,6% — бедняцких. Отпускают

рабочую силу 55% бедняцких хозяйств, 14,3% середняцких».

Этот пример говорит о широком применении в сельском хозяйстве сезонного и постоянного найма. Об этом же говорит число учтенных батраков (1305 батраков) при всей слабости этого учета. Несомненно, что в связи с общим подъемом сельского хозяйства, ростом его товарности и развитием промыслов происходил и рост применения наемного труда. Форма и размер оплаты были самые разнообразные. В национальных районах преобладает еще плата натурой (за корову, за лошадь, за мясо, хлеб и т. п.). Натуральные формы оплаты труда способствуют развитию кабальных отношений. Бывает, что бай нанимает дальнего родственника и говорит: «Работай у меня, паси мое стадо и получишь в награду столько-то лошадей, коров и овец». Есть случаи, когда такой родственник десятки лет, даже всю жизнь работает у бая в надежде получить в «подарок» целое хозяйство 4.

Вопросы хозяйственного строительства, стр. 20.

² Там же, стр. 20. ³ Там же, стр. 20. ⁴ Там же, стр. 21.

Некоторые наемные работники, батраки, жившие у бая, настолько были закабалены, что боялись перейти к другому баю (сообщено в колхозе имени 12 лет Октября, Онгудайский аймак). Баи Онгудайского аймака (например, Аргымай и Манжи Кульджины, Паинкин и другие) постоянных батраков держали мало, стараясь обойти советское законодательство, направленное к ограничению и вытеснению кулацкой эксплуататорской деятельности. Упор делался на наем кратковременных, сезонных рабочих. Рассказывают, что бай Манжи Кульджин имел до 200 таких рабочих 1. Постоянные же батраки тщательно скрывались под видом родственников, призреваемых сирот и т. д. Широко при этом использовался труд бедняцкой молодежи, в частности подростков. Отчет обкома ВКП(б) констатировал в 1928 г., что «борьба с такого рода закабалением и вообще экономическая защита интересов батрачества ведется чрезвычайно слабо. Сельсоветы и КОВ этим делом почти совершенно не интересуются. Слаба и сеть низовых профсоюзных ячеек. Распыленных по мелким поселкам и урочищам батраков-одиночек она совершенно не обслуживает. Труддоговорами охвачено всего лишь 37,3% всех учтенных батраков. Слабо поставлена проверка выполнения договоров. Батрак исчезает в ряде мест также из поля зрения партийных и комсомольских ячеек. Характерно, что на проведенных собраниях из всего состава присутствующих батраков всего лишь 3,1% при большем их удельном весе в составе бедноты и при большем проценте при-

сутствующих служащих на этих же собраниях»2.

Изложенный материал обязывает нас сделать некоторые выводы по рассмотренному вопросу. Процесс классового расслоения в Горном Алтае в восстановительный период носил в себе особенности и отличительные черты, характерные для расслоения крестьянства вообще в советских условиях, отмеченные в ряде решений Коммунистической партии. Особенности эти заключались в том, что мы наблюдали в Горном Алтае экономический рост бедняцких хозяйств и переход их в середняцкую группу. Тем самым возрастал удельный вес середняцкой группы в деревне. Далее мы должны отметить известный рост кулацкобайской верхушки. Буржуазные националисты способствовали сохранению среди алтайцев докапиталистических эксплуататорских отношений. Попытку возрождения докапиталистических форм эксплуатации в этот период можно определить как тактический прием байской верхушки в ее борьбе против мероприятий партии и правительства страны Советов, направленных по линии ограничения эксплуататорских классов в деревне, по линии вытеснения кулачества. Возврат к докапиталистическим, патриархальным формам эксплуатации, во-первых, помогал маскировать экономическую и личную зависимость производителя-алтайца от эксплуататора-бая. Типичные феодальные формы эксплуатации: «полыш», «орток» и т. д., замаскированные под видом родовой помощи, закабаляли бедняка алтайца со стороны бая не только экономически, но и идеологически. Закабаленный бедняк смотрел на свои отношения с баем через очки родовых, родственных связей и отношений. Нередко значительная часть бедноты алтайцев считала баев за благолетелей, за родовых покровителей, заботящихся о благополучии сородичей. Последнее обстоятельство облегчало баю укреплять позиции в борьбе с социалистическим строительством. Всячески эксплуатируя бед-

² Вопросы хозяйственного строительства, стр. 22.

По материалам, собранным опросным путем в Онгудайском аймаке.

ноту под видом родовой, родственной помощи, держа батраков под видом родственников, баи всемерно оберегали своих эксплуатируемых от влияния Советской власти. Батраков и бедняков баи не пускали на собрания, спарались изолировать от общения с членами Коммунистической партии, с комсомольщами, с советскими работниками. В этом отношении бан опирались на шаманов, на ярлыкчы, которые оказывали влияние на отсталых алтайцев через посредство многочисленных религиозных предрассудков. Были случан, когда шаман приезжал к больному и, узнав, например, что в данном селении есть пункт по ликвидации неграмотности, отказывался лечить больного до тех пор, пока не закроют ликпункт, или, в крайнем случае, не прекратят занятия на несколько дней, на время лечения, т. к. шаманские духи «не любят ликпунктов» і. Еще более активно в этом отношении действовали ярлыкчы 2. Последние даже предприняли несколько попыток установить контакт с Советской властью и получить ее признание. Так, по записям А. Г. Данилина ярлыкчы Тонкос Мандешев в селении Каракол (Онгудайского аймака) пытался провести моление 6 июня 1922 г. по поводу образования Горно-Алтайской автономной области. В другое время он пытался так же «освятить» молебствием областную партийную конференцию. Бурханизм в восстановительный период продолжал существовать, как «белая вера». Продолжались разъезды и проповеди ярлыкчей. Антирелигиозная работа в области проводилась исключительно плохо. Только в конце 1927 г. в резолюциях V областной партийной конференции было записано о необходимости «начать антирелигиозную пропаганду».3 Естественно, что этот крупнейший недостаток массовой политической работы был использован байством. Наряду с молениями ярлыкчы занимались антисоветской агитацией, и довольно активно. Они выступали против политических и хозяйственных кампаний. Так, например, в моменты развитого строительства маслодельных заводов они запрещали женщинам-алтайкам сдавать молоко на маслозаводы, уверяя, что после этого коровы перестанут давать молоко. Молоко предназначено для приношения его в жертву самым «чистым духам», мотивировали они, и сдавать его нельзя, иначе духи будут сердиться. Ярлыкчы Чичиков (урочище Тоботой, Онгудайского аймака) совместно с местными баями даже сорвал на некоторое время организацию маслодельной артели в начале 1928 г., а также проведение нового землеустройства. При строительстве теплых скотных дворов и срубных жилищ в колхозах ярлыкчы проповедовали, что лес рубить нельзя, «дух ерь-су будет недоволен, пошлет болезни» или «дух Алтая разгневается». В сенокос, с целью сорвать последний, новый запрет и новое запугивание: «будете косить во время цветения трав — лето будет ненастно. Огороды тоже не надо разводить — грех. Тракторами пахать нельзя, т. к. земля будет перевернута (обратной стороной), - за это, когда придет время, коммунисты ответят» и т. д. Ярлыччы же являлись источниками самых нелепых и контрреволюционных слухов. Так, в 1924 году был пущен слух о крылатой змее (канатту тилан), которая уничтожает красноармейцев. Появление крылатой змеи ярлыкчы толковали как предзнаменование войны с русским народом. Эта

Такого рода факты приведены в моей работе «Поездка в колхозы Чемальского аймака, Ойротской автономной области», стр. 47, Ленинград, 1932 г., Изд. Академии Наук

Проповедники и служители бурханистского культа.
 Резолюции V областной партийной конференции, стр. 46.

легенда была распространена в Усть-Канском, Онгудайском, Кош-Агачском и Эликманарском аймаках. Здесь следует помнить, что на воображение рядовых алтайцев в то время такие вещи могли очень сильно действовать, ибо эти бредни находились в соответствии с уровнем их старых шаманских представлений. Нужно признать, что долгое невнимание местных советских и партийных организаций к вопросу антирелигиозной пропаганды, особенно к вопросам борьбы с шаманством и бурханизмом, несомненно, явилось тормозом в развитии социалистического строительства в Горном Алтае в восстановительный период. Религиозные предрассудки помогали баям удерживать в ряде случаев идеологическое господство, над трудящимися алтайцами. Не случайно же все крупнейшие баи теснейшим образом были связаны с ярлыкчами и шаманами.

В связи с изложенным, может возникнуть вопрос — маким образом в условиях Советской власти в Горном Алтае в указанный период продолжали существовать эксплуататоры, баи и кулаки, эксплуатировавшие бедняков как алтайских, так и русских? При ответе на этот вопрос нужно напомнить, что в описываемый период в Советском государстве кулачество еще продолжало существовать как класс. В его руках сохранились орудия производства. Кулачество некоторое время официально пользовалось правом свободного землепользования и наймом рабочей силы. В это время запрещалось раскулачивание, ибо генеральная линия Коммунистической партии выражалась в политике только ограничения кулачества как класса, ограничения его эксплуататорских тенденций, вследствие того, что тогда у Советского государства еще не было возможности заменить капиталистическое производство в деревне социалистическим производством в виде колхозов и совхозов. Кулацкое производство на некоторое время было нужно нашей стране и поэтому тогда нельзя было вступить на путь ликвидации кулачества как класса. Молодое социалистическое производство еще было недостаточным, чтобы обслужить потребности развивающегося Советского государства. Вспомним, что решения XV съезда Коммунистической партии (декабрь 1927 г.) исходили из того, что кулачество как класс должно было некоторое время сохраниться и поэтому, наряду с усилением политики ограничения и вытеснения капиталистических элементов деревни, съезд нашел целесообразным оставить пока в силе закон об аренде земли и о найме труда в деревне и потребовал точного проведения в жизнь этого закона. Идя на временное сохранение кулачества как класса, Коммунистическая партия исходила из интересов всего советского общества в целом. Однако она не забывала и об интересах трудящегося крестьянства и с этой целью в нашей стране проводились различные меры, направленные на ограничение эксплуататорских тенденций и возможностей кулачества.

В свете генеральной линии Коммунистической партии в отношении кулачества—существование кулацких и байских хозяйств в Горном Алтае становится вполне понятным. Ясно, что и в условиях Горного Алтая должна была проводиться эта же генеральная линия партии. Мы видели, что социалистическое производство здесь было в описываемый период весьма слабым, ничтожным. Совхозов не было. Колхозов было мало и колхозы эти были еще слабыми и играть значительной роли в экономике, в силу этого, они не могли. Отсюда и в Горном Алтае временно сохранялось байство и кулачество с оставлением в их руках орудий

производства, с предоставлением им права пользования землей, наймом труда и т. д. Но и в Горном Алтае перед руководящими партийными и советскими организациями стояла задача ограничения экоплуататорских стремлений байской, кулацкой верхушки. Надо сказать, что сохранение эксплуататорского класса в Горном Алтае вовсе не предполагало те именно формы и ту именно степень эксплуатации трудящихся, которые мы описали выше. Сохранение эксплуататорского класса неизбежно влекло за собой эксплуатацию трудящихся. Советская власть прекрасно это знала и даже временно шла на это, но шла не слепо, а сознательно и потому проводила политику ограничения эксплуататорских устремлений кулачества. Политика ограничения как раз и была направлена к защите интересов трудящихся от их эксплуататоров, в этом был смысл политики ограничения и вытеснения кулачества. И если в Горном Алтае имели место случаи жестокой, варварской эксплуатации, то только потому, что местные партийные и советские организации слабо проводили эту политику ограничения эксплуататорской верхушки. этом вся суть, а не в том, что политика Советской власти узаконивала, хотя и временно, любые формы и степень эксплуатации трудящихся. Поэтому мы считаем необходимым рассматривать вопрос о том, каким образом осуществлялась на практике в Горном Алтае политика ограничения эксплуататорской верхушки.

Генеральная линия партии по отношению к крестьянству, до ликвидации кулачества как класса, на основе сплошной коллективизации нашла правильное отражение в решениях и резолюциях Ойротской областной партийной организации 1. Особенно подчеркнуто это в материалах V и VI областных партийных конференций. В резолюциях V облпартконференции указано, что основной задачей партии в деревне является «укрепление союза пролетариата и бедноты с середнячеством» 2. При этом отмечалось, что «в деле руководства массами, организации бедноты, укрепления бедняцко-середняцкого блока и изоляции кулачества исключительное значение имеет правильное налаживание работы с бедняцко-середняцким активом3. В отношении деревенской бедноты еще в 1924 г. в резолюциях III областной партийной конференции было указано: «Создать вокруг партии широкий актив беспартийных крестьян и батраков, бедняков и середняков, направить возрастающую активность деревни в русло советского строительства»4. Здесь же говорилось о том, что массовая работа партии с крестьянством и организация крестьянства должна проходить через: а) сельсоветы, б) кооперацию, в) общества крестьянской взаимопомощи, г) избы-читальни. В области работы Советов конференция требовала активной работы, основанной на самодеятельности трудящихся Ойротии, на тесной связи сельсоветов с населением, требовала борьбы с бюрократизмом, требовала установления регулярной отчетности сельсоветов перед населением. Внимание коммунистов, работавших в Советах, направлялось на мажсимальное обслуживание нужд широких масс крестьянства, на защиту

¹ Материалы I областной партийной конференции, стр. 6, 7, 20, 21, 31; резолюции и постановления II обл. партийной конференции, стр. 6, 7, 9, 28, 33; резолюции V обл. партконференции, стр. 5—9, 21, 23, 31, 34, 36, 38, 39; вопросы хозяйственного строительства. Отчетный доклад обкома ВКП(б) на VI обл. партконференции, стр. 4—31; резолюции Ойротской облпартконференции, Улала, 1929, стр. 11—14.

Резолюция облпартконференции, стр. 7.
 Резолюция V облпартконференции, стр. 7.
 Резолюции III облпартконференции, стр. 5.

интересов бедноты. Конференция требовала усиления политического руководства работой сельсоветов. Работе по кооперации партийная конференция придавала огромное значение, отмечая, что задачей развития кооперации является вытеснение из торговли частного капитала и тем самым установление тесной связи между крестьянским хозяйством и социалистической промышленностью. Кооперация должна организовать крестьянина и как производителя. «Укрепление и рост кооперации. говорится в резолюции III облпартконференции, — есть прежде всего борыба за освобождение бедняка и середняка от кулацкой и ростовщической кабалы, принимающей в деревне самые различные формы. Вовторых, широкое вовлечение в кооперативную самодеятельность крестьянских масс — есть школа коллективного хозяйствования для крестьянина, наиболее простая и понятная»². В отношении работы общества крестьянской взаимопомощи партийная организация ставила задачу превращения этой организации в подлинные органы деревенской бедноты, могущие на деле вырывать ее из кабалы кулацко-байской верхушки.³ Третья областная партийная конференция рекомендовала «не ограничивать работу общества только оказанием материальной помощи (семьям красноармейцев, сиротам, погорельцам, инвалидам), но вести работу по объединению маломощных крестьян, с целью поднятия их хозяйства, втягивания и облегчения бедноте доступа в кооперацию, путем приобретения из собственных средств паев, предоставления кредита и т. д., организации простейших объединений вокруг наиболее доступных приемов общественного труда (совместное использование инвентаря, артели и т. д.)»4. Конференция предлагала партийной организации усилить работу среди женщин-крестьянок: «Вовлечение женщины-крестьянки и в особенности алтайки в общественную жизнь, в наше советское строительство и кооперацию, оживление работы делегатских собраний женщин, организация вокруг наиболее близких их пониманию мероприятий». 5 Относительно работы с батрачеством конференция констатировала следующее: «Распыленность его и чрезвычайная культурная отсталость, особые условия взаимоотношений с хозяином, в особенности батраков-алтайцев, где сохранились патриархальные взаимоотношения, делают работу среди батрачества особенно сложной. Парторга-<mark>низация должна уделять этой работе больше внимания, чем до сих пор.</mark> Первые шаги должны заключаться в учете батрачества, изучении быта и условий труда и взаимоотношений снанимателем, в особенности-батрачества туземного, вовлечение батраков и батрачек в профсоюз. Как одна из предпосылок для этой работы должна быть усилена работа союза Всерабземлеса».6 Таким образом можно констатировать, что областная партийная организация Горно-Алтайской автономной области правильно понимала свои задачи в отношении проведения генеральной линии партии по вопросу о крестьянстве. Но результаты проведения в жизнь этой политики были явно недостаточными. Такое положение объясняется тем, что местная областная партийная организация далеко не всегда обеспечивала проведение в жизнь своих правильных решений.

¹ Резолюции III облпартконференции, стр. 5.

² Там же, стр. 34. ³ Там же, стр. 7.

⁴ Там же, стр. 7—8.

⁵ Там же, стр. 9.

⁶ Там же.

Не будет преувеличением сказать, что по существу только с конца 1924 г., т. е. после решений III областной партийной конференции, работа с батрачеством ставилась на серьезную почву. До этого работа парторганизации с батрачеством, как и вообще работа в крестьянских массах, здесь имела крупнейшие недостатки. Это обстоятельство было охарактеризовано в резолюции в разделе «Основные недостатки нашей парторганизации» двумя пунктами: «1) Неумелый подход к крестьянской массе. 2) Две крайности: или замкнутость ячейки внутри себя, или растворение в беспартийной массе и потеря облика члена партии» 1.

С наибольшей четкостью недостатки работы областной партийной организации в деревне были выявлены и сформулированы на V областной партийной конференции. Конференция в резолюции по отчетному докладу обкома ВКП(б), признав линию работы обкома правильной и одобрив ее, констатировала, что «ряд низовых ячеек не научились еще правильно отличать кулака и в достаточной степени изолировать его своей работой по организации бедноты, бедняцко-середняцкого актива и укреплению союза бедноты с середнячеством. Наряду со случаями отрицания наличия кулачества в деревне и хвостизма в деле руководства деревней, замечается еще в ряде мест, несмотря на решения Сибпартконференции, «расширительное толкование кулацкого слоя под общим названием «зажиточных», в какую группу, наряду с кулацкими элементами, попадает значительное количество и середняков»². Конференция эта уже могла констатировать и определенный успех работы парторганизации в политике ограничения и вытеснения кулачества. Конкретно это выразилось в устранении кулажа от влияния на выборы в сельсовет и повышении участия в выборах широких слоев населения Горного Алтая. В выборах 1926—27 гг. участвовало 61,9% населения. Советы Горно-Алтайской области имели в 1927 г. в своем составе 55% бедняков и 13,9% середняков. Процент алтайцев в Советах составлял 44,6%. Таким образом, Советы в это время уже опирались в своей работе на бедняков и середняков, среди которых стали играть значительную роль трудящиеся алтайцы.

Тем не менее, практическая работа по осуществлению генеральной линии партии в деревне (русской и особенно алтайской) не обеспечивала выполнения решений, принимаемых областными партийными конференциями. Возьмем, например, такой основной вопрос, как организация работы с беднотой и батрачеством. На нем можно проследить недостаточное выполнение решений Ойротской партийной организации. Так, в докладе обкома ВКП(б) на январском пленуме 1928 г. было отмечено: «Вопрос о работе с беднотой обсуждался нашим обкомом 6 раз. За это время мы дали целый ряд подробных директив о том, как вести работу с беднотой. В этих директивах указывалось о мерах поднятия мощности бедняцких хозяйств, о кредитовании, о кооперировании беднячества и т. д. Такая частная постановка вопроса с беднотой объясняется тем, что все даваемые на этот счет директивы очень медленно выполняются. Мы в настоящее время имеем со стороны отдельных ячеек определенную недооценку этой важнейшей работы»³. Как видно, недоопределенную недооценку этой важнейшей работы»³. Как видно, недоопределенную недооценку этой важнейшей работы»³.

Резолюции III областной партийной конференции, стр. 9.
 Резолюции V обл. партийной конференции, стр. 5.

³ Протокол № 2 заседания пленума Ойротского обкома ВКП(б) от 1 января 1928 г. из материалов архива Ойрот. обкома. См. также отчетный доклад Ойротского обкома ВКП(б) к V облпартконференции, стр. 26—32.

статка в заседаниях по обсуждению данного вопроса не было, но результаты работы были незначительны. Особенно слабой была работа по оказанию хозяйственной помощи бедноте в виде ссуд, сельскохозяйст венного кредита. По этому поводу в постановлении 8-го пленума обкома от 5—9 сентября 1927 г., по докладу бюро обкома было констатировано следующее: «а) недостаточно соблюдается классовый подход: против 1925-1926 года уменьшилось число ссуд, выданных бедняцкому населению и понизился средний размер ссуд, причем разрыв между средним размером ссуд, выданных беднякам и более мощным слоям деревни, возрос не в пользу бедноты; б) национальная политика в области сельскохозяйственного кредита осуществлялась недостаточно: если туземная беднота и получает в абсолютных цифрах больше кредитов, чем середняки и зажиточные алтайцы, то общая сумма кредита, отпускаемая туземному населению, меньше суммы, полученной русским населением. Кроме того, при общем понижении среднего размера ссуд средний размер ссуды, полученный алтайской частью населения. уменьшился больше, чем для русского населения; в) целевое назначение ссуд, определяемое кредитным планом, точно так же недостаточно отражает интересы бедняцкой части деревни и национального момента, недостаточно кредитов на крупный рогатый скот, овец, промысла» В выступлениях членов пленума приводились некоторые примеры, как порой бедняцкий фонд уходил зажиточным. Кредитное же товарищество при этом «мотивировало», что оно «не поняло» соответствующих инструкций и циркуляров. Несомненно, что на данном участке порой действовал классовый враг. Иногда проявлялись великодержавные шовинистические установки, по которым выходило, что алтайцев, например, нельзя кредитовать натурой, так как тут можно алтайцу дать не то, что ему надо» (!?). Весьма существенные недостатки в работе по хозяйственной помощи бедноте были зафиксированы и в отчетном докладе Ойротского обкома ВКП(б) к V областной партийной конференции³.

Такое же отставание в выполнении решений областной партийной организации наблюдалось и в отношении работы с батрачеством. В отчетном докладе обкома на VI обл. партийной конференции было отмечено, что «слабыми участками работы являются» защита экономических интересов батрачества и борьба с кабальными отношениями на почве аренды, найма, отработок и т. п., особенно в национальном урочище, где байство использует пережитки родовых отношений» Явно недостаточной была работа по политическому воспитанию батрачества и бедноты. Эта работа, как и вообще работа с беднейшими слоями деревни в восстановительный период в Горном Алтае, велась не систематически, кампанейски. В момент больших политических кампаний работа с беднотой и батрачеством оживлялась, давала весьма заметные положительные результаты, а затем, когда оканчивалась кампания, работа с беднотой велась от случая к случаю. Разумеется, это тормозило

развитие социалистического строительства.

В 1926 году, на ноябрьском пленуме обкома была дана директива о развертывании работы среди бедноты во время перевыборов в Сове-

1 Из архива Ойротского обкома ВКП(б).

 $^{^2}$ Выступление Краева на VII пленуме обкома, 15 июня 1927. Архив обкома. 3 См. отчетн. доклад обкома к V облпартконференции, стр. 18-20.

⁴ Заключительное слово т. Папардэ по отчетному докладу обкома на VI облпартконференции. Архив обкома.

ты. Областной комитет и аймачные комитеты партии мобилизовали на эту работу весь наличный партийный актив. И несмотря на то, что в эту кампанию слабо был втянут комсомол и профсоюзы, все же работа с беднотой в кампанию перевыборов получила небывалый в области размах. Всего было проведено 439 бедняцких собраний, охвачено ими 14789 человек. На собрания привлекались и середняки (число участвовавших середняков составляло в среднем 20% от числа всех присутствовавших). Впервые в эту кампанию беднота выступала организованно. Она проявила большой интерес к вопросам лишения избирательных прав кулацко-байской верхушки, к сельскохозяйственному кредитованию, землеустройству, состоянию школ и т. п. Благодаря активности бедноты значительно лучше проходила работа по лишению избирательных прав людей, чуждых Советской власти Краткие результаты этой кампании мы привели выше. Однако после перевыборов работа среди бедноты пошла на понижение, а местами совершенно прекратилась, несмотря на то, что вопросов, которые бедноте надо бы разрешать активно и организованно, было более чем достаточно 1. Такое положение работы с беднотой имело следствием замедленный темп социалистического строительства, т. к. слабостью советской и партийной работы с беднотой пользовался кулак и бай. Об активности алтайских баев за этот период может дать некоторое представление кампания по лишению избирательных прав баев и выборам в Советы на примере Кеньгинского сельсовета, Онгудайского аймака.

Выборной кампании 1926-27 гг. в Горном Алтае предшествовала и сопутствовала работа по лишению избирательных прав эксплуататорож и вообще классово чуждых людей. Лишение избирательных прав протекало в полном соответствии со специальной инструкцией ВЦИК'а, которая была вывешена в каждом селении. Этой мерой здесь, как в других местах, кулачеству и байству наносился чувствительный удар в смысле ограничения их эксплуататорских возможностей, в смысле лишения их влияния на общественную жизнь в деревне и урочище. Баи и их ставленники проникали в органы Советской власти и, разумеется, использовали это положение в своих классовых целях. Для иллюстрации достаточно будет привести следующий пример. В Кеньгинском сельсовете членом сельсовета работал бай Рыс Манжин, один из сыновей бая Манжи Кульджина. Председателем ревизионной комиссии был бай Карман Кульджин, сын известного бая Аргымая. Разумеется его «общественная» деятельность протекала в полном соответствии со своими фамильными интересами и в тесном контакте с отцом Аргымаем, который благополучно вел свое огромное эксплуататорское хозяйство. Членом же ревизионной комиссии состоял и бывший диакон А. И. Суразаков, Этот байский бүкет был возглавлен бывшим белобандитом Алашевым Титаном², который работал в качестве председателя данного сельсовета. Можно представить, как была поставлена «работа» с беднотой в этом сельсовете по изоляции ее от кулачества и байства. А между тем в Кеньгинском сельсовете было больше всего батрачества и бедноты, ибо в этом сельсовете жили крупнейшие баи Горного Алтая, имевшие большое количество скрытых и явных батраков. Следует упомянуть, что в

• 2 Впоследствии он был осужден за контрреволюционную деятельность на 10 лет.

¹ См. отчет Ойротского обкома ВКП(б) к V областной партийной конференции, а также доклад обкома «Итоги перевыборной кампании на VI пленуме обкома 4-го созыва 15 марта 1927 г.». Архив обкома.

это время бан имели своих людей и в аппарате Онгудайского аймакисполкома. Одним из членов президиума аймакисполкома работал в то время Чинатов Калбан, сын бывшего зайсана. О характере его работы можно судить по следующему факту. Когда в конце 1926 г. в аймаке происходило лишение избирательных прав баев, Чинатов был послан от аймажа в помющь избирательной комиссии в Кеньгинский сельсовет. Ему был поручен избирательный участок Ело, где он должен был провести работу по лишению избирательных прав целого ряда баев, выявленных избирательной комиссией. Приехав в Ело, Чинатов остановился у жены умершего бая Сапока Паинкина. Он сразу же вошел в контакт с баями, лишенными избирательных прав, и вместо того, чтобы довести эту работу до конца, оформить ее, он занял линию восстановления их в избирательных правах. Он усердно писал для них заявления о восстановлении в аймачный исполнительный комитет, всячески доказывал, что они не эксплуататоры, а «благодетели» бедноты и т. д. Одновременно он устраивал и свои личные дела и объявил о намерении жениться на вдове бая Сапока Паинкина.

Работа по лишению избирательных прав баев протекала в трудных условиях, в условиях ожесточенного и тонкого сопротивления байства. Это можно показать на примере работы Кеньгинской избирательной комиссии. Списки лишенцев составлялись и обсуждались первоначально на партийных и комсомольских собраниях. Они обсуждались затем на собраниях групп бедноты, где нередко дополнялись, уточнялись и т. п. Дальше списки утверждал президиум сельсовета, наконец, аймачный исполком. После этого списки лишенных избирательных прав всюду вывешивались на видных местах. На собраниях групп бедноты были случаи, когда беднота выступала в защиту того или иного бая, против лишения ero избирательных прав. Обычно это были наиболее «надежные» байские работники-батраки, либо до такой степени закабаленные и запуганные баем, либо им подкупленные, что они слепо выполняли его волю. Таких бедняков бай сам охотно посылал на собрания бедноты, с инструкцией защищать его, отрицать эксплуатацию, преуменьшать количество байского скота и т. п. Наряду с этим были бедняки, которые еще искренне верили в баев как в своих родовых благодетелей. Баи активно готовились к перевыборной кампании. Они устраивали подпольные собрания, где обсуждали свои кандидатуры. Известны также случаи, когда лишенные избирательных прав баи проникали на отчетноперевыборные собрания с целью повлиять на ход собрания, и удалять их оттуда приходилось буквально силой. Было замечено, что, если на отчетно-перевыборные собрания пробирался бай, беднота молчала, не выступала, и языки развязывались только после удаления лишенца с собрания. Однажо и в таких случаях еще некоторое время наблюдалась сдержанность в выступлении бедняков. Последнее обстоятельство объясняется тем, что беднота была терроризирована баями. Байские агенты присутствовали почти на всех собраниях и доставляли баям точную информацию о тех, кто выступал против баев, разоблачал их, баи настоящим образом охотились и совершали террористические акты. Так, например, после проведения кампании по лишению избирательных прав в Кеньгинском сельсовете был совершен террористический акт в отношении комсомольца Быйкыева Якши, который активно выступал на собраниях с разоблачением эксплуататорской деятельности баев. Быйкыев был тяжело ранен выстрелом из ружья. Покушавшийся на него сын белобандита и кулака Борошев действовал по заданию байской контрреволюционной организации. Эта организация была раскрыта в 1927 году органами ГПУ, после покушения на комсомольца Байкыева. Во главе организации стояли баи Тимжай Сапогов и Рыс Манжин, сыновья крупнейших баев. Организация ставила целью совершение террористических актов против советских и партийных работников. У членов этой контрре-

волюционной организации было отобрано много оружия.

В результате работы по лишению избирательных прав в Кеньгинском сельсовете все крупнейшие баи оказались лишенцами. В это же время был лишен избирательных прав известный бай Аргымай. Он особенно упорно добивался своего восстановления. Аргымай вернулся из Монголии уже после образования Горно-Алтайской автономной области. Между прочим, сразу же по возвращении он попытался «договориться» с Советской властью. Он хотел «пожертвовать» облисполкому табун лошадей. В 1916 году Аргымай подарил царским чиновникам 100 лошадей для нужд армии, что произвело благоприятное впечатление на царских чиновников. Во времена конрреволюционного Каракорума Аргымай дал Алтайской Горной Думе 60000 руб., получив «горячую сердечную благодарность», и пр. Этим же приемом он хотел воспользоваться и в отношении Советской власти.

Когда ему не удалось «подарить» облисполкому табун лошадей, он стал. изображать из себя «культурного хозяина», вступил в общество «Добролет». С этого момента Аргымай выступает исключительно в костюме «друга» бедноты. Некоторым беднякам, свое влияние на которых он не считал достаточно прочным, Аргымай стал дарить скот. Одним он дарил скот под предлогом благодарности за сохранение скота во время своего отсутствия, ибо, сбежав во время гражданской войны в Монголию, он значительную часть своего скота роздал на хранение бедноте и маломощным хозяевам. Теперь, получив скот в сохранности, он отделывается от уплаты по уходу за скотом «подарками». Другим Аргымай «дарил» скот как родовой «благодетель», с целью укрепить свое общественно-политическое влияние среди бедноты Кеньгинского сельсовета. Он постоянно ратовал, чтобы молодежь ехала учиться, «покровительствовал» комсомольцам из своего сеока. Наряду с этим, он продолжал тонко и широко эксплуатировать бедноту. Наемным трудом теперь Аргымай пользовался осторожно. Он нанимал, главным образом, поденных рабочих во время сенокоса. Он особенно широко практиковал укрывание батраков под видом родственников и постоянно говорил, что у него нет батраков, а есть только «тороон-улус» — родственники, родня. У него появилось много так называемых «азранты», т. е. бездомных сирот, которых он держал под видом воспитанников в качестве пастухов. Об обращении с этими «родственниками» можно судить хотя бы по тому, что он недавал им даже чая для заварки, и пилы они «шанда» — навар березовой губки (наросты на березе).

Значительную часть коров Аргымай отдавал в доение. И вот, когда в избирательную кампанию 1926 года Аргымай был лишен избирательных прав, он был ошеломлен. Вначале он, не скрывая своего бешенства, напустился на председателя избиркома и грозил последнему тем, что ему придется «отвечать» перед Советской властью за лишение его, Аргымая, избирательных прав. Аргымай потребовал выписку из протоко-

² Там же, фонд XIV, дело № 50.

¹ Западносибирский краевой архив. Фонд XIV, дело № 2, г. Новосибирск.

ла избирательной комиссии, инструкцию ВЦИК о лишении избиратель. ных прав лиц, враждебных Советской власти, и затем поехал в аймач-<mark>ный исполнительный комитет, где пытался доказать, что он никогда не</mark> был эксплуататором, что он всего-навсего только «культурный хозяин», помогающий Красной Армии разведением лошадей. Он предлагал опросить бедноту в его присутствии с целью получить подтверждение тому. что он никого не эксплуатирует. Аргымай говорил, что если его считают кулаком по количеству скота, то он охотно отдаст скот Комитету крестьянского общества взаимопомощи и сделается по скоту «середняком». Хлопоты в аймаке не дали положительного результата Аргымаю: у него не приняли даже заявления с протестом против лишения избирательного голоса и предложили обратиться снова в избирком. Вернувшись к председателю избиркома, Аргымай уже изменил тон обращения и старался всячески убедить председателя в том, что он никого не эксплуатирует, и предлагал довольно много свидетелей из бедняков. Одновременно Аргымай пытался действовать и по другой линии. Он спросил председателя избиркома, из какого рода тот происходит. Получив ответ, что из сеока «мундус», Аргымай сказал: «Значит, ты наш, «настоящий алтаец», а не черневой. Это хорошо. Я напомню тебе старую пословицу: кускун кускуннын козин чокубас (ворон ворону глаз не клюет)». Когда Аргымай получил отпор на этот намек, он стал звать председателя избиркома к себе вечерами, чтобы «скучно не было» и предложил «не стесняться» и брать у него, когда нужно, баранов.

Алтайские баи еще имели влияние на батражов и бедняков-алтайцев². Последнее обстоятельство находилось в прямой связи со слабостью политической советской работы среди беднейших слоев деревни. Поэтому вполне справедливо V областная партийная конференция признала по докладу обкома, что работа с деревенской беднотой «еще недостаточно развернута и в большинстве носит кампанейский характер (проведение собраний при выборах, налоговая кампания и пр.), что кредитование бедноты недостаточно влияет на коллективизацию бедняцких хозяйств»³. Поэтому конференция предложила усилить работу с беднотой,

направляя ее по линии:

а) расширения материальной помощи бедноте (кредит, землеустройство, снабжение сельскохозяйственным инвентарем и машинами через организацию машинных товариществ и прокатных пунктов, предоставление и правильное использование различных льгот, усиление помощи со стороны Комитетов Общества взаимопомощи, вовлечение бедноты в разного вида производственные товарищества и артели и т. д.);

б) поднятия самодеятельности бедноты в Советах, КОВ'-ах, кооперации и др. организациях на местах через регулярное проведение собраний и оживление работы групп бедноты, добиваясь при этом наиболее полного отражения интересов бедноты в работе всех организаций, не упуская при этом основной задачи партии в деревне — всемерного

3 Ученые записки 33

¹ Мы задержались с такой подробностью на Аргымае потому, что хотели на конкретном примере показать различные формы и способы уловок, к каким прибегал этот матерый эксплуататор, чтобы продолжать свою эксплуататорскую деятельность в условиях советского строя. Нам хотелось показать на конкретном примере, как действовали при Советской власти те самые баи, социальное лицо которых мы показали в своей книге «Очерки по истории алтайцев».

 ² Газета «Ойротский край» от 7 ноября 1927 г.
 ³ Резолюция V облпартконференции, стр. 6.

укрепления союза пролетариата и бедноты с середнячеством»¹. Особенное внимание конференция обратила на необходимость «усилить вовлечение батраков, батрачек, пастухов в Союз СХЛР» и на усиление «защиты их от эксплуатации кулацкими хозяйствами путем строжайшего проведения в жизнь установленных правил и положений за-

щиты прав и охраны труда сельхозрабочих и работниц»2.

На V областной партийной конференции была подчеркнута задача пробуждения широкой инициативы трудящихся алтайцев. В резолюции по национальному строительству в качестве основного успеха отмечено: «Борьба за изоляцию эксплуататорских байских элементов от влияния на общественную жизнь села и урочища, проявляющуюся в отстранении их от влияния на выборы в Советы, первых начинаниях по организации туземной бедноты, общественном переделе, в ряде мест, сенокосных угодий, пашен и поскотины с соблюдением интересов бедноты и середняка»³. Однако дальше резолюция отмечает в качестве недостатка: «Крайне недостаточный охват туземной бедноты, батрачества и пастушества работой по организации бедноты, сплочению ее с середняком против баев. Влияние последних на бедноту в силу ее отсталости, нищенского положения и патриархально-родовых пережитков сказывается еще в сильной степени».

В части ограничения эксплуататорских тенденций кулацко-байской верхушки конференция считала необходимым: в целях ограждения интересов бедняцких и середняцких групп от захвата земель байскими и русскими кулацкими элементами, стремиться к доведению землеустройства в алтайских урочищах до двора, проводя переделы сенокосных угодий и пашни таким образом, чтобы бедноте и маломощным середнякам доставались бы более удобные по качеству и пользованию угодья...» «При образовании из крупных землепользований выселков и группового землепользования, стремиться объединить бедняцкие и бедняцкосередняцкие хозяйства в самостоятельные объединения, с целью облегчения дальнейшей работы по их кооперированию и организационно-хозяйственному обслуживанию»4. Далее конференция предлагала решительно пресечь захват земель алтайцев самовольными переселенцами. Конференция ставила задачу ограждения трудящихся алтайцев от захвата земель местными русскими кулаками под видом скрытой аренды, путем ускорения разбора такого рода дел в земельных судах, усиления популяризации среди трудящихся алтайцев действующего земельного законодательства, в частности закона об аренде, обязательной регист рации аренды земли в сельсоветах. Были отмечены попытки со стороны кулацко-байской верхушки маскировать свои эксплуататорские стремления национальными интересами, особенно при землеустроительных работах по размежеванию земель, путем разжигания национальной розни. Последнее обстоятельство вызвало необходимость напоминания об усилении работы по сплочению трудящихся алтайцев и русских, особенно бедноты. Дополнительно к вышеизложенному следует несколько осветить вопрос осуществления политики ограничения и вытеснения кулачества в Горном Алтае. Известно, какую большую роль в проведении данной политики играл налоговый аппарат. Как обстояло дело с

Резолюция V облпартконференции, стр. 7.

² Там же. ³ Там же. ⁴ Там же, стр. 38.

проведением классового принципа при обложении населения сельскохозяйственным налогом, дают представление данные в отчете обкома V областной партийной конференции. В отношении обложения налогом бедноты партийное руководство обращало достаточное внимание на необходимость освобождения от налога бедняцких и маломощных хозяйств. В результате мы имеем:

1925—26 г. освобожденных от налога бедняцких хоз-в 5516 1926—27 г. 1927—28 г. ---------«--7872 --«-

Данные последнего года, приведенные в таблице, свидетельствуют о том, что от налога в Горном Алтае было освобождено около 40% крестьянских хозяйств. Кроме этого, обкомом были даны директивы о значительном изменении способов исчисления доходности скота, применяемых центром, ибо они являлись завышенными в условиях алтайского экстенсивного скотоводческого хозяйства. Обком установил необходимость понижения норм доходности для национальных скотоводческих районов с дифференциацией по аймакам. Это дало возможность установить действительное соответствие обложения по области. Кулацко-байская верхушка ответила на налоговую политику Советской власти укрывательством объектов обложения. С этой целью баи, например, широко практиковали отгон скота в соседние аймаки и раздачу скота «на хранение» бедноте. В ряде случаев большую роль в выявлении скрытых объектов обложения сыграли бедняцкие собрания и местные комсомольские организации. Благодаря бдительности комсомольцев были, например, обнаружены укрытые от налога стада Аргымая, которые он угнал в Усть-Канский аймак. Таким же образом были обнаружены стада усть-канских баев на территории Онгудайского аймака. Тем не менее, работа по выявлению укрытых объектов обложения проводилась недостаточно энергично³. Это, естественно, способствовало укреплению экономических позиций баев и кулаков. Были случаи, показывающие, что на местах этой работе не придавалось должного политического значения. Так, например, в Кош-Агаче работа по выявлению скрытых объектов обложения была поручена однажды баю, которому доверили такой ответственный политический участок работы и даже платили ему за эту «работу» деньги.

Большой слабостью отличается в Горном Алтае в рассматриваемый период защитная и правовая работа среди батрачества в низовых и средних звеньях советского аппарата, особенно в национальных аймаках. Здесь, в результате недооценки эксплуататорской деятельности баев и работы ряда националистов в советском и партийном аппарате области, работа по защите батрачества и бедноты от эксплуатации кулацко-байской верхушки имела крупные недостатки. Об этом свидетельствует слабый учет батраков, почти полное отсутствие регистрации договоров батраков с баями, то же самое и в отношении аренды, наконец, огульное применение «Временных правил об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах» к хозяйствам кулацким, поз-

² См., например, протоколы 2 областного съезда Советов, стр. 24; постановления II сессии Ойротского облисполкома 26—30 мая 1927 г., стр. 3—4.
³ Резолюция IV пленума обкома «О сельхозналоге на 1926—27 гг.»; постановления II сессии облисполкома 26—30 мая, стр. 3—4.

¹ Отчетный доклад Ойротского обкома, стр. 11-12, архив обкома.

волявшее кулацким хозяйствам укрываться под маркой трудового зяйства». Батрачество и беднота имели довольно слабое представление о своих правах, о советском законодательстве, направленном к защите их интересов от эксплуататоров. Далеко не всегда знали это зако-

нодательство и следили за его выполнением и сельсоветы².

Вместе с этим необходимо отметить одно важное мероприятие Горно-Алтайского облисполкома, которое сыграло видную роль в политике ограничения и вытеснения кулацкю-байской верхушки. Мы имеем ввиду постановление областного комитета о разгораживании байских поскотин. Зизвестно, что бай, захватывая лучшие сенокосные угодья, загораживали их поскотиной, и никто из бедняков или середняков не решался косить в огороженном участке, считая его принадлежащим баю. Таким образом, лучшие сенокосы находились фактически в частной собственности бая, хотя юридически они являлись, согласно закону Советской власти о земле, всенародным достоянием. Постановление облисполкома об уничтожении этих изгородей было подлинно революционным мероприятием, имевшим глубокое политическое значение для национальных аймаков Горного Алтая. Проведение в жизнь данного постановления сыграло революционизирующую роль в настроении бедноты. Байские покосы, обнесенные деревянной изгородью, построенной руками батраков, были в сознании трудящихся как бы символом, олицетворением байского могущества. Как до революции, так и после образования автономной области алтайцев, стояли эти загородки, охраняя байские покосы. Неприкосновенность байских покосов даже при Советской власти воспринималась в сознании трудящихся алтайцев как выражение силы и авторитета бая. Мечты трудящихся алтайцев, связанные с приобретением байских покосов, казались несбыточными. И вдруг появляется распоряжение местных органов Советской власти об уничтожении этих ненавистных байских загородок, о необходимости раздела байских покосов между трудящимися. Нетрудно представить, какое впечатление произвело данное постановление на трудящихся. Здесь особенно четко и конкретно выступала сущность Советской власти, направленная к защите и обеспечению материальных интересов трудящихся. Постановление было встречено трудящимися с большим подъемом. Баи же усиленно старались сорвать его выполнение. Они вели бешеную агитацию против его выполнения, доказывая, что это принесет «вред» всему хозяйству Алтая, что беднякам не выкосить этих покосов, «силы» не хватит. Одновременно широко применялись угрозы, запугивания: кто будет это делать, тому потом «плохо придется». Ярлыкчи и камы грозили проклятием. Они пытались при этом разжечь и национальные чувства, пугая тем, что, как только разгородят байские покосы, они перейдут в руки русских крестьян.

Однако благодаря активности административного аппарата в нацио-

Упомянутые «Временные правила» были утверждены Совнаркомом СССР в 1925 г. и распространялись только на трудовые крестьянские хозяйства, в которых наемный труд носит подсобный характер. Наемный же труд в кулацких хозяйствах регулировал-ся Колексом Законов о Труде и Постановлением ЦИК и Совнаркома СССР «О порядже применения Кодекса Законов о труде в кулацких хозяйствах», изданным 20 февраля 1929 г. (опубликовано в № 44 «Известий» от 22 февраля 1929 г.). К «Временным правилам» была издана специальная инструкция (Постановл. СНК от 24 июля 1925 г.). ²См. предисловие к «Циркуляру Ойротского облисполкома по защите прав батра-

чества», стр. 1—2.

³ К сожалению, никто из исполкома не мог сказать точно, когда появилось это постановление. В местном архиве мне также не удалось найти этого документа.

нальных аймаках, постановление это неукоснительно проводилось в жизнь. На собраниях бедноты широко разъяснялось политическое и практическое значение данной меры. Бедноту всячески ободряли, разъясняли, что в Горном Алтае, как и во всем Советском Союзе, все земли и леса принадлежат трудящимся,что разгораживание байских покосов есть практическое осуществление законных прав трудящихся алтайцев, завоеванных для них Советской властью. В результате большой разъяснительной и практической работы с беднотой, байские загородки в одних местах были уничтожены совершенно, в других сохранены, но все покосы и земли были разделены между трудящимися. Все это весьма подняло и укрепило авторитет советских работников, особенно коммунистов в алтайском урочище. Но баям иногда все же удавалось в известной мере сохранить свое прежнее положение в отношении владения захваченными покосами. Это достигалось, главным образом, следующими путями. В одних случаях баи приобретали различными способами наделы покосов у бедняков, в других случаях просто присваивали себе наделы своих скрытых батраков. Способы приобретения бедняцких наделов были различны. Либо бай «арендовал» покос у бедняка, за право пользования молоком байских коров или ездовыми лошадьми. Чаще эта аренда уплачивалась натурой. Либо присваивал надел за то, что он, бай, в свое время много лет «помогал» бедняку, «кормил» его. Нужно ли говорить, что эта аренда носила скрытый кабальный характер и не регистрировалась в сельсовете. Следует отметить также, что после разгораживания и дележа поскотины баи еще в большей степени стали пользоваться отношениями «полыш», т. е. отдачей скота в доение и под съезд. После ликвидации байских изгородей стали строить общую поскотину для каждого селения. Раньше в тех селениях и урочищах, где делали поскотину, обычно распределяли труд по городьбе общей поскотины по едокам. Каждый домохозяин огораживал определенный участок поскотины из расчета установленной нормы на едока, по количеству членов семьи. При этом байская семья количеством, например, в 4 человека обязана была загородить столько же поскотины, сколько и бедняцкая семья такого же состава. Теперь же общую поскотину городили из расчета определенного количества метров на 1 голову скота. Кто имел больше скота, тому доставалось и большее количество работы по устройству изгороди.

Пятая областная партийная конференция Ойротии выдвинула как важнейшую задачу всех партийных, хозяйственных и кооперативных учреждений и организаций «экономическую организацию» алтайской и русской бедноты и середняков в различные кооперативные объединения, причем указывалось, что наиболее жизненными для Горного Алтая, исходя из особенностей алтайского аила или урочища, являются простейшие виды сельскохозяйственного объединения: товарищества и артели по общественной заготовке корма (на основе общего владения сенокосилками или граблями), товарищества по совместной обработке земли, животноводческие товарищества, промысловые артели (охотничьи, лесные) и т. п. В то же время конференция сосредоточила внимание и на вопросе создания национального актива работников социалистического строительства, путем выдвижения особенно пролетарских элементов, работавших на промыслах и в кулацких хозяйствах.¹

¹ Резолюция V облпартконференции, стр. 39—46.

Таким образом, можно сказать, что на основании изложенного выше, решения центральных органов Коммунистической партии и рабочекрестьянского правительства по вопросу о крестьянстве находили правильное отражение в основных документах Горно-Алтайской областной партийной организации. Однако практическое выполнение их в повседневной работе шло медленно и нередко сопровождалось различными искривлениями. Данное обстоятельство было подчеркнуто в решениях VI областной партийной конференции, которая нашла массовую работу в деревне в неудовлетворительном состоянии. Конференция отметила: «Смотр групп бедноты показал, что группы у нас существуют, в подавляющем большинстве, только на бумаге. Работа их совершенно не налажена. Партийное руководство — слабое. И, по-существу, объявивши смотр, мы убедились, что у нас и смотреть-то нечего. В общем же работа с беднотой продолжает носить компанейский характер. Из-за слабости работы с беднотой, интересы ее в работе учреждений часто обходятся, борьба с эксплуатацией бедноты ведется слабо...» «У нас слабо изучение процессов классового расслоения деревни, из-за чего в нашей работе происходит искривление классовой линии, которое ведет к подрыву союза со середняком, к развязыванию кулацко-байской верхушки деревни».2

Кроме того, конференция указала, что в партийной ции «имеется ряд болезненных явлений, таких, как потеря классового чутья, отступление от генеральной линии партии» (в работе по сельскохозяйственному кредиту, по Единому сельскохозяйственному налогу,

индивидуальному обложению и т. д.).3

Следовательно, в решениях VI областной партийной конференции - Горно-Алтайской области мы находим не только констатацию, но и объяснение слабого состояния работы в алтайской деревне. Партийное руководство в Горном Алтае находилось в особо трудных условиях, оставшихся в наследство от колониальной политики царизма. Невероятная хозяйственная, политическая отсталость, почти абсолютная неграмотность национального населения, опутанного байской замаскированной кабалой и религиозными предрассудками, требовали чрезвычайной политической гибкости, глубокого знания истории общественных отношений в алтайском урочище и аиле. Между тем, этого знания, позволяющего рассмотреть подрывную работу классового врага, тонко маскирующегося в национальный костюм, любящего прикрываться своей «темнотой», часто не хватало местным практическим партийным и советским работникам. Даже в официальных партийных документах можно иногда обнаружить отмеченную слабость. Так, например, в материалах по национальному вопросу, обсуждавшемуся на 1-й областной партконференции, мы читаем такие тезисы, принятые конференцией: «В деле проведения национальной политики среди ойротских племен необходимо помнить, что эти народы стоят на пути от средневековья к буржуазно-капиталистическому обществу и что им неизвестен гнет своей национальной буржуазии» (подчеркнуто нами. — Π . Π .). На деле же, как это известно из специальных исследований, 5 национальная сельская буржуазия

² Там же, стр. 5, 13.

Резолюция VI областной партконференции, Улала, 1929, стр. 4.

³ Там же, стр. 7, 13. ⁴ Материалы I Ойротской областной партконференции РКП(б), стр. 16.

⁵ См. нашу работу «Очерки по истории алтайцев»; работу С. А. Токарева «Докапиталистические пережитки в Ойротии» и др.

у алтайцев перед революцией была, стало быть, трудящиеся алтайцы испытывали, конечно, и гнет ее эксплуатации. Разумеется, такое отрицание национальной буржуазии в Горном Алтае не могло не отразиться на результатах практической политической работы, ибо оно оказывало прямую услугу классовому врагу — алтайским баям и буржуазным националистам. Последние всячески старались изображать историческое прошлое алтайцев Ойротии как «родовую идиллию» и упорно отрицали существование у алтайцев национального кулачества. Видимо, поэтому-то в известный период баи сумели пробраться в ряд сельсоветов и там

представляли собой «советскую власть».

Далее обратим внимание и на следующий неправильный тезис того же раздела, в котором говорится: «Полуторавековое угнетение русским империализмом сплотило ойротские племена без различия своего социального положения. Богатый алтаец и бедняк, живущий в батраках у этого богача, видели одинаковое отношение со стороны царских чиновников и русской буржуазии»¹. Здесь резко искажена история отношений царского колониального аппарата с зайсанско-байской верхушкой. Царское правительство вовсе не одинаково относилось к зайсанам, баям и трудящимся алтайцам. Зайсанов, например, оно освобождало от налогов, хотя они были богачами, а трудящихся душило налогами. Зайсанам давались чины и награды, они имели свободный доступ к царским чиновникам и т. п. На известную часть зайсанско-байской верхушки царский колониальный аппарат целиком опирался в проведении колонизаторской политики грабежа и насилий. Конечно, было и оппозиционно настроенное против царского правительства байство, которое испытывало со стороны царизма частичное ущемление своих эксплуататорских интересов. Из этого видно, что в областной партийной организации Горно-Алтайской автономной области в момент ее зарождения существовали ошибочные представления об историческом прошлом алтайцев, что не могло не создать благоприятную почву для распространения буржуазно-националистических тенденций даже в среде некоторых членов Коммунистической партии. Возникновение и пропаганду буржуазно-националистических взглядов в указанный период в Горном Алтае не следует считать случайным явлением, поскольку в то время реально существовала зайсанско-байская эксплуататорская верхушка, сохранившая, как было показано выше, довольно сильные экономические позиции в сельском хозяйстве алтайцев. Буржуазные националисты, независимо от субъективных намерений каждого из них, объективно являлись идеологами зайсанско-байской верхушки алтайцев. Идеи, которые они проповедовали, иногда даже с высокой партийной трибуны, не только не способствовали улучшению работы по социалистическому строительству у алтайцев, а, напротив, тормозили этот прогрессивный процесс. Приведем некоторые националистические высказывания отдельных коммунистов-алтайцев, чтобы получить представление о классовой сущности проповедываемых ими взглядов. Особенно организованно и громко прозвучали националистические выступления некоторых алтайцев на VI пленуме (март, 1927 г.) областного комитета Коммунистической партии Горного Алтая, где обсуждались «Итоги перевыборов в Советы», во время которых областная партийная организация сумела мобилизовать силы и повела решительное наступление на кулацко-байскую верхушку,

¹ Материалы I областной партконференции, стр. 16.

опираясь на работу с деревенской беднотой, укрепляя союз с середняком. Выше уже указывалось, что данная кампания дала успешные результаты. Несомненно, это было «не по нутру» эксплуататорской, байской верхушке. Успехи партии заставляли националистов активизировать свою деятельность, так как националисты отражали интересы баев, зайсанов, демичей и т. п. эксплуататоров. Выступая по докладу «Итоги перевыборов в Советы», некоторые работники-алтайцы всячески старались смазать ту положительную роль, какую сыграла кампания по выборам в Советы в 1926-27 гг., благодаря большой работе по организации бедноты. 1 И. Михайлов, например, повел нападки на основной вопрос — на политику партии в алтайской национальной деревне по отношению к беднейшему крестьянству. Он прямо заявил: «В отношении алтайской бедноты нужно сказать, что она не может служить нам опорой. т. к. под нее не подведено экономической базы...» По словам И. Михайлова, беднота рассуждала следующим образом: «Ежели мы будем высказываться против бая на собраниях, то на другой день он нам откажет в толкане»2. По Михайлову, выходило, что сначала алтайского бедняка нужно «обогатить», потом уж опираться на него. Здесь же выяснилось, что отдельные партийные работники из алтайцев высказывали такую мысль, что «русские на Алтае есть не что иное как гости, и продолжительность их оседлости здесь кратковременная»³. Если И. Михайлов заявлял о том, что партия не может опираться на алтайскую бедноту, которая, по его мнению, будто бы не представляла собой социальной силы вследствие слабого экономического положения, то другой ответственный работник из алтайцев, именно-И. Зяблицкий, обвинил руководство обкома в том, что «в нынешнем году снизили процент алтайцев в сельсоветах, но это получается, как сказал уже Михайлов, потому, что мы вынуждены были ввести в сельсоветы партийцев, которые в Улале все почти русские»4.

В выступлении Зяблицкого ясно высказано желание устранить руководство партии в алтайских сельсоветах и аймаках на том «основании», что партийные работники-«русские». Это, конечно, образец стремления националистов «замкнуться в рамках своей национальной скорлупы», отгородиться от влияния и руководства партии. По этим выступлениям на пленуме обкома партии нетрудно видеть, насколько были распространены тогда националистические настроения у ряда ответственных работников-алтайцев и как эти настроения мешали налаживанию правильной линии в политической работе в алтайском аиле. Вполне понятно отсюда, почему так медленно развивалась работа с беднотой у алтайцев. Националистические тенденции были направлены против важнейшего ленинского принципа работы в деревне. Можно ли удивляться тому, что работа с алтайской беднотой, например, в Улаганском аймаке, где упомянутый выше И. Михайлов был секретарем аймачного партийного комитета, полностью отсутствовала. Надо сказать, что вопрос организации политической работы с алтайской беднотой особенно волновал националистически настроенных ответственных работников-ал-

 ¹ Архив обкома, материалы VI пленума.
 ² Выступление Михайлова на VI пленуме 15/III—1927 г. Архив обкома.
 ³ Архив обкома, материалы VI пленума, выступление Шварца.
 ⁴ Архив обкома, VI пленум ОК от 15/III—27 г., выступление И. Зяблицкого.
 ⁵ См. отчет Ойроткого обкома партии V областной партийной конференции, стр. 28.
 Архив Горно-Алтайского обкома КПСС.

тайцев. Выступления против развития этой работы не ограничились только упомянутым VI пленумом Ойротского обкома в 1927 г., где алтайские националисты выступали особенно дружно и организованно. Такие выступления были и на III расширенном пленуме Ойротского обкома, состоявшемся в марте 1928 г. Работник Кардаманов, например, выступая на этом пленуме, требовал свертывания работы с алтайской беднотой, предлагал вести ее только летом, мотивируя это тем; что зимой алтайцам «некогда на собрания ходить». Кардаманов обвинял областное партийное руководство в игнорировании этой «особенности алтайской жизни». На деле же, разумеется, националисты стремились не допускать, тормозить работу и рост политической сознательности алтайской бедноты.

К. Филатов на этом же пленуме выступал против позиции областного партийного руководства по вопросу о развитии алтайской национальной школы. Он предлагал ликвидировать алтайские начальные школы-интернаты, как «дорогостоящие». Но принятие такого предложения означало практически закрыть пути к образованию детям бедноты алтайцев. В Горном Алтае в то время алтайское население еще во многих районах вело кочевой и полукочевой образ жизни. Для облегчения доступа в школу детям, особенно детям из бедняцких семей, при начальных школах устраивались интернаты, что и давало им возможность учиться. Нет необходимости продолжать изложение материалов, характеризующих наличие сильных националистических тенденций в рассматриваемый период истории Горно-Алтайской автономной области. Уже приведенные выше факты достаточно показывают, что в классовой борьбе, протекавшей в эти годы в Горном Алтае, националистические взгляды и настроения играли отрицательную роль в социалистическом строительстве. Националисты в указанные выше трудные годы пытались увлечь партийную организацию Горного Алтая на антиленинский путь, на путь отказа от практического осуществления задач ленинской национальной политики. Они пытались создать и разжечь национальную рознь. Медленное развертывание политической работы с батрачеством и беднотой в Ойротии в восстановительный период и недостаточное осуществление на практике политики ограничения и вытеснения кулацко-байской верхушки, применявшей самые дикие, самые кабальные формы эксплуатации, есть в значительной мере результат деятельности националистов. Нельзя забывать того, что националисты сумели пробраться в областной, аймачный партийный и советский аппарат. Партийная организация Горного Алтая, несмотря на допускавшиеся ею отдельные ошибки в руководстве социалистическим строительством, сумела дать отпор националистическим взглядам и настроениям и не свернула с ленинского пути. Это дало возможность областной партийной организации Горного Алтая закалиться и вырасти и успешно провести руководство социалистическим переустройстом экономики, культуры и быта алтайцев.

¹ Архив обкома.

ОЧЕРК РАЗВИТИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ АЛТАЙСКОГО ЯЗЫКА И ЕГО ДИАЛЕКТОВ

I

Исторические сведения о тюржских народах и их языках, а также литературные памятники и сравнительно-исторические исследования в области алтайских языков позволяют нам установить следующие основные эпохи в развитии всех тюркских языков и, в частности, алтайского языка: 1) алтайская эпоха (до III века до н. э.); 2) хуннская эпоха (до V в. н. э.); 3) древнетюркская эпоха (до X в. н. э.); 4) эпоха развития и формирования тюркских народностей (X—XV вв.); 5) эпоха становления тюркских народностей и формирования их в нации (XV—XIX вв); 6) эпоха после Великой Октябрьской социалистической революции.

Наиболее древняя — алтайская — эпоха и последующая за ней хуннская не оставили науке достоверных памятников, характеризующих соответствующие особенности тюркских языков. О некоторых из них мы можем судить только по гипотетически восстанавливаемым древнейшим элементам в более поздних мертвых и современных живых языках, а также по древнейшим этночнимам, общим для народов, на-

пример, хуннской эпохи и для современных народов.

Так, современный родо-племенной состав алтайцев показывает, что значительная их часть, и в этом числе телеуты, теленгиты, телесы, тяргеши и некоторые другие племенные группы, — были тесно связаны с древнейшими родами и племенами тукю и теле (ср. китайские транскрипции ди-ли чи-лэ или далань, долоньга; в них нетрудно видеть те же названия теле, теленгит, телеут; ср. и более поздние названия этих же племен: гаогюй и хойху<монг. ойхор, тюркск. уйгур).

Исторический и вполне реальный анализ генетических связей алтайцев с древнетюркскими народами, а также анализ алтайского языка и процессов его развития возможны только начиная с древнетюрк-

ской эпохи, т. е. примерно с VI века нашей эры.

Совпадение названий родов и племен северных и южных алтайцев

¹ Н. Я. Бичурин (Иокинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, 1. М—Л. 1950, стр. 213.

с названиями родов и племен, перечисленных в енисейско-орхонских надписях, безусловно свидетельствует не только о тесных генетических связях современных алтайцев с древнетюркскими племенами, но и о том, что основным этническим субстратом алтайцев являются уйгурские роды и племена, смешанные с более поздними по времени огузами.

Так, общими названиями в родо-племенной структуре древних тюр-

ков и алтайцев являются:

древние тюрки

телес кыпчак кыргыз тюргеш тогус огуз

тардуш

аз чик

алтайцы

тöлöс (теленгит, теленгут); кыпчак (теленгут, алтай-кижи); кыргыс (алтай-кижи); тиргеш (туба); тогус <тогус огус (туба, тиргеш); тодош (теленгит, алтай кижи, комдош, комнош (у туба); тöрт ас (теленгут, ач-кыштым); чагат (туба).

Из восьми приведенных названий только два требуют некоторых пояснений для установления их тождества. Это, — во-первых, тогус, которое сближается с тогуз огуз орхонских надписей на том основании, что в тюрских языках, и в особенности в тех, которые относятся к восточной их ветви, характерны фонетические стяжения сложных основ и грамматических форм слова, особенно в тех случаях, когда последующий компонент в сочетании слов фонетически близок к предыдущему или совпадает с ним (ср., напр., стяжения в казахском языке: мен отурмын мын отур-ур мын). В сочетании тогуз огуз в алтайском языке целиком выпал второй его компонент, фонетически повторяющий почти всю основу первого компонента: тогус стогуз ус стогуз огуз.

Второе название: др. -тюркск. тардуш < алт. тодош — может быть объяснено выпадением звука р в позиции перед согласным (явление широко распространенное для тюркских языков и, в особенности, для современного новоуйгурского) и позднейшей народной этимологиза-

гией слова.

Остальные названия либо существуют в алтайском языке как названия самостоятельных родов, либо входят в состав сложных наимено-

ваний (ср., например, «торт ас»).

Из родовых названий общими для алтайцев и для киргизов являются: кыпчак, телес, мундуз (алт. мундус) — все три названия относятся к южным алтайцам: алтай кижи (кыпчак), теленгитам (тёлёс) и теленгутам (мундус).

Все эти данные указывают на то, что современные алтайцы являются потомками древних киргизских, древних уйгурских и более позд-

них, отделившихся от уйгуров, древних огузских племен.

Исследуя вопрос о генетических связях современных алтайцев,

¹ Названия тöлöс, теленгит, теленгут содержат в себе общее племенное название древних теле (уйгуров).

следует дифференцировать по существу две этнические группы, составляющие ныне алтайскую народность: южных алтайцев, куда входят алтай-кижи, теленгиты и телеуты, и северных алтайцев, куда входят туба, кумандинцы и чалканцы. Эти две группы, сложные по своему этническому составу, имеют не только различные степени генетической связи с древнеуйгурскими племенами, но и различные языковые отношения

с древнетюркскими языками.

Так, северные алтайцы, смешанные по своему этническому составу, в большей степени сохранили черты древнетюркских языков, хотя и не в такой мере, как, например, тувинцы, тафалары (каратасы) и якуты, в то время как предки южных алтайцев, находясь вместе є древними киргизами в длительном общении с кыпчаками, приобрели кыпчакские черты языка, хотя и сохранили свою древнюю основу, общую с древнекиргизским языком, близким по своему грамматическому строю и основному словарному фонду к древнеогузским (тукю) и древнеуйгурским языкам (ср. языки енисейских, орхонских и уйгурских памятников).

Таким образом, вопрос генезиса языка современных киргизов и их этнических и языковых связей с древнекиргизским языком можно выяснить через посредство анализа родоплеменного состава и языка современных алтайцев, а происхождение алтайцев — в связи с выяснением этнических и лингвистических связей и отношений между северными и южными алтайцами, языки которых представляют собой последовательную цепь развития от древнетюркских языков: древнеуйгурского, древнеогузского или тукюйского, древнекиргизского и др. и наиболее близких к ним языков тувинского, тафаларского (карагасского) и якутского к языкам хакасскому и шорскому, затем — к северным диалектам алтайского языка (туба, кумандинский и чалканский) и наконец, — к южным алтайским диалектам (алтай-кижи, телеутскому и теленгитскому) и киргизскому языку.

Итак, предки современных алтайцев, как это видно из общности некоторых племенных и родовых названий, сохранившихся у современных киргизов и алтайцев, входили отчасти в состав древних киргизов (южные алтайцы), а отчасти в состав уйгурских и огузских племен; языки же той и другой группы имели такое же отношение друг к другу, как языки древних тюркских письменных памятников Еннсея, с одной стороны, и орхонских и уйгурских памятников — с другой, т. е. как языки племен близко родственных, входивших в общие племенные сою-

зы, они различались слабо.

Следы общности языка предков Алтая с языком енисейско-орховских и уйгурских памятников можно проследить по некоторым общим чертам, сохранившимся в современном алтайском языке, в его фонети-

ческой структуре, грамматическом строе и в словарном составе.

Так, из фонетических особенностей, сближающих алтайский язык с древнетюркскими языками (древнеуйгурским, древнеогузским и древнеиргизским), можно указать, например, озвончение согласных в интервокальной позиции, ср., например, озвончение т>д в языке орхонских надписей: kitär — kidär (уходящий, долженствующий уйти);

¹ Ср. С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, М.—Л., 1952, стр. 4—8; а также W. Schott. Über die âchten Kirgisen (Abh. d. Königl. Ak. d. Wissenschaft, Berlin, 1864).

вйtüп — büdün (все)'; озвончение с>з: болмазун (да не будет)² и проч. Озвончение глухих согласных в интернокальной позиции в алтайском языке является характерным не только для указанных случаев, но и для прочих согласных. Из других тюркских языков озвончение т>д характерно для огузской их группы — азербайджанского, турецкого, туркменского.

Ряд общих черт обнаруживается также в лексике и в грамматическом строе древних языков и алтайского языка. Ср., например, общие

лексические пласты:

древнетюркский язык

äbírü — обходя;

bíti — писать; bögü — герой; jyd — запах; кulíg — знаменитый; mängü — вечный; gut — счастье, жизненная сила; toz — береста, силок из березы; basa — и еще;

bajat - 60r;

алтайский язык

эбир — обходить кругом, объезжать (эбире — вокруг); бичи — писать; бöкö — сильный, богатырь; јыт — запах; кÿлÿк — силач, удалец, ловкий, проворный, хитрый; мöнкÿ — вечный, вечно; кут — жизненная сила; тос — береста; база — еще, опять; байлаган сöс — запретные слова.3

Из грамматических соответствий укажем на:

древнетюркские

алтайские

а) В системе словообразования

1. Образование составных числительных:

säkíz on — восемьдесят; toguz on — девяносто;

сегизен — восемьдесят; тогузон — девяносто;

2. Продуктивная форма возвратного залога:

íminÿ — делать для себя (Малов, 47);

3. Продуктивная форма причастия на dacy—tacy: ölmäчи — умирающий (Малов, 46);

²Olypmaчы — сидящий (Малов, 46):

эдин — делать для себя; алын — взять для себя и проч.

3. Причастие на ачы/ечи: öлöчи — тот, кто должен умереть; алачы — долженствующий взять, и проч. отирачы — сидящий;

¹ A. von Gabain. Alttûrkische Grammatik, Leipzig, 1941, стр 54. ² С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951, стр 48 и др.

³ Все древнетюркские примеры даны по словарю: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951; алтайские — по словарю: Н. А. Баскаков Т. М. Тощакова. Ойротско-русский словарь, М., 1947.

- б) В системе словоизменения
 - 1. Наличие древних направительного, инструментального и уподобительного падежей:

іІгару біргару — на юг вперед; јігкаги — к земле (Малов, 127); кözin — глазом (Малов, 190); törün — по обычаям (Малов, 193);

gamavun — сообща, вместе (Малов, 196); 1. Сравнительно с другими тюркскими языками более частое употребление тех же падежей:

ичкери — вперед; энгиргери — к вечеру; чынын — истинно; акырын — медленно;

2. Форма личного окончания глагола 1-го лица множественного числа:

-мыз вм. -дук в других -міз -дук языках bіртіміз — мы дали imgiміз — мы делали Та же форма характерна и для современного алтайского языка:

бис бардыбыс — мы пошли; барарыбыс — мы пойдем; бис бердибис — мы дали; бис эттибис — делали.

i circipie

Много общих черт между древними тюркскими языками и современным алтайским имеется и в наименованиях, связанных с традициями, обычаями, верованиями и проч.

древнетюрские

алтайские

1. Общие названия годов животного цикла:

- 1) siчkan//küskü год мыши;
- 2) ud год коровы;
- 3) bars год барса, тигра; 4) — :
- 5) loo < lung год дракона;
- 6) yilan год змен;
- 7)
- 8) gojyn год барана, овцы;
- 9) Ысіп год обезьяны;
- 10) tagigu год курицы;
- 11) it год собаки;
- 12)

- 1) чычкан мышь (ср. хакасск. кўскў)
- 2) уй//инек;
- 3) барс;
- 4) —;
- 5) уулу;
- 6) јылан;
- 7) —;
- 8) кой;
- 9) мечин;
 10) такаа;
- 11) ийт;
- 12) -;

т. е. из двенадцати названий девять являются общими для древнетюркских языков и алтайского языка.

^Т A. von Gabain, цит. соч.,стр. 108.

2. К общим верованиям и обычаям относится, например, культ богини-покровительницы детей, алт. Май-эне — орх. Умай; духов воды и земли, алт. jep-cy — орх. ийр-суб (ср. чуваш сершын), кöк-тенери (небо) и др.

Все эти общие черты указывают на тесные генетические связи алтайского языка с древнетюркскими языками — древнеогузским, древ-

неуйгурским и древнекиргизским.

2

Алтайский народный язык во всем многообразии его современных диалектов сформировался, как и большинство тюркских языков, в последующую эпоху—эпоху развития и формирования тюркских народностей. Историческими истоками и основой для современных алтайских диалектов послужили, во-первых, диалекты древнекиргизского языка древних киргизов, генетическими потомками которых являются современные алтай-кижи; во-вторых, диалекты древнеогузского и древнеуйгурского языков древних огузов и уйгуров, генетическими потомками которых являются северные алтайцы (кумандинцы, чалканцы, тиргеши, телесы и туба, за исключением некоторой части туба, представителей других этнических групп — самодийской и угро-финской), а также южные алтайцы — телеуты и теленгиты, язык которых был подвергнут воздействию со стороны кыпчаков. Под влиянием языка кыпчаков и кимаков некоторые диалекты, восходящие к языкам древних огузских и уйгурских племен, а также диалекты, восходящие к древнекиргизскому языку, т. е. диалекты, составляющие ныне южную группу диалектов алтайского народного языка, были в значительной степени нивелированы и, трансформировавшись, приобрели черты, общие не только между собой, но и между южными диалектами алтайского языка и современным киргизским языком, образовав единую группу киргизско-кыпчакских языков. Северные же диалекты алтайского языка в большей степени сохранили черты древнеогузских и древнеуйгурских языков, хотя в процессе развития и взаимодействия с другими языками значительно видоизменились и приобрели особые черты, отличающие эти диалекты как от южных диалектов алтайского языка, так и от древних (огузского, уйгурского и киргизского) языков-

Итак, характеризуя алтайский язык в данную эпоху, прежде всего следует указать на наличие в нем двух групп диалектов, относящихся и лингвистически и генетически к различным источникам: а) южной

группы диалектов и б) северной группы диалектов.

Какие же черты и особенности приобрели алтайские диалекты в среднетюркскую эпоху в отличие от предыдущей эпохи, когда они в качестве говоров и диалектов входили в состав древних языков (уйгурского, огузского и киргизского)? Какова специфика и особенности фонетической структуры, основного словарного фонда и словарного состава, а также грамматического строя алтайского языка в эту эпоху?

Исторические судьбы тюркских народов Средней Азии и Сибири в среднетюркскую эпоху (в X—XV вв.), изоляция племен Алтая и слабое вовлечение их в орбиту влияния государства караханидов в первый период, X—XII вв., некоторое воздействие монгольских племен и языков на формирование народов и языков Алтая во втором периоде, XII—XV вв. — создали для алтайцев особые условия развития их языка. Языки племен и народов Алтая почти не были тронуты влиянием арабо-иран-

ских языков, которые, и особенно таджикский язык, сыграли большую роль в формировании таких тюркских языков Средней Азии, как узбекский, уйгурский (новый) и отчасти туркменский. В составе лексики современного алтайского языка имеется весьма незначительный слой арабских и таджикских (а также персидских) слов, которые в большинстве своем были заимствованы значительно позже через среднеазиатские тюркские языки и, главным образом, через казахский язык. К таким заимствованиям в алтайском языке относятся, например, следующие:

1. Из арабского языка:

агыл — ум, нрав, поведение; самын — мыло; саат — час (время); кат — письмо; аракы — водка, вино; урмат — счастье; —почитание; калык — народ; кайрал — милость, благо, награда;

2. Из таджикского и персидского языков:

баа — цена; кудай — бог, божество; эш — ничто, ничего; кем — порок, недостаток, вред; ок-таары — порох, охотничьи припасы.

Весьма незначительные лексические заимствования из арабского и иранских языков не сопровождались какими-либо изменениями в фонетической структуре и грамматическом строе языков Алтая в отличие от языков узбекского и уйгурского (нового), фонетическая структура которых (особенно узбекского языка) под влиянием, главным образом, иранской лексики претерпела значительные изменения, котя эти языжи и сохранили свою тюркскую основу. Меньшее, но все же весьма заметное влияние заимствованная арабо-иранская лексика оказала на фонетическую структуру огузских и кыпчакских языков. Тюркские же языки Алтая остались нейтральными в отношении воздействия иранских языков, сохранив в фонетической структуре и грамматическом строе черты , сближающие эти языки с древними тюркскими языками.

Совершенно обратную зависимость в развитии фонетической структуры, словарного состава и грамматического строя получили восточные тюркские языки — и в том числе языки Алтая — в отношении воз-

действия на них языков монгольских.

Если на западные тюркские языки монголы не могли оказать сколько-нибудь существенного воздействия, то восточные тюркские племена и их языки, находясь в непосредственной близости к монгольским племенам и языкам, испытывая более длительный период политического господства монголов, в большей степени были ассимилированы ими, хотя так же, как и западные языки в отношении иранского воздействия, они сохранили свою основу — фонетическую структуру, основной словарный фонд и грамматический строй.

Наибольшему изменению в данную эпоху и, главным образом, во

второй монгольский период была подвергнута лексика диалектов алтайского языка, получившая значительное количество монгольских заимствований, которые не следует смешивать с теми более древними, общими для тюркских и монгольских языков, элементами, которые относились к основному словарному фонду, лежащему в основе общего для тюркских и монгольских языков языка — основы. Эти новые, вторичные монгольские заимствования относятся уже к более поздней эпохе, именно: к XII—XV векам, когда основная масса западных тюркских языков была свободна от воздействия монгольского языка и, таким образом, эти позднейшие заимствования легко вскрываются при сравнении лексики языков восточной и западной ветви. Однако и в этом случае, при сравнении любого языка западной ветви, нельзя все общие с монгольским языком слова относить к заимствованиям данного периода, т. к., с одной стороны, некоторые из указанных слов относятся к числу слов основного лексического фонда языка — основы, общих для монгольских и тюркских языков, но утраченных в языках западной ветви и сохранившихся в языках восточных, а с другой — некоторые монгольские заимствования восприняты алтайским языком в более позднюю историческую эпоху.

Монгольская лексика, как лексика языков, генетически общих с тюркскими языками, проникла в языки Алтая значительно глубже, чем лексика иранская в тюркские языки западной ветви. Монгольские лексические заимствования в языках Алтая вошли не только в систему имен, но и в систему глагола, образуя разветвленные лексические гнезда непроизводных и производных слов, имеющих своей основой

монгольские корни.

Следует, однако, сказать, что подавляющее большинство глаголов в алтайском языке, общих по корню с глаголами в монгольском языке, относится не к лексическим заимствованиям, а к общему для тюркских и монгольских языков основному словарному фонду, который был характерен для общего для тюркских и монгольских языков древнего языка — основы. К числу же глагольных основ и корней, заимствованных в среднетюркскую эпоху, относятся только единичные корни и основы.

Более значительное количество заимствований из монгольских языков в данную эпоху относятся к именным основам и, главным обра-

зом, к именам существительным и прилагательным.1

Приведем соответствующий материал.

А. Глаголы

1. Глаголы действия

а) Основы и корни, относящиеся к генетически общему и для тюркских и для монгольских языков основному словарному фонду:

алтайский	монгольский	перевод
сор	soru	сосать, всасывать
кон албада тарт тöлö	xonu albada tata tölÿ	ночевать притеснять притеснять тянуть, тащить платить, выплачивать

¹ Примеры из монгольского языка даны по «Монгольско-русскому словарю» К. М. ЧЕРЕМИСОВА и Г. Н. РУМЯНЦЕВА, ЛНГР., 1937 г.

⁴ Ученые записки

чап	çabçi	рубить, срубать
чокы	ÇOKI	клевать (о птице)
када	xada	вкалывать, вбивать
оро	orija	обвертывать, обвязывать, окутывать
тары	tari	сеять, сажать
тала	tala	разорять, ломать, разрушать

б) Основы и корни, относящиеся к заимствованиям из монгольских языков в среднетюркскую эпоху:

туре tyre, tyrì терпеть нужду, нуждаться разбрасывать, промотать, погубить менять менять менять друг друга приготовлять, заготовлять, подготовлять

2. Глаголы состояния

 а) Основы и корни, входившие в основной словарный фонд-тюркских и монгольских языков:

бол	bol	быть, стать, оделаться, совер- шаться
öс кубул	ös xubil	расти, вырастать изменяться, перерождаться, превращаться
кыскар	xasu	уменьшать, сокращать, убав- лять
кубар кала уда кöгöр	xibíra xala uda кöкег	увядать, блекнуть, бледнеть нагреваться медлить, мешкать посинеть, сделаться голубым

б) основы и корни, заимствованные в среднетюркскую эпоху:

ондой опдіјі алт. — возвышаться, подняться монг. — возвышать, поднимать притупляться, обессилеть, утомиться

- 3. Глаголы движения
- а) из общего основного фонда:

учура uçara встречаться, возникать, происходить

- 4. Глаголы, выражающие процессы мышленияи речи
- а) из общего фонда:

сана sana думать, мыслить бичи вісі писать б) из заимствований:

арышта

arcalda

упрекать, делать выговор, спорить, препираться

5. Глаголы восприятия

а) из общего фонда:

кара таны tani сакта закі смотреть, глядеть знать, узнавать, признавать

хранить, стеречь, караулить

б) из заимствований:

сонырка

sonirxa

интересоваться, любопытствовать, считать странным,

чужим

бедре

bederi

искать, разыскивать

6. Глаголы, выражающие чувства и эмоции

а) из общего фонда:

ыйла кан

ujila xanu

плакать

довольствоваться, удовлетво-

чыда cida

ряться

мочь, иметь возможность

б) из более поздних заимствований:

сайырка

saiirxa

гордиться, хвастаться, быть

тщеславным

кундуле

кündüle

относиться с уважением, почитать

7. Глаголы звукоподражательные и образоподражательные

тидире киркире cicire кüгкіге дрожать, трястись алт. - греметь,

монг. — шуметь, бормотать, ворчать

Б. Имена

- 1. Имена существительные
- а) Имена существительные, выражающие понятия мертвой и живой природы:

јалан jalang тительности тала tala бел bel талай dalai море, большое озеро угол, грань билин bulung öpö orgil капчал xalgil токой toxoi

алт. - поле, равнина;

монг. - место, лишенное рас-

алт. - сторона, грань;

монг. — открытая равнина, степь, отлогость, косогор,

хребет, седловина

вершина, возвышенность, верх

горная теснина, скала

излучина реки

б) Имена существительные, выражающие понятия общественно политические:

улус	uIus	государство, страна, народ, люди
тöл	töI	поколение, род, прирост
<i>ÿрен</i>	ure	семя, плод
тура	tura	город, крепость, дом
айыл	ajiI	селение, дом
бичик	biçig	грамота, книга
керек	кегек	нужда, дело
туза	tusa	алт. — польза, выгода, услуга помощь
		монг. — польза, выгода, трофен

в) Имена существительные — названия людей:

эр	ere	мужчина, муж, самец
öбöгöн	ebügen	дед, старик
эмеген	eme, emegen	старуха, жена
ака // ага	axa	старший брат
айылчы .	ajilçin	гость
нӧкӧр	покиг	товарищ, друг
бурхан	burxan	бурхан, будда, святой
бӧкӧ	böке	силач, богатырь, атлет

г) Имена существительные — названия частей тела человека:

чырай	çirai	лицо, физиономия, наружны
бой	beje	черты лица алт. — сам; монг. — тело, личность, лицо
		существо, организм
мандай .	manglaí	лоб, чело
сагал	saxal	борода
тил	кele	язык
јўрек	çirüke	сердце
öpö	oroi	верх, темя

д) Имена существительные — названия внутренних свойств и чувств человека:

кйсйп сила, мощь кич sunesü душа, дух суне

разум, ум, дума, смысл ой ojun понимать, думать ойло ofilaxu sanal дума, забота санаа

алт. — беда, несчастье; монг. — беспокойство, хлопоты tubeg тйбек

кöngel легкий

јенил amtan вкус, пристрастие амтан алт. — пеня, штраф; монг. — вина, проступок iala јалаа Öч ÖS ненависть, месть

е) Имена существительные — названия домашних животных и птиц:

такаа takija курица тöнöн

dönen четырехлетний жеребенок или

бычок

бука//буга buxa бык куча//кочкор xuça баран subai субай

яловая корова теке teke козел ünije инек корова

ж) Имена существительные — названия оружия, орудий и предметов материальной культуры:

малта//балта balta алт. — топор;

монг. - молот ножницы

кайчы xajigi сал sal плот

кögerge мех кузнечный корук

омур. öbür передняя часть одежды, пола

saba посуда для молока

сабат рубашка camca чамча топчы tobci пуговица кürel бронза кÿÿлер mönggun серебро монун болот bolod сталь altan золото алтын темир temür железо кокиг сера горючая кукур

бязь, полотно bös бос Köm шкура, кожа, сырец кон

з) Имена существительные — названия продуктов питания и хозяйства:

sün молоко CÜT агакі вино, водка аракы табак танкы//тамкы tamki

чай буудай ЭМ

cai buudai em

чай (китайск.) пшеница лекарство

и) Имена существительные названия отвлеченных понятий:

üŭe//öŭ бодо

boda (санскр.)

годовщина, время, срок, эпоха алт. - приблизительная оценка чего-либо, обменная

стоимость;

монг. - предмет, существо, единица счета скота

jauu **улгер** nasu üliger возраст

алт. - притча, мудрое изрече-

им im тегерик tögyrig учур uçir

монг. — пример, образец заметка, знак, метка кружок, кольцо

алт. - значение, смысл, сущ-

ность; монг. — причина, основание

2. Имена прилагательные:

KÖK бек курч монку чике белен серуўн сокор тулей бай тенек турген apy чебер

коке beki xurça möngke сіке belen serigün coxur dülei bajan teneg türgen arijun ceber

синий, голубой, зеленый, серый крепкий, твердый острый вечный

прямой готовый прохладный слепой глухой богатый глупый

быстрый, скорый

чистый

чистый, опрятный, осторожный

3. Наречия

ЭH араай эрте чындый

neng arai erte cinda

очень, весьма едва, чуть-чуть рано; прежде твердо, крепко

4. Имена числительные

тумен

tömen

десять тысяч, множество

5. Местоимения

кем будун

кеп bütün

KTO

целый, весь

Здесь приведена только часть корней и основ имён, общих для ал-

тайского и монтольского языков без разграничения их на корни и основы, относящиеся к общему и для тюркских и для монгольских языков основному словарному фонду всех алтайских языков, и на корни и основы, заимствованные алтайским языком в среднетюркскую эпоху.

В связи со значительным вторичным воздействием монгольских языков на восточные тюркские языки и значительные заимствования монгольской лексики в среднетюркский период, изменилась отчасти и фонетическая структура диалектов алтайского языка, а в некоторой степени и их грамматический строй.

В фонетической структуре отметим основные закономерности в области гласных и согласных, возникшие в среднетюркскую эпоху в связи

со значительным влиянием монгольских языков.

Как уже отмечалось выше, в среднетюркскую эпоху произошло расслоение тюркских языков на две группы по признаку перехода со-

четаний с задними согласными f/r в дифтонги и долгие глас-

ные. Алтайский язык, как и все современные тюркские языки Сибири, занимает в этом отношении полярную противоположность тем язы-

кам, которые сохранили сочетания гласных f/г, т. е. имеет во всех

случаях вместо этих сочетаний либо соответствующие долгие гласные, либо, как результаты дальнейшего фонетического развития, — соответствующие краткие гласные.

Это опереднение звуков, т. е. переход сочетаний согласного г/г в

долкие губные и негубные гласные, произошло отчасти на почве совместного развития тюркских языков Сибири и монгольских языков, где тот же фонетический процесс отмечается примерно в том же историческом периоде (ср. те же соответствия между письменным монгольским языком и живыми монгольскими языками)².

К фонетическим переходам такого рода относятся в алтайском языке:

- 1. ағууу; тағутуу гора; бағубуу веревка;
- 2. ОБ уу; тоб туу родиться, ког куу гнать, преследовать:
- з. ег>ий; тег>тий-касаться;
- 4. ОГ уў; Огрен уўрен урен учиться:
- 5. ығ>ый; йығла>ыйла плакать:
- 6. уғ > уу > у; йуғ > дьуу > дьу сало; суғ > суу вода;
- 7. иг > ий; игне > ийне игла;
- 8. ўг>ўй; ўг/кумандинск. уғ/>ўй -дом, жилище.

К этому же периоду относится полная стабилизация во всех алтайских диалектах перехода $\partial/\tau - 3/e > \ddot{u}$, например в словах $a\partial a\kappa - a\tau ax$, $a3a\kappa/a\ddot{u}a\kappa$ — нога; $\kappa y\partial py\kappa - \kappa yp3y\kappa > \kappa y\ddot{u}py\kappa - \kappa$ вост и проч., хотя некото-

2 Б. Я. ВЛАДИМИРЦЕВ. Сравнительная грамматика, Лнгр., 1929.

¹ По терминологии С. Е. МАЛОВА. См. его статью «Древние и новые тюркские языки», Изв. АН СССР, отд. лит. и яз., № 2, 1952.

рые остаточные явления сохранились в отдельных словах (ср. адак-

последний, кудук — колодец и проч.).

Вместе с тем некоторые из фонетических явлений архаического типа сохранились в восточных тюркских языках, и в том числе в алтайских диалектах, в большей мере, чем в тюркских языках западной ветви.

Так, характерная для древних языков диссимиляция сочетания согласных лт: олтурым — я сел; іlmім — я привлек; іlmä в государстве; рт: уртым — ударил; нт: алкынты — ты ослабел; анта — там, тогда,

mönäciнmä — сверху, бунта — здесь; кақанта у хана — сохранилась

в отдельных словах и в алтайских диалектах, например: алтырган (вм. алдырган) — заставил взять; уултын (вм. уулдын) — сына; орто (вм. ордо) — средина; онто — (вм. ондо) — кряхтеть, стонать и проч¹.

К архаичным явлениям следует отнести также неразличение в диалектах глухих и звонких согласных п/б, к/г, т/д, с/з, ш/ж и преимущественно глухих согласных в начале и конце слов (ср. кыс — девуш-

ка, вместо кыз в казахском языке или гыйз — в туркменском).

В меньшей степени, но заметные изменения в эту эпоху произошли и в грамматическом строе алтайских диалектов. Любопытно, что изменения в грамматическом строе касаются главным образом системы словоизменения и в меньшей степени — суффиксов словообразования; последние сохранили свою систему и в современных тюркских языках восточной и западной ветви.

К грамматическим изменениям прежде всего следует отнести появление факультативного варианта суффикса 1 лица множественного числа в парадигме спряжения глагола — быс/бис, -ык/ик, вместо дервнего — мыз/миз, например: бердибис — бердик — в современном алтайском языке и биртимиз — в древнетюркском языке.

Значительные сдвиги произошли и в системе склонения имен. Так, утратили свою активность формы древних падежей, например, древ-

него дательно-направительного (јіргару — к той земле; ођузђару

к огузам; біртукгару—к даванию), сохранив как пережитки застывших форм, употребляющихся ныне в алтайском языке в качестве форм словообразования, ср. *ичкери*—внутрь, вперед; *энчиргери*—к вечеру, и т. д.

Во всех современных языках, и в том числе в алтайских диалектах,

утрачен древний аффикс винительного падежа ыг/иг общий с тем

же аффиксом в монгольских языках. Аффикс ы /иг (ср. древнетюрк-

ские формы : атық — лошадь; будунық — народ; kicir — человека; ilirir — имеющего государства и проч.).²

¹ С. Е. Малов. Памятники древнетюрской письменности, М.—Л., 1951, стр. 46. ² С. Е. Малов. Там же, стр. 45.

Своеобразную фонетическую окраску приобрел аффикс исходного падежа. Вместо древнеуйгурской формы дын/дин, в алтайских диалектах аффикс исходного падежа оформляется в виде дан/ден, тан/тен, нан/нен, с губными вариантами, например: баладан — от ребенка, аттан—от лошади, таннан—от зари, менен—от меня и проч.

К изменениям грамматического строя следует также отнести превращение некоторых причастий в спрягаемые основы глагола. Так, например, древние причастия на -дыг-диг, -ды-ди, которые в древнетюркскую эпоху, например, в языке орхонских надписей, находились в процессе их дифференциации на самостоятельную причастную форму

на тық/дық и на спрягаемую форму на -ды/ты ср., например.

јаңылтың (ты) ошибся; кічіртуг — ты доставил; бардың ты) хо-

дил, и проч.1, где форма на тың дың имеет еще самостоятельное при-

частное значение, и формы бірті́мі́з — мы дали, ітqі́мі́з — мы делали, и проч., где та же форма получила уже значение только спрягаемого причастия на $\tau \omega/\partial \omega$.

В современном алтайском языке эта дифференциация уже закончи-

лась и причастные формы- ды /- ды /- ди приобрели уже единое значение основы прошедшего времени и единое фонетическое оформ-

значение основы прошедшего времени и единое фонетическое оформление $-\partial \omega / -\partial u$, $-\tau \omega / -\tau u$.

Таковы те изменения в словарном составе, грамматическом строе и фонетической структуре алтайских диалектов, которые произошли в среднетюркскую эпоху, в X—XV вв.

3

Новая эпоха (XV—XX вв.) в истории алтайского народа может быть разделена на два исторических периода: 1) период с XV в. до средины XVIII в., т. е. период господства Ойратского союза и Джунгарского ханства и 2) период со средины XVIII в., когда Алтай освободился от господства Джунгарии и перешел в состав России, по 1917 год — год свершения Октябрьской революции.

Если в первый из этих периодов алтайцы и алтайский язык в своем развитии в значительной степени зависели еще от западных монголов — ойратов или джунгаров, то во втором периоде, после перехода их в состав России — и в особенности в XIX в. — отмечается большой подъем в хозяйственной и культурной жизни алтайцев, когда они под влиянием русских перешли от звероловства к земледелию и оседлости и восприняли новые формы хозяйства и быта. В 40-х годах XIX века была впервые разработана алтайская письменность и напечатаны первые книги на алтайском языке.

С изменением экономической структуры хозяйства и развитием ду-

² Там же.

¹ С. Е. Малов. Цит. соч., стр. 48.

ховный культуры появилось большое количество новых понятий, для которых были необходимы новые слова; они были почерпнуты из русского языка и частично из языков соседних народов. Русские лексические элементы, связанные с новыми формами хозяйства и нового оседлого быта, проникшие в то время в алтайский язык, были соответствующим образом приспособлены к фонетике алтайского языка.

Словарный состав и основной словарный фонд алтайского языка пополнился новыми терминами и словами социально-экономического характера, производственной терминологией, бытовыми словами и даже новыми собственными именами людей, названиями населенных

пунктов и проч. Ср. некоторый относящийся сюда материал.

1. Социально-экономическая терминология и слова, связанные с новым укладом хозяйства:

деремне — деревня
почто — почта
парта — парта
јарымка — ярмарка
школ — школа
серкве — церковь
сакон — закон
салкой//салковой — целковый, рубль, и проч.

2. Сельскохозяйственная и другая производственная терминология:

серип — серп
силам — солома
пöтÿк — петух
кöрÿсте — измятый лен в пучке
лапшы — лапша
моркоп — морковь
картошко — картофель
капыста — капуста

3. Бытовые слова и термины:

потпойло — подполье
патинка//батинка — ботинки
парата — ворота
папирос — папиросы
педрек — ведро, ведерко
платя — платье
карамыс — коромысло
карыт — корыто
копта — кофта
кулуч — ключ
кулку — ключа
кудели — куделя, пакля
лампа — лампа

наполко — полка сенек — сени свечин — свеча саламар — самовар сомок — замок сопок — сапоги шал — шаль чулук — чулки штан — штаны шалмар — шаровары остолмо/столбо — столб резинке — резинка черниле — чернила чернилке — чернильница ручка — ручка бутулка — бутылка и проч.

4. Собственные имена женщин и мужчин:

Майна — Маня Јелене//Јеленеш — Елена Катюк — Катюша Тиван — Иван Јарас — Герасим Паслей — Василий Элескей — Алексей Киришке — Гришка Мыклай//Муклай — Николай Мыкайлаш — Михаил Табыт — Давид, и др.

На формирование алтайского общенародного языка, а позже и литературного языка, в некоторой мере повлияли и соседние тюркские

языки, главным образом казахский и татарский.

Лексические элементы, проникшие из этих языков в алтайский язык, связаны либо с хозяйством и бытом, например, айран — напиток из кислого молока, сарын — песня, салгыш — челнок в ткацком станке, кереге — деревянный остов юрты, абра — телега, булгайры — сорт кожи, байлык — богатство, кийис — войлок, либо с культурой ислама, элементы которой проникли и на Алтай; в последнем случае большинство слов — арабо-иранского происхождения, например: байрам праздник; орозо — пост; кайрал — милость, благо; кудай — бог и др. Наряду с лексикой, связанной с религиозными представлениями, в алтайский язык проникала и прочая арабо-иранская лексика, напримералмар — амбар, саат — час, урмат — счастье, кат — письмо, самын мыло и проч.

Вместе с заимствованной лексикой в алтайский язык входят и новые фонемы, которые в определенной мере видоизменяют звуковую структуру языка. Так, начиная с этого периода в алтайском языке в качестве самостоятельных фонем стали различаться парные глухие и

звонкие согласные, а именно: б/п, т/д, с/з, ш/ж, к/г; появляются новы фонемы, например: в, ф, х, ц, щ и др. Произошли некоторые изменени: и в фонетических закономерностях алтайского языка. Последователь ные законы сингармонизма гласных и согласных в слове под влиянием внедряющейся лексики из русского языка ограничиваются в заимствованных словах только сингармонизмом в слоге. Изменяются закономерности губной гармонии гласных.

Незначительные изменения происходят и в грамматическом строе алтайского языка. Они касаются главным образом синтаксиса простого и сложного предложения. Под влиянием русского языка изменяется порядок слов в предложении, образуются сложноподчиненные и сложносочиненные предложенния, сходные по конструкции с соответствующими русскими предложениями, заимствуются русские союзы,

вводные слова и проч.

Более полное развитие все эти элементы нового качества языка получили в последующую эпоху, после Великой Октябрьской социалистической революции.

Значительным событием для развития алтайского языка в новотюркскую эпоху является появление алтайской письменности и зачат-

ков алтайского литературного языка.

Алтайский письменный язык XIX века, который может быть только условно квалифицирован как «литературный», был основан на базо телеутского диалекта, т. е. одного из южных диалектов алтайского языка.

Телеутский диалект, входя в общую группу южного алтайского диалекта, который сейчас лежит в основе современного литературно го языка, имеет некоторые незначительные отличия в фонетическо структуре, лексическом составе и грамматическом строе.

В фонетическом отношении телеутский диалект отличается от ал тайского диалекта и алтайского литературного языка следующими

например, особенностями:

1. Слабо выраженной губной гармонией гласных в отношении уз ких гласных, например: курыт, вм. алт, курут (сыр); корыкпа вм. алт коркуба (не пугайся) и проч.

Переходом а>ы в конечных слогах двухсложных слов, например

алгын вм. алт. алган — взявший; баргын вм. алт. барган — ушедший; карап ийди — посмотрел. карып ийди »

3. Переходом сочетаний: ый, ай, айы в долгий и, например:

анди вм. алт. андый — так; канайда — как, каким образом барайын — пойду-ка я. канида » барин »

4. Оглушением согласных в интервокальной позиции, например:

тизе - колено; вм. алт. бодоп — предполагая; једип — достигнуть; база — опять; ierun кызы — его дочь; KblCbl оду — стан, шалаш; ажыра — через; ашра » бербезим — я не дам. пербессим »

В морфологии различия между этими диалектами наблюдаются в большей мере. Для телеутского диалекта, например, характерны:

1. Более полная форма послелога пыла, была, биле вм. ла, ле в ал-

тайском диалекте и в современном литературном языке.

2. Личный усеченный аффикс второго лица множественного числа нъар, ынъар, вм. -гар, -ыгар в алтайском диалекте и в литературном языке, например:

аларынъар вм. алт. аларыгар — возьмете јазынтар вм. алт. јазыгар — пишите и проч.

3. Наличие личных местоименных аффиксов при именах и отсутствие их в алтайском диалекте и в современном литературном языке, например:

телеутский:

мен телеутмин — я телеут; сен телеутсин — ты телеут; ол телеут — он телеут; бис телеутпыс — мы телеуты; сер телеутсаар — вы телеуты; алар телеуттар — они телеуты;

алтайский:

мен алтай кижи — я алтаец; сен алтай кижи — ты алтаец; ол алтай кижи — он алтаец; бис алтай кижи-мы алтайцы; слер алтай кижи-вы алтайцы; олор алтай кижи — они алтайцы.

4. Различные формы некоторых личных местоимений:

телеутский:

cep алар алтайский:

слер — вы; олор — они;

и некоторые особенности склоняемых форм личных местоимений, например, в дательном падеже:

телеутский:

маа/менге саа/сенге аа/олго

алтайский:

мее/меге — мне; сее/сеге — тебе; ого - ему,

а также различные падежные формы местоимения третьего лица единственного и множественного числа, например: алардан, аларга, аны в телеутском, вместо олор θ он, олорго оны — в алтайском диалекте.

5. Различные основы указательных местоимений и их падежных форм например:

телеутский:

OHbl

теги блар

алтайский:

оны — его Ty — TOT, былар — эти.

6. Различия в оформлении числительных:

телеутский:

алтайский:

кырык — сорок *олю/елю* — пятьдесят бежен — пятьдесят..

тортон — сорок

Значительные расхождения телеутского диалекта, с одной стороны,

и алтайского диалекта и современного литературного языка, с другой

стороны, имеются также и в словарном составе.

Телеутский диалект как основа литературного языка был избран миссионерами только потому, что первыми обращенными ими в христианство были представители телеутского племени. Этот случайный критерий избрания телеутского диалекта в качестве основы алтайского литературного языка не оправдал себя. После Великой Октябрьской социалистической революции основа литературного языка была изменена и базой литературного языка стал диалект алтайский.

Таковы, в основных чертах, изменения, происшедшие в алтайском языке в эпоху становления тюркских народностей и формирования их в нации.

4

Эпоха после Великой Октябрьской социалистической революции — эпоха возрождения народностей Советского Союза — явилась переломной в развитии всех языков народов СССР, в том числе и алтайского народа, успешно развивающего свою национальную культуру. До образования Горно-Алтайской автономной области алтайский народ был раздроблен на несколько групп, восходивших исторически к отдельным племенам, имевшим различные этнические связи с другими племенами и народами, свои этнографические особенности и свои, хотя и родственные, но иногда довольно далекие друг от друга наречия.

Объединение родственных племенных групп, сложение и развитие этих групп в единую народность, постепенно развивающуюся ныне в самостоятельную социалистическую нацию, происходило на основе подъёма и развития производительных сил, коллективизации сельского хозяйства, установления новых социалистических производственных отношений и протекало параллельно с образованием и развитием единого алтайского национального литературного языка.

Однако процессы объединения племен в единую народность и постепенное развитие этой народности в социалистическую нацию, с одной стороны, и процессы развития алтайского общенародного литературного языка, с другой, — не совпадали и имели свою специфику.

Если племенные группировки алтайского народа вошли как равноправные члены в национальный алтайский коллектив, то в основе национального алтайского языка лежат не все племенные наречия, объединенные им, а только один из диалектов — собственно алтайский диалект.

Алтайцы, телеуты, теленгиты, туба, чалканцы и кумандинцы, составляющие ныне единую народность и имеющие единый общенародный язык, распадающийся пока на две довольно значительно отличающиеся между собой группы диалектов, вместе с тем развивают уже единый литературный язык на базе алтайского диалекта. Этот единый общенародный литературный язык, развивающийся на базе алтайского диалекта, в значительной мере обогащется также и лексикой других диалектов, а также лексикой и терминологией, заимствованной через русский язык.

В дальнейшем мы остановимся только на основных моментах развития алтайского языка: а) общих тенденциях развития алтайского языка и его письменности; б) характеристике процессов изменения словарного состава и в) некоторых весьма незначительных сдвигах и из-

менениях в грамматическом строе.

Так, в алтайском языке, в связи с ростом нового социалистического способа производства и новой социалистической культуры, постепенно отмирает лексика, относящаяся к старым общественно-экономическим формам и старой идеологии, сохранившей пережитки древнего анимистического мировоззрения. Например, из активного словаря современного поколения постепенно выпадает старая производственная терминология, связанная с натуральным примитивным хозяйством, старая бытовая лексика и лексика, связанная с религиозными представлениями. Выпадают такие термины, как абыл—«мотыпа», андазын—«вид примитивной сохи», јайзан — монг. зайсан, «феодальный титул, старшина», албан — «дань, подать», селбик — «подать в пользу зайсана», суне, сур, узут, кут — «душа» (в различных модификациях и превращениях постарым шаманистическим поверьям алтайцев), кормос — «дух умершего» и проч.

Следует, однако, отметить, что отмирание и выпадение из словарного состава устаревших слов и выражений происходит не внезапно, а путем постепенного перехода этих слов сначала из основного словарного фонда в словарный состав, затем из активной части лексики в пассивный словарь и из продуктивной в малопродуктивную и наконец, в разряд редко употребляющихся слов—архаизмов, которые в конце кон-

пов вовсе выпадают из словарного состава.

Процесс отмирания и выпадения слов и терминов из словарного состава точно так же, как и пополнение его новыми терминами, происходит непрерывно. Так, например, из активного словаря постепенно вытесняются (как из русского языка, так и соответствующие эквиваленты в языках народов СССР) такие слова, как комбед — комитет бедноты, продналог, ликбез и проч., переходя постепенно в архаическую лексику.

Более широк по своему объему и сложен по разнообразию приемов

обратный процесс — процесс пополнения словарного состава.

Для языков народов СССР основными источниками пополнения их словаря являются: a) ресурсы своего родного языка и б) лексика и терминология, заимствованные из русского языка или через его посредство.

Наиболее обширным и богатым источником обогащения словарного состава конкретных языков является основной словарный фонд данного языка с его корневым ядром. Потенции каждого языка в отношении

образования новых слов являются неисчерпаемыми.

К способам образования новых слов из ресурсов родного языка следует отнести различные приемы перевода новых заимствованных слов — понятий, к которым относятся: во-первых, переводы-кальки; вовторых, — переводы посредством переосмысления старых слов путем: а) сужения или б) расширения значений; в-третьих, — переводы сложными словами и сочетаниями слов; в-четвертых, — переводы производными словами, образованными аффиксацией; и наконец, в-пятых, — переводы посредством сокращенных слов.

Продуктивным способом образования новых слов является также приспособление их к обозначению новых возникающих в языке понятий. Каждое новое понятие, определяясь по какому-либо основному его при-

знаку, может быть обозначено соответствующим словом, которое легко входит в лексико-семантическую систему языка, благодаря неограниченным возможностям словообразования, имеющимся в системе каждого языка.

Применяя для обозначения каждого нового понятия то или иное имеющееся уже в языке готовое слово, язык осваивает его как новое слово, которое используется либо в более суженном его значении, либо

в более широком.

К случаям сужения значений относятся, например, следующие слова и термины в алтайском языке: морой — соревнование (прежнее значение — «цель приз в состязании»), кызалан, кысталан — кризис (прежнее значение — «стеснение, притеснение, затруднительное положение») и проч

На расширение значений могут быть приведены следующие примеры: согуш — бой (а также старое значение «столкновение, драка»); агару — священный (а также «святой»), мак — слава (а также «по-

хвала, хвала») и другие.

Одним из продуктивных способов образования новых слов средствами данного конкретного языка являются переводы-кальки. Например, в большинстве тюркских языков вошло слово бешјылдык или бесжыллык — пятилетка (слово состоит из сочетания беш или бес — пяты јыл или жыл — год и аффикса отвлеченного понятия-дык); ср. также в алтайском языке: суу алдыла јурер кеме — подводная лодка (букв. «лодка, идущая под водой»); торол — отечество, родина (букв. «родной»); коручы — защитник (букв. «охраняющий»); јалтанбас шонкорлор — фесстрашные соколы (букв. «не отступающие — при опасности — соколы») и т. д.

Для обогащения словарного состава широко используются также словосочетания, словосложения, например: а) словосочетания, состоящие из двух или нескольких слов и образующие одно понятие — слово или термин, например, шикучиле јаткан — трудящийся (букв. «живущий своей рабочей силой»); торол учун јуу — отечественная война (букв. «война за родину»); чындык јуу — справедливая война (букв. «истинная, правильная война»); мактулу доско — доска почета (букв. «доска с почетом»); б) словосложения, состоящие из полных или сокращенных слов, например: колчабыш — аплодисменты (букв. «рукоплеска-

ния»); јурт хозяйство (букв. «сельское хозяйство»).

Не менее продуктивным способом пополнения словарного состава языков служит грамматический способ словообразования посредством аффиксации или сочетанием слов со служебными элементами или вспомогательными словами, причем исходными основами при словообразовании — чаще для новых понятий — используются заимствованные слова, например: ремонто — ремонтировать (от заимствованного слова ремонт и аффикса образования глагола от имени -то (-та, -ла); колхозчы — колхозчик (из «колхоз» + аффикс профессии); также: мобилизовать эдерге («мобилизовать»).

Кроме внутренних ресурсов, которые широко были использованы в стихийном росте словарного состава конкретных языков, в первый период развития национальных языков, — с 1917 и, примерно, по 1920 год — для наиболее отвлеченных понятий некоторые языки использовали также и заимствованные слова, главным образом из русского языка.

Воздействие русского языка на развитие алтайского языка нача-

лось еще в дооктябрьскую эпоху, хотя тогда русские заимствования носили случайный характер и относились по преимуществу либо к бытовой лексике, либо к терминологии, связанной с торговыми сношениями, административным управлением и отчасти культурой (см. выше).

Первый период развития национальных республик и областей (примерно 1917—1928 гг.) харажтеризуется пуристическими тенденциями изъятия русских и интернациональных слов, которые, как правило, ис-

кусственно переводились на родной язык.

Период развернутого социалистического строительства национальных республик характеризуется огромными сдвигами в развитии экономики и культуры, переходом на новую графику — сначала на латинскую, а затем на русский алфавит, ростом грамотности, укреплением и развитием литературы народов СССР. Все эти достижения в значительной степени отразились и на развитии словарного состава алтайского языка.

Развитие экономики, культуры, науки и литературы, характерное для более поздних периодов послеоктябрьской эпохи, способствовало еще большему обогащению лексики и терминологии всех отраслей производства и культуры. Приток русской и интернациональной лексики, главным образом общественно-политической и научной терминологии, с каждым годом все больше и больше увеличивается, и в современном языке количество заимствований в этих областях терминологии уже превышает терминологический запас коренных слов.

Кроме общественно-политической, научно-технической и культурно-бытовой терминологии с общим интернациональным значением, в алтайский язык вошли также и такие слова и термины, которые являются общими по значению только с русскими словами и терминами, образующими некоторый круг лексики, общий для всех народов СССР.

Этот общий для всех народов СССР фонд лексики, относящийся к послеоктябрьскому периоду, может быть классифицирован на следую-

щие три основные группы слов:

1) группу общественно-экономических и политических терминов, например: революция, пролетариат, республика, партия, большевик, совет, коммунизм, социализм, капитализм, феодализм, демократия, колхоз, совхоз, агроном, мелиорация, ирригация, фабрика, цех, бригада, комбайн, трактор, мотор, автомобиль, вагон и проч;

2) группу научно-технических терминов: философия, математика, физика, химия, биология, психология, логика, педагогика, тангенс, си-

нус, атом, молекула, ампер, вольт и проч.;

3) группу терминов культурно-бытового значения: культура, газета, журнал, театр, драма, спорт, музей, футбол, кооперация, клуб, магазин, фотография, поликлиника, телефон, радио, телевизор, пальто, галстук н проч.

Указанные лексические группы могут быть разбиты на еще более дробные и мелкие отрасли заимствованной терминологии, которая проникла во все разделы словарного состава наших советских языков.

Кроме интернациональных по своему оформлению и значению слов, в составе заимствованной через русский язык лексики имеется и такой разряд слов, который является специфичным и общим по значению только с русской терминологией, например, такие слова, как: вуз. завод, искусство, творчество, рама, гудок, мороженое, гиря, промышленность, государство и проч.

В грамматическом отношении подавляющее количество заимство.

ванных через русский язык слов относится к именам существительным и реже к именам прилагательным. Других частей речи среди этих слов,

за редким исключением, не встречается.

Однако грамматическое однообразие заимствованных основ слов, т. е. главным образом именное их значение, нейтрализуется в языке грамматическими средствами словообразования и словоизменения, благодаря обширному арсеналу которых многие из заимствованных слов, поступая в распоряжение грамматики, образуют множество производных форм, распределяющихся по своему грамматическому значению поразличным частям речи.

Таким образом, заимствованные слова входят в систему языка на общих основаниях, получая, как и любое коренное слово, все имеющие-

ся в языке формы.

В отношении орфографии освоенные через русский язык слова в дореволюционный период и в первые годы после революции оформлялись соответственно их произносительной (русской) форме с учетом фонетических возможностей данного национального языка, ср. например: старые заимствования в алтайском языке: салковой — целковый, рубль-

столмо — столб; пунт — фунт; остол — стол, и проч.

Однако во второй период, период развития национальных языков, когда русские слова стали заимствоваться в более значительных масштабах, орфография заимствованных слов получает в алтайском языке оформление, общее с русскими орфографическими нормами. Вместе с тем в орфографировании заимствованных слов, и особенно в отношении оформления границ основы и аффиксов, а также в отношении грамматических средств образования слов, учитывались и специфические особенности алтайского языка.

Характеризуя указанные процессы, надо отметить, что хотя в словарном составе алтайского языка произошли значительные изменения, однако его основной словарный фонд и грамматический строй в своих

существенных чертах сохранились без особых изменений.

Но, разумеется, послеоктябрьский период, т. е. последние 40 лет для развития алтайского языка имел большее значение, чем тот же период, те же 40 лет для русского языка. За этот период алтайский язык не только значительно обогатил свой словарный состав, но изменил отчасти и свое качество, поднявшись до уровня самостоятельного национального языка. Все это безусловно отразилось и на его основном словарном фонде, в котором под влиянием обогащения лексики произошла известная перегруппировка слов. В некоторой степени изменениями был затронут и грамматический строй алтайского языка: сохраняя свои основные черты, он совершенствовался и шлифовался как грамматический строй языка, приобретшего новое значение национального языка, новые, не присущие прежнему его состоянию, общественные функции.

В современном алтайском языке заметна, например, тенденция развития и выделения во вполне самостоятельную часть речи имени прилагательного, которое до последнего времени оставалось весьма слабо дифференцированным с наречием, с одной стороны, и именем существительным — с другой. Имя прилагательное в современном языке приобрело уже не только самостоятельное место в системе частей речи, но и развило свою систему словообразования. Современные аффиксы именного словообразования: -ду -ту, -чы -чи (с вариантами) и некоторые другие, имевшие прежде несколько иное значение, приобрели теперь значение аффиксов, образующих имена прилагательные. Заимствованы русские

аффиксы образования прилагательных, причем усвоена только одна форма с нейтральным в отношении грамматического рода и числа окончанием мужского рода -ный, -ский, которая употребляется в определительных сочетаниях и в качестве определения при определяемом женского рода, например: социальный наукалар — социальные науки, коммунистический партия — коммунистическая партия, и др.

В связи с развитием конструкции сложноподчиненных и сложносочиненных предложений увеличивается количество различных служебных слов, и, в частности, союзов, которые в старом языке было значительно меньше. Изменяется отчасти порядок слов в предложении, что особенно

заметно в живом разговорном языке.

Сохраняя во всем существенном свою структуру, алтайский язык 2за этот период претерпел и некоторые изменения в отношении своей фонетической системы.

Таков тот большой путь развития алтайского языка в советскую эпоху, который был пройден им от языков неконсолидировавшихся племенных групп к современному языку социалистической народностиязыку, находящемуся ныне в процессе нормализации и оформления вединый литературный алтайский язык.

Важнейшим вопросом нормализации литературных языков народов СССР является вопрос об установлении правильных и научно обоснованных принципов разработки общественно-политической и научной терминологии, рационального регулирования ее во всех языках народов СССР, а также вопрос установления и правильного соотношения источ-

ников этой терминологии.

Исходя из общих положений, относящихся к нормализации литературных языков, основным источником заимствования терминов должны быть, прежде всего, лексические богатства словарного состава данных конкретных языков и их диалектов. В развитии языков параллельно с использованием своей лексической системы обогащение словарного состава идет также за счет заимствования слов из других языков. Языки народов СССР в течение своей послеоктябрьской эпохи широко пользовались и пользуются русским языком, как основным источником заимствования русских по своему происхождению и интернациональных терминов в их русском фонетическом оформлении.

Эта традиция должна остаться и для дальнейшего роста терминологии, а вместе с тем и для сближения и сплочения всех языков и на-

¹ В скобках указаны соответствующие комбинаторные фонематически нераздичавшиеся варианты.

родов СССР. Однако как в отношении собственных средств каждого конкретного языка, так и в отношении русского языка — основного источника заимствования терминов — должны быть установлены известные взаимные границы. Терминология языков народов СССР не должна перегружаться заимствованными словами и вместе с тем не должна содержать в себе не понятные широким массам народа, искусственные переводы на родной язык терминов, известных в их русском облике.

Учитывая эти общие и основные принципы разработки терминологии, последняя Горно-Алтайская языковедческая конференция установила в качестве главных источников разработки алтайской терминологии: 1) богатства алтайского народного языка и его диалектов и 2) русскую общественно-политическую и научно-техническую терминологию.

Основными методами разработки терминологии за счет использо-

вания богатств алтайского языка являются:

а) использование старых слов в новом значении;

б) расширение значения имеющихся слов;

в) перевод русских терминов на алтайский язык;

- г) прибавление аффиксов словообразования к алтайским и русским словам и образование, таким образом, новых терминов для новых понятий;
- д) словосложение;

е) описательные термины.

Указанные источники и методы разработки терминологии уже широко и эффективно используются в алтайском литературном языке, который в данное время обладает уже достаточными терминологическими средствами для перевода с русского языка художественной, общественно-политической и научной литературы по основным отраслям знания.

Одним из важнейших достижений в области культуры народов СССР, возрожденных Великой Октябрьской социалистической революцией, является разработка алфавитов и письменности для языков этих народов на основе русской графики.

Миссионерский алфавит, просуществовавший до 1922 года (в количестве 27 знаков), был дополнен знаками из русской азбуки для пе-

редачи внедряющихся в алтайский язык литературных терминов.

В 1922 году усовершенствованный алтайский алфавит состоял уже из 34 букв. К существовавшему «миссионерскому» алфавиту прибавляются буквы: в, ф, х, щ, ц, ю, я, э — для передачи звуков, заимствованных из русского языка.

В 1928 году под влиянием массового перехода национальностей Советского Союза на латинизированный алфавит последний разрабатывается и для алтайского языка. Алтайский латинизированный алфавит был утвержден 21 декабря 1928 года, но внедрение этого алфавита и проведение его в жизнь затянулось до 1931 года. И только в 1931 году алтайская письменность перешла на латинизированный алфавит.

В январе 1938 года областными организациями была делегирована специальная комиссия с проектом алфавита и орфографии алтайского литературного языка. По существовавшим тогда порядкам утверждения алфавитов, проект предварительно рассматривался и изучался в Институте языка и письменности народов СССР, а затем утверждался специальным приказом наркома просвещения РСФСР. Для рассмот-

¹ См. «Вопросы языкознания», № 1, 1952.

рения поступивших проектов алфавита и орфографии в Институте языка была создана комиссия под председательством члена-корреспондента Академии наук СССР, проф. С. Е. Малова. Рассмотрев представленный проект алфавита и орфографии, комиссия установила, что проект, утвержденный областными организациями, состоящий из 35 знаков: а, б, в, г, д, е, ё, ж, з, и, й, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш, ш, б, ы, ь, э, ю, я и двух дополнительных обозначений: дь и н', не отвечает лингвистическим требованиям и не отражает в своем составе знаков, необходимых для обозначения специфических звуков алтайского языка, в частности, в проекте, как отмечала комиссия, специфические, отстутствующие в русском языке, звуки ö и ÿ получили неправильное обозначение через буквы ё и ю, которые, кроме нового своего значения оставались также и в значении, имеющемся в русском языке.

Комиссия предложила для утверждения следующий состав алфавита: весь состав русского алфавита плюс четыре дополнительных знака: ö, ÿ, н, j. На ученом заседании Совета института алтайский алфавит был утвержден в составе: весь русский алфавит плюс четыре до-

полнительных знака: Ö, ÿ, j, н.

Но областные организации на телеграфный запрос делегации не согласились с предложением Института и, таким образом, алтайский алфавит был утвержден без каких-либо дополнительных знаков для обозначения отсутствующих в алтайском языке звуков \ddot{o} , \ddot{y} , \dot{j} , H, для которых были приняты буквы \ddot{e} , io, ∂b , H.

В мае 1940 года облисполком Ойротской (ныне Горно-Алтайской) автономной области по инициативе группы научных работников Алтая вынес решение о необходимости введения в алфавит вместо знаков ё, ю, дь, н' знаков: ö, ÿ, j, н, которые и были введены в 1944 году.

Таким образом, современный алтайский алфавит состоит из полного русского алфавита плюс знаки \ddot{o} , \ddot{y} , H, H для специфических звуков

алтайского языка.

Одной из крупнейших практических задач в области разработки национальных литературных языков Советского Союза является так-же задача дальнейшего уточнения существующих норм орфографии.

При уточнении правил орфографии, их упрощении и приближении к существующим нормам разговорного литературного языка необходимо использовать специфические закономерности каждого конкретного языка. При этом необходимо учесть большое количество активной лексики и терминологии, которая заимствуется через русский язык, а также и те новые звуки, которые обогатили фонетическую структуру языков народов СССР. Заимствование новых звуков расширяет рамки и возможности орфографического оформления слов, и, исходя из возможного сближения состава звуков этих двух языков, позволяет установить общие орфографические правила для заимствованных слов.

В оформлении заимствованных через русский язык слов в большинстве языков народов СССР уже установились известные традиции, по которым досоветские заимствования оформляются в соответствии с их произношением по фонетическим нормам жаждого национального языка, термины же, заимствованные после Великой Октябрьской социалистической революции, в этих языках оформляются с учетом тенденции к сближению орфографического облика всех заимствованных в этот период слов, и в особенности специальных терминов и собствен-

ных имен, с их русскими начертаниями.

Нарушение этих установившихся традиций в правописании заимст-

вованных слов было бы связано с ломкой существующей орфографии, привело бы к отрыву языков народов СССР от соответствующих разговорных народных языков. Вместе с тем существует и другая опас ность — отрыв языков народов СССР от русского языка, если бы национальные орфографии были разработаны без учета заимствования вместе со словами и новых фонем из русского языка. Такой отрыв вредно бы сказался прежде всего на усвоении русского языка в нерусской школе.

Между тем при установлении орфографических правил для языков, пользующихся алфавитом на русской основе, необходимо, чтобы эти правила исходили из закономерностей фонетической структуры, грамматического строя национальных языков и вместе с тем не имели бы резких расхождений с существующими условностями русской орфографии. Установление такой орфографии в значительной мере поможет избежать тех трудностей в деле преподавания русского языка в национальной школе, которые возникали и могут возникать в том случае, если единая для этих языков графика будет использована в орфографии без установления соответствующих принципов.

Как алтайский алфавит, так и алтайская орфография в основных своих положениях отражают специфику алтайского языка и обеспечивают правильное начертание звуков алтайского языка и основных его

фонетических и грамматических закономерностей.

Как уже отмечалось выше алтайская орфография и графика разработана на правильных основах и не требует коренной переработки. Последовательное уточнение правил правописания, их пополнение и совершенствование будут способствовать дальнейшему совершенствованию алтайской орфографии и более легкому усвоению ее в алтайской национальной школе.

ЗНАЧЕНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПАДЕЖЕЙ (ДАТЕЛЬНОГО, МЕСТНОГО, ИСХОДНОГО) В СОВРЕМЕННОМ АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Настоящая статья имеет целью разработать один из частных вопросов грамматики; описать формы, значение и употребление так называемых пространственных падежей (дательного, местного, исходного) в современном алтайском языке.

Первым в современной тюркологии классифицировал падежи на две группы: а) пространственные и б) грамматические проф. Н. К. Дмитриев¹. При этом он замечает, что деление падежей на указанные группы нужно считать условным, так как пространственные падежи можно назвать пространственными только по преимущественному их употреблению².

Сходные соображения относительно пространственных падежей выдвигает, основываясь на материале современного алтайского языка,

и проф. Н. А. Баскаков³.

Мнение Н. К. Дмитриева и Н. А. Баскакова представляется вполне обоснованным. Выделять пространственные падежи в особую группу на основании их преимущественных / (пространственных) значений можно, разумеется, лишь условно. Учитывая, однако, то, что именно эти значения являются для соответствующих падежей наиболее частыми, можно считать термин «пространственные падежи» приемлемым и практически удобным. Этот термин и используется автором в данной статье.

ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

Рассмотрению особенностей дательного падежа в современном алтайском языке необходимо предпослать некоторые замечания отно-

сительно истории пространственных падежей.

Материалы древнетюркских (енисейско-орхонских, уйгурских, арабских) памятников свидетельствуют о том, что в древнем языке наряду с другими падежами употреблялись падежи, выражавшие пространственные отношения

3 Н. А. Баскаков. Ойротско-русский словарь. М., 1947, стр. 268.

¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 61. ² Там же, стр. 61—62.

Так, различался направительный падеж, пространственные значения которого выражались аффиксами: 1) -га-га, -ка-ка, -ма-ма; 2) -ру-

-ру и 3) -гару-гару, кару-кару. Ср. примеры: Таңрідак - кунка јар-

дакі авімка бокмадім. — Небесным солнцем и земным моим государством я не насладился; Сіз älімä кунчујума агланыма будунума сізімä алтмыш јашымда (алдырылтым). — От вас, мое государство, мон госпо жи (принцессы), мои сыновья, мой народ, от вас моих в шестьдесят

лет (я отделился, т. е. умер); Лгару кун тобсык/к/а біргару күн

ортусынару, куры қару күн батсыкана і іыргару түн Ортусынару

анта ічракі будун коп маңа корур, анча будун. — Впереди, к солнеч-

ному восходу, справа (в стране) полуденной, назади, к солнечному закату слева (в стране) полночной, - (повсюду там, т. е. в этих пределах) живущие (буквально находящиеся внутри) народы — все мне подвластны;

столь много народов я; Лгару шантун, јазыка тагі суlадім, талуіка кічіг

тагмадім, біргару Токуз арсанка тагі суїадім. — Вперед (т. е. на восток) я прошел с войском вплоть до Шантунгской равнины, немного не дошел до моря, направо (т. е. на юг) я прошел с войском вплоть до «десяти эрсенов».

Пространственные значения имел также местный падеж с аффиксами -да, -да; -та -та, например: jäтí järíрмі ардамі јаштынта ардам ölті. — На семнадцатом году его доблестных подвигов доблесть его (т. е. он сам) умерла, и исходный падеж с аффиксами -дан-дан, -дын-

-дин, -тан-тан, -тын-тин, например: Maнiңdiн tägiч tägsä ärkä ülüs.

— От меня достаются мужам доли (счастья).

На основе развития и обогащения грамматического строя языка функции направительного падежа с аффиксом -ру, -ру постепенно были утрачены и образовался другой пространственный падеж с аффиксом -гару -гару, -кару -кару, который в тюркологической литературе

именуется направительным или дательно-направительным.

С. Е. Малов² и другие исследователи тюркских языков считают, что форма направительного или дательно-направительного падежа с аффиксом -гару-гару, -кару-кару образовалась на основе слияния аффикса направительнного падежа -ру-ру и аффикса дательного падежа -га-га, -ка-ка. В памятниках рунической и уйгурской письменности нередко встречаются случаи употребления всех трех падежей: дательного, направительного, дательно-направительного³

В памятниках арабской письменности (отрывки из «Кутадгу би-

3 См. примеры выше.

Иллюстративный материал взят из работ С. М. Малова. — Намятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951; Енисейская письменность тюрков. М.-Л., 1952.
 С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М. Л., 1951.

лиг», Кашгарские песни и другие), которые приблизительно относят к XI-XIV вв., наблюдается отсутствие форм направительного падежа с аффиксом -ру -ру и дательно-направительного с аффиксом гару-гару, -кару-кару. В этих памятниках функцию данных падежей выполняет дательный с аффиксом -га-га, -ка-ка. Ср. пример из отрывка «Кутадгу билиг»: kicigkä — к младшим.

Таким образом, в процессе развития грамматического строя языка постепенно вышли из употребления падежи с аффиксами -ру-ру, -гару--гару, -кару-кару за счет расширения функций дательного падежа в сов-

ременных тюрских языках.

В современных языках сохранились, в застывшем виде, лишь некоторые остатки форм древних падежей: направительного с аффиксом -ру-ру и дательно-направительного с аффиксом -гару-гару, -кару-кару.

Например, в современном алтайском языке остатками форм древ-

них падежей являются слова:

ары - туда, по ту сторону, дальше; бери - сюда, по эту сторону, ближе; *ўзеери* — сверх, на, к; эниргери - к вечеру; ичкери — впереди, вперед; тышкары — наружу, наружный; тескери — в обратную сторону, наоборот, наизнанку, против; јаскары — к весне; кускери — к осени.

Часть этих слов встречается и в современном каракалнакском,

киргизском, узбекском и других тюрских языках.

Дательный падеж в современном алтайском языке оформляется аффиксом -га, который в зависимости от звукового состава основы слова имеет фонетические варианты: -ге-го-го, -ка-ке-ко-ко, отвечает на вопросы кемге? — жому?, неге? — чему?, кайдаар? — куда?

Основным значением дательного падежа является обозначение косвенного объекта, обозначение направленности действия на какойлибо предмет. Кроме того, дательный падеж употребляется для выражения пространственных, временных, причинных, целевых отношений. В некоторых случаях он употребляется и для передачи состояния лица, объекта сравнения.

Для уточнения и дополнения пространственных и временных отно-

шений употребляются послелоги и служебные имена.

Дательный падеж, выражающий объектные отношения

Имена в форме дательного падежа, выражающие объектные отношения, в зависимости от лексического содержания имени и управляю-

щего глагола имеют ряд оттенков в значениях.

1. Имя существительное (или местоимение), обозначающее лицо, при оформлении дательным падежом с управляющими тлаголами движения указывает на лицо, предмет, к которому направлено действие. Например: Јайгы каникулда Оймок таайына барды. — В летние жаникулы Оймок поехала к дяде; балдар јааназына југурип келдилер. — Дети

прибежали к бабушке; таадак, энирде бис слерге чорчок угарга келери-

бис. — Дедушка, мы к вам вечером придем слушать сказку.

2. Имя существительное (или местоимение) в форме дательного падежа при управляющем глаголе берер — давать, отдавать — выражает лицо или предмет, которому что-либо дается. Например: Уредучи Курешке чаазын ла карандаш берди. — Учительница дала Курешу бумагу и карандаш; отурган улус солун кижиге коп сурактар берди. — (Сидящие) люди задавали много вопросов незнакомому человеку.

- 3. Имя существительное (или местоимение), обозначающее лицо, в форме дательного падежа при управляющем глаголе бичиир—писать обозначает лицо, которое является адресатом. Например: Танага бачымдап каруу бичидим. Я быстро написал ответ Тане; председатель ого записка бичиди. Председатель написал ему записку.
- 4. Имена существительные различного значения (или местоимения) в форме дательного падежа при глаголах чувства: јараар нравиться; иженер надеяться, верить, доверять, полагаться на кого-либо; сÿўнер радоваться; тарынар обижаться, сердиться; чугулданар ругаться, бранить и другие указывают на объект, в отношении которого проявляется то, что выражено глаголом. Например: Слердин јобош болгоныгар улуска јарады. Ваша скромность понравилась людям; Адучыныг созине албаты-јон иженди. Народ надеялся на слова Адучы; керсў эјемнин ижине сÿўндим. Я обрадовался работе моей умной сестры; айса, ол меге тын тарынган болор. Может быть, она на меня сильно обиделась; ол карындажына чугулданды. Он рассердился на брата.
- 5. Имя существительное в дательном падеже при глаголах речи: айдар товорить, сказать, рассказать, известить; куучындаар рассказать, разговаривать, беседовать; эрмектеер говорить, беседовать, рассказывать разговаривать и др. выражает лицо, к которому обрашаются с речью. Например: Чамак энезине ле эјезине айтты. Чамак сказал матери и сестре; агитатор школдын ўренчиктерине јиит избирательдерге выборлордын ээжизин, СССР-дин Верховный Совединин депутаттарынын кандидаттарынын биографиязын куучындап берди. Агитатор рассказал молодым избирателям, ученикам школы, положение о выборах, биографии кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР.

6. Имена существительные, по значению представляющие собой название должности, в форме дательного падежа с глаголами: jöntööp — советовать, уговаривать, назначать; тудар — выбирать и др. указывают должность, на которую кто-либо назначается, избирается. Например: Бригададагы јуунда Јыргалды бригадирге jöntöгилеп ийди. — На собрании бригады Ярпала назначили бригадиром; комсомольский конференцияда Оймокты секретарьга тутты. — На комсомольской

конференции Оймока избрали секретарем.

7. Имя существительное, представляющее собой название лица, учреждения или общественной организации, в форме дательного падежа со словами: быйан болзын, баш болзын, мак болзын — обозначает лицо (объект), которому выносится благодарность. Например: Андый јаан болуш учун комсомолдорго јаан быйан болзын. — Спасибо комсомольцам за такую большую помощь; бистин јурумди ырысту эткен Коммунистический партияга мак болзын! — Слава Коммунистической партии, которая сделала нашу жизнь счастливой!

Дательный падеж, выражающий пространственные отношения

Имена в форме дательного падежа, выражающие пространственные отношения, указывают место (предмет), куда направлено действие.

В зависимости от лексического содержания имен и управляющих глаголов пространственные отношения имеют разнообразные оттенки в значениях:

1. Имена существительные — названия мест в форме дательного падежа при управляющих глаголах движения указывают на место, к которому направлено действие.—Например: Комбайндар јаланга бардылар. — Комбайны направились в поле; тенериде јылдыстар мызылдаарда, комсомолдор-одуга тужуп турды. — Когда на небе засверкали звезды,

комсомольцы стали спускаться к палатке (к стану)...

2. Существительные, обозначающие место, в дательном падеже с глаголами, выражающими приближение: јууктаар — приближаться, подходить близко; једер — достигать, доходить и другими — обозначают место (предмет), к которому приближается действие. Например: Барлай тонду, борукту онойдо ло столго јууктады. — Барлай в шубе и в шапке, приблизился к столу; андап јурген Очы-Бала Алтайына

jedun келди. — Охотившийся Очы-Бала вернулся на Алтай.

3. Имена существительные — названия мест (предметов) в форме дательного падежа при глаголах типа: јапшынар — приклеивать; јыжар — тереть, натирать; кадаар — колють, вбить, вонзить; согор — бить, ударять; тайанар — опираться (рукой); тийер — касаться, трогать; тебер — лягать, толкать и др. — указывают на место соприкосновения. Например: Онын јукачак эрди уулынын јаагына эрке јапшына берди. —Ее тонкие губы нежно коснулись щеки сына; Чолтук, уулчактын будына јыжынып, агаш јаар ууланып турды. — Чолтук (пёс) терся о ноги мальчика и смотрел в лес; Коля айруушты јерге кадап салды. — Коля воткнул вилы в землю; Кичемкей столдын кырына он колыла тайанып алды. — Кичемкей правой рукой оперся о край стола; Октябрь јаркыны туштукке тийди, улу Китай туруп чыкты. — Свет Октября озарилюг, и поднялся великий Китай.

4. Имена существительные, обозначающие предметы, которым присуще понятие верхней точки, вершины, в форме дательного падежа с управляющим глаголом типа: чыгар — восходить, подниматься — указывают на место восхождения. Например: Эки тизези буктелген анчы кырга чыгып келди. — Сгибая оба колена, охотник поднялся на гору; мен школго келеле, экинчи этажка чыктым. — Я пришла в школу и

поднялась на второй этаж.

5. Имя существительное, представляющее собой название определенного вида помещения предмета, в дательном падеже с глаголами кирер — входить, въезжать; салар — класть, положить, опустить; урар — сыпать, лить, наливать — обозначает место, внутрь которого направлено действие. Например: Удабай ла энези турага кирип келди. — Через непродолжительное время мать вошла в комнату; Коля балыкты конокко салып ийди. — Коля положил рыбу в ведро; Аргачынын эки кабына алтын-монуннен уруп берди. — В два мешка Аргачи насыпали серебра и золота.

Имена существительные, являющиеся названиями общественных организаций, коллективов (партия, комсомол, профсоюз колхоз, совхоз, и др.), вошедшие в словарный состав алтайского языка в совет-

скую эпоху, в дательном падеже с глаголом кирер — вступать обозначают коллектив, в который вступает субъект действия. Например: Карындажым партияга кирдим деп, письмо бичиди. — Брат написал, что вступил в партию; былтыр Коля комсомолго кирген. — В прошлом году Коля вступил в комсомол; бистин билебис колхозко бир мун тогус јус одус јылда кирген. — Наша семья вступила в колхоз в 1930 году.

7. Имена существительные, не имеющие конкретно-предметного значения, типа: керек — дело; сагыш — сознание, мысль; санаа — мысль в форме дательного падежа с управляющим глаголом кирер — указывают место в переносном смысле (положение, в которое попадает субъект действия, мысль, к которой он приходит и т. п.). Например: Сенин учун мен эмди јаман керекке кирдим. — Из-за тебя я теперь попал в неудобное положение (в плохое дело); Алтай ичиле сурекей коп јорыктаганыбыс сагыжыма кирди. — Вспоминаю о нашем продолжительном путешествии по Алтаю.

Изложенное показывает, что имена в форме дательного падежа, выражающие простанственные отношения, имеют ряд оттенков в значениях, которые обусловлены лексическим содержанием имени и уп-

равляющего глагола.

Дательный падеж, выражающий временные отношения

Имена, по лексическому содержанию представляющие собой название определенных временных отрезков, в форме дательного падежа при управляющих глаголах разного значения выражают временные отношения.

Имен с временным значением в языке не много. Например: *јыл*—год, ай—месяц. *кÿн*—день, *тÿш*—день, *энир*—вечер, *тÿн*—ночь, *эртен тура*—утро (утром), *кыш*—зима, *јас*—весна, јай—лето, *кÿс*—осень и другие.

1. Имена, называющие отрезок времени, в дательном падеже с глаголом любого содержания, указывают на промежуток или отрезок времени, в течение которого длится действие. Например: Байа тундеги эрмек оны бугун тужине таштабады. — Мысли о ночном разговоре не оставляли его весь день; тунине иштейтен иш бу ла болды. — Ночная работа была только эта.

2. Иногда имена существительные с временным значением в форме дательного падежа для уточнения отрезка времени имеют определяющие слова (прилагательные, наречия, числительные). Например: Је, топшуур узак ойго јаан ўнденип турды. — Топшур (музыкальный инструмент) продолжительное время издавал звуки; канча кўнге бедреди. Алтай јерден таппады. — Сколько дней искал, на Алтае не нашел.

3. Имена существительные *jaш* — возраст, *бой* — возраст в форме дательного падежа с управляющим глаголом *jedep* — достигать указывают на время (возраст), которого достигает какое-нибудь лицо. Для выражения точного времени (возраста) существительное *jaш* имеет определяющее количественное числительное. Например: Тöрт јыл öдö берди. тöрт јашка Бектирек *jettu*. — Прошло четыре года, Бектиреку исполнилось четыре года (достиг четырех лет); уулым бойго јетти. — Мой сын достиг зрелого возраста.

Дательный падеж, выражающий причинные отношения

Причастие на -ган (с фонетическими вариантами), лексическое содержание которого означает чувство, психическое состояние лица и

явления внешнего мира, при управляющих глаголах любого лексического содержания указывает на причину проявления глагольного признака. Например: Толзон суўнгенине торт тура југурди. — От радости Толзон вскочил с места; чапкан öлöн кургаганына шылырайт. — От того шуршит скошенная трава, что высохла.

Дательный падеж, выражающий целевые отношения

Причастие на -ар (с фонетическими вариантами) в форме дательного падежа с глаголами любого лексического содержания передает отношения цели. Например: Јангар койлорды кабырарга айдады. — Янар погнала пасти овец; Атраш кундулу айылчызын кундулеерге, куулы чойгонине койу чай асты. — Атраш, чтобы угостить дорогого гостя, поставил чай в медный чайник.

Дательный падеж с некоторыми глаголами

1. Имена существительные, обозначающие чувства или физическое состояние лица, в форме дательного падежа с глаголами тужер—попадать; кирер—погружаться — обозначают состояние, которое испытывает какое-нибудь лицо. Например: Јиит бойын уйатка туштин. — Ты по молодости не опозорься; деревне текши терен уйкуга кире берди.—Вся деревня погрузилась в глубокий сон.

2. Имена существительные или числительные в форме дательного падежа при управляющих глаголах болиир—делить, разделять; улеер—делить на части, разделять и другие— указывают на то, что является мерой дробления чего-нибудь. Например: Кижинин окпози эки болик-ке болинет. — Легкие человека делятся на две части; эки јусти бешке

ÿлезе, тöртöн болор. — Двести разделить на пять будет сорок.

Дательный падеж, выражающий объект сравнения

Имя существительное (или местоимение) в дательном падеже при сочетании с именем туней, јузундеш, будуштеш — подобный, сходный (похожий) и управляющим глаголом любого лексического содержания — обозначает объект, с которым сравнивается предмет (лицо). Например: Јаш балага туней болды. — Он похож на новорожденного ребенка; ол адазына јузундеш болгон. — Он был похож на отца.

Дательный падеж в составе удвоенных, парно-собирательных сочетаний

Имена в форме дательного падежа входят в состав следующих неразложимых сочетаний: бир кезекке — в (на) одно миновение, тал

тушке — к полудню; кере тужине — весь день, целый день

1. Неразложимое сочетание бир кезекке, в котором слово «кезекке» оформлено дательным падежом, с глаголами любого лексического содержания обозначает длительность совершения действия. Например: Бир кезекке тымык боло берди. — На одно мгновение стало тихо; ол бир кезекке бозого јанына тура тушти. — Он на одно мгновение остановился у порога.

2. Неразложимое сочетание тал тушке тоже указывает длительность (время) действия. Например: Кун тал тушке јетти. — Наступил полдень; кун тал тушке јеткенде, мен койлорды агаштын колоткозинде

амырадып турум. — Когда наступает полдень, то я сгоняю овец в

тень деревьев для отдыха.

3. Неразложимое сочетание кере тужине выражает отрезок времени на протяжении дня, заполненный действием. Например: Кере тужине Сартакпай амырабай иштеген. — Весь день Сартакпай работал без отдыха; јанмыр кере тужине јаады. — Дождь шел целый день.

4. Из удвоенных сочетаний с именами в дательном падеже широко

распространены в алтайском языке следующие:

качаннан качанга — испокон веков; чактан чакка — из века в век;

јылдан јылга — из года в год;

јылдын јылга — из года в год; кунун кунге — изо дня в день;

куннен кунге — изо дня в день, и др.,

в которых первое слово чаще всего выступает в форме исходного падежа, а второе в форме дательного. Такие удвоенные сочетания указывают повторяющийся период или отрезок времени. Например: Кызыл чечектий кыс јўрумингле качаннан качанга айрылыштын. — С девичьей жизнью, подобной красному цветку, навсегда рассталась; колхозтын малы јылдан јылга öзÿn ле јат. — Из года в год в колхозе растет поголовье скота; сен эмди фыргалду кожонды куннен кунге угуп турунг

— Ты теперь изо дня в день слышишь веселую песню.

5. Парно-собирательными сочетаниями с именем в форме дательного падежа являются: ада-энеге — отцу-матери, ада-энезине — отцу его (ее) матери, элге-јонго — народу, в которых первая часть может выступать в неопределенном или дательном падеже а вторая часть только в форме дательного падежа. Эти сочетания указывают на лицо, которого касается совершаемое действие. Например: Јаштан ала мындый болзон, ада-энене уйат болор! — (Он) сказал: «Если с малолетства будешь тажим, то родителям будет позор!»; Эмелечи-Мергеннинг ийдези элге-јонго макталды. — Могущество Эмелечи-Мергена прославлялось в народе.

Дательный падеж с послелогами и служебными именами

Дательный падеж с послелогами

1. Имя существительное с предметным значением (или числительное) в дательном падеже с послелогом јуук выражает приблизительное количество каких-нибудь предметов. Существительное в качестве определения имеет количественное числительное. Например: Кече колхозчылар избирательный участокко торт машинага јуук одын экелип бердилер. — Вчера колхозники привезли в избирательный участок около четырех машин дров; балдар кускуде школ јанындагы участоктон алты јус конокко јуук картошко казып алдылар. — Осенью ребята накопали с пришкольного участка около шестисот ведер катофеля.

2. Существительное, по лексическому содержанию представляющее название отрезка времени, с послелогом јуук и глаголом с любым значением указывает приблизительный период или отрезок времени, в течение которого происходит действие. Например: Эки айга јуук ой отти. — Прошло времени около двух месяцев; кар бир неделеге јуук јаа-

ды. — Снег шел около недели.

3. Существительное (или местоимение) в форме дательного падежа

с послелогом *ўзеери* при управляющем глаголе любого лексического содержания обозначает количество чего-либо, которое производится сверх установленного плана, нормы, обязательства и др. Например: Продукцияны планга *ўзеери берген.* — Продукцию дали сверх плана; колхозчылар алган молјуларына *ўзеери* государствого мун тонна кöбöн берген. — Қолхозники сверх взятых обязательств сдали государству тысячу тонн хлопка.

4. Имя существительное (или местоимение) в дательном падеже с послелогом удура при глаголе с любым значением указывает лицо, против которого направлено действие. Например: Бастыра јокту алтайлар байларга удура кодурилди. — Все бедные алтайцы поднялись против богатых; качан бирде мен сеге удура андый состор айдатан бе-

дим? — Я копда-нибудь против тебя говорил такие слова?

5. Существительное, по значению представляющее название места, в дательном падеже с послелогом *јетире* при глаголе любого лексического содержания обозначает предел в пространстве. Например: Деревнеге јетире беш километр болгон. — До деревни было пять километров; Мен удабас ойто келерим, кырага јетире барып келерге турум. — Скоро я вернусь, хочу доехать до пашни.

6. Имя существительное с временным значением в форме дательного падежа с послелогом јетире указывает на предел во времени. Например: Кышка јетире коп туралар тургузылар. — До зимы будет выстроено много домов; бу кундерге јетире «Пастухтын куни» коп јерде откон. — До этих дней «День пастуха» прошел во многих местах.

7. Имя существительное любого лексического содержания в форме дательного падежа с послелогом коро служит мерилом для сравнения, сопоставления. Например: Је јайгыда уйларды кабырарга, оско малдарга коро куч болуп јат. — По сравнению с другим скотом, летом коров пасти труднее; ого коро, ол он артык кижи. — По сравнению с

ним, он лучше в десять раз.

8. В форме дательного падежа с послелогом улай сочетаются только имена существительные, обозначающие отрезок времени. Такое сочетание выражает протяженность во времени, при этом имя существительное всегда имеет в качестве определения количественное числительное или наречие. Например: Коп јылдарга улай мен мал ижинде иштеп, јакшы једимдерге једип турум. — Работая в животноводстве на протяжении нескольких лет, я достиг хороших результатов; Сережа ла Саня эки кунге улай балыктап јурдилер. — Сережа и Саня два дня подряд ходили на рыбалку.

9. Имя существительное (или местоимение) в форме дательного падежа с послелогом болуп выражает причинные отношения. Например: Јаш балазына болуп Јалакай иштен эрте јанып келди. — Из-за маленького ребенка Ялакай рано вернулась с работы; улуска болуп ол уйкузын да бош ундыды. — Ради народа он забыл даже о сне; сеге болуп бугун туниле иштедим. — Из-за тебя сегодня работал всю ночь.

Послелоги глагольного происхождения удура при сочетании с именами выражают противительные отношения; послелог *јетире* уточняет и дополняет пространственные и временные отношения; послелог улай уточняет и дополняет только временные отношения имен; послелог коро при сочетании с именем передает сравнительные отношения; послелог болуп уточняет и дополняет причинные отношения имен.

Служебные имена в дательном падеже

1. Имя существительное в форме неопределенного или родительного падежа со служебным именем устуне и управляющим глаголом указывает на нахождение одного предмета над другим или совершение действия на поверхности чего-либо. Например: Албатыбыстын ырысту болгоны јер ўстўне јайылды. — На весь мир разнесся слух о счастливой жизни нашего народа; кўрен кўс Алтайдын ўстўне бойынын јараш кеен чумдерин чачып ийди. - Необыкновенная красота глубокой осени преобразила Алтай.

2. Существительное в неопределенном или родительном падеже со служебным именем алдына при глаголе обозначает место в передней части предмета или под ним. Например: Адучы-Мерген адазынын алдына омок то, ырысту да турды. — Адучы-Мерген перед отцом встал бодрым и счастливым; суунын тал ортозында кенетийин тош ойыларда, ол тоштын алдына түже берген. — Когда посредине реки внезапно об-

ломился лед, он провалился под него.

3. Имя существительное в форме неопределенного или родительного падежа со служебным именем бажына и управляющим глаголом показывает нахождение чего-либо на самой верхней части предмета. Например: Эки кучыйак столмо бажына отурала, чуркуража берди.

Две птички сели на столб и зачирикали.

Имена существительные типа: бут-нога, тизе-колено, иш-работа и др. — в форме неопределенного или родительного падежа со служебным именем бажына употребляются в переносном значении. Например: СССР-дин гимны јаныланарда, улус бут бажына турды. — Когда раздался гимн СССР, люди встали (букв. встали на ноги); Амыр тизе бажына отура тўжўп, алгыра берди. — Амыр встал на колени и зарыдал; мен иштин бажына чыкпай јадым. — Я не могу справиться с работой.

4. Имя существительное в форме неопределенного или родительного падежа со служебным именем ичине и глаголом выражает направление предмета (лица) внутрь чего-либо. Например: Кун ашкалакта, бис малды кобы ичине тўжўрип салдыбыс. — До заката солнца мы скот спустили в ложбину; јаш агашту аралдын ичине кирип барза, јузун-јуур чечектердин јыдына кижи эзире бергедий. — Если войти в заросли молодых кустарников, то можно опьянеть от запаха различ-

ных цветов.

5. Имя существительное в неопределенном или родительном деже со служебным именем тыштына и управляющим глаголом указывает на направление чего-либо (кого-либо) к наружной стороне предмета. Например: Бозуларды чеден тыштына чыгара айдады. Выгнал телят за загон; ўйде сўрекей изў болды, улустар айылдын тыштына чыкты. — Было очень жарко, народ вышел на улицу.

6. Имя существительное или местоимение в форме неопределенного или родительного падежа со служебным именем јанына обозначает направление одного предмета (лица) к другому. Например: Оны коргон Очы-Бала каан јанына базып келди. — Увидев это, Очы-Бала подошел к хану; бис онын јанына отурып ийдис. — Мы сели около него.

7. Имя существительное в неопределенном или родительном падеже со служебным именем кийинине и глаголом выражает направленность предмета (лица) за что-либо. Например: Анчы агаш кийинине јажынды. — Охотник спрятался за дерево; ўчўлези тон илгиштин кийипине јажынып алды. — Все трое спрятались за вешалку.

8. Имя существительное с предметным значением в форме неопределенного или родительного падежа со служебным именем ортозына указывает на направление предмета (лица) в середину чего-либо. Например: Ары базып Очы Бала албаты ортозына кире берди. — Ушедший туда Очы Бала вошел в толпу народа; моштордин ортозына базып кирзем, чайлар ойноп јатты. — Когда я вошел в середину кедрача, там играли тлухари.

Существительное с временным значением в неопределенном падеже со служебным именем ортозына и глаголом јет в отрицательной форме указывает предел во времени, которого не достигает действие. Например: Уктым, тун ортозына јетирбей ончозын будурип саларым. — Слушаюсь до полуночи все сделаю; кускуде ангдап барган улус, кыш ортозына јетпей, коп алулу јандылар. — Люди, уехавшие осенью на охоту, вернулись с большой добычей до середины зимы.

Неразложимые сочетания качан ортозына, ол ортозына, в состав которых входит рассматриваемое служебное имя, выражают какойто неопределенный отрезок времени. На русский язык качан ортозына переводится выражением — в какое время, когда это; ол ортозына — выражением — в это время. Например: Качан ортозына јурап салган? — Когда это (он) успел нарисовать? Ол качан ортозына јуре берген? Когда это он успел уехать; ол ортозына база кем де кыйгырды. — В это время еще кто-то крикнул.

- 9. Имя существительное в форме неопределенного или родительного падежа со служебным именем аразына и управляющим глаголом выражает направленность предмета (лица) в промежуток предметов. Например: Бис агаш аразына ыраак барала, јаан эмес от салып алганыс. Мы отошли вглубь леса и развели небольшой костер; анчы öлöннин аразына јажынып алды. Охотник спрятался в траве.
- 10. Имена в форме неопределенного или родительного падежа со служебным именем ордына означают отношения замещения. Например: Рая 600 снап буулаар норма ордына кунине 900—1000 снаптан буулап јат. Рая вместо нормы 600 снопов в день связывает по 900—1000; кече онын ордына кем иштеди? Кто работал вчера вместо него?
- 11. Имя существительное, обозначающее время, в форме неопределенного или родительного падежа со служебным именем туркунына показывает период или отрезок времени, в течение которого происходит действие. Например: Бистин колхоз мал оскурер јети јылдын планын беш јылдын туркунына будурер. Наш колхоз семилетний план животноводства выполнит в течение пяти лет; бир айдын туркунына јузун-јуур темаларга коп лекциялар кычырылган. В течение одного месяца прочитано много лекций на различные темы.

Таким образом, служебные имена: *ўстўне*, алдына, бажына, ичине, тыштына, јанына, кийинине, аразына, туркунына— уточняют, дополняют только пространственные отношения имен. Служебное имя ортозына уточняет и дополняет пространственные и временные отношения. Имена в сочетании со служебным именем ордына выражают отношения замещения. Служебное имя туркунына уточняет и дополняет временные отношения.

Имя, значение которого уточняет и дополняет служебное имя, принимает форму неопределенного или родительного падежа, а служебное имя — форму дательного падежа.

6 Ученые записки 8

Синтаксические функции дательного падежа

Имеющийся материал говорит о том, что имена в форме рассматриваемого падежа могут выступать в роли косвенного дополнения и об-

стоятельств места, времени, причины и цели.

1. Чаще всего в форме дательного падежа в качестве косвенного дополнения в предложении выступают существительные и местоимения. Иногда данные имена в роли косвенного дополнения могут выступать при сочетании с послелогами именного и глагольного происхождения. Например: Бу бичик Туулу-Алтайдын комсомолына менин кундуум болзын. Эту книгу посвящаю комсомолу Горного Алтая; чынды табарга Совет јан меге болужар болбой. — Найти правду мне поможет Советская власть. Он айдын туркунына планга узеери коп бос эдип чыгарган. — В течение десяти месяцев сверх плана выпустили много тканей; менин балдарым меге удура качан да јаман сос айтпайтан. — Мои дети никогда мне не грубят.

2. В функции обстоятельства места в форме дательного падежа выступают преимущественно имена существительные, указывающие, где и в каком направлении происходит действие. Также в качестве обстоятельства места выступают существительные в сочетании со служебными именами. Например: кожончы кушкаштар ўнин токтодып, јажыл бўрге јажына берди. — Певчие птицы перестали петь и спрятались в зеленую листву. Агаштардын алтын бўрлери јер ўстўне тогўлет. — Золотая листва с деревьев осыпается на землю; Алтайдын ичине омок кожон

јайылды. — На Алтае раздались бодрые песни.

3. В качестве обстоятельства времени в дательном падеже употребляются имена существительные с временным значением. Указанные имена могут выступать при сочетании с послелогами. Например: Уч јылга једе берди, ойто јанары јок болды. — С тех пор минуло три года, а он все еще не возвращался; тогус кунге курешкилейт. — Борются девять дней. Бир катап јокту анчы соок кышта ангдап барды. Айга јуук ангдап јуреле, алты тийин адып алды. — Однажды в холодную зиму бедный охотник отправился на охоту, охотился около месяца, привез шесть белок.

4. Чаще всего в форме дательного падежа в качестве обстоятельства причины употребляются причастия. Например: Уку ачынганына јаман униле укулдеп ийди. — Филин от огорчения крикнул неприятным голосом; јанарга мендеп турала, кезик немелерин ундып салды. — (Он) забыл некоторые вещи из-за того, что спешил домой

5. В роли обстоятельства цели в форме дательного падежа в большинстве случаев выступают имена существительные и причастия. Например: Деревне јаар ишке барып туру. — Едут на работу в деревню;

мен ат толыжарга келдим. — Я пришел менять коня.

Подводя итоги можно сказать, что а) дательный падеж в алтайском языке оформляется аффиксом -га (с его фонетическими вариантами); б) основным значением дательного падежа является обозначение косвенного объекта, обозначение направленности действия на какой-либо предмет. Помимо этого, дательный падеж употребляется для выражения пространственных, временных и целевых отношений; в)количественные, пространственные, временные и причинные отношения дательного падежа могут уточняться и дополняться послелогами именного и глагольного происхождения; г) пространственные и времен-

ные отношения уточняются и дополняются служебными именами; д) имена в форме дательного падежа в предложении выступают в роли косвенного дополнения, обстоятельств места, времени, причины и цели.

местный падеж

Местный падеж оформляется с помощью аффикса -да с его фонетическими вариантами: -де-до-до, -та-те-то-то, которые обусловлены законом сингармонизма. Он отвечает на вопросы: кемде? — у кого?, неде? — в чем?, кайда? — где?, качан? — когда?

В местном падеже имена могут принимать аффикс -ги-гы и образовывать относительные прилагательные, указывающие на местонахождение предмета (лица), место совершения действия. Например: јурт јердеги сан башка табыштан Томый уйгуна берди.—Томый проснулся от странного шума в деревне; ыраактагы озоктин чойилип јаткан ыжы корунип келди. — Показался дым, струившийся из далекого села.

Само название этого падежа определяет его основное значение. Самым общим и основным значением местного падежа является обозначение местонахождения лица, предмета, места совершения действия. Помимо этого, местный падеж может выражать временные отношения.

Местный падеж, выражающий пространственные отношения

Имена в форме местного падежа при управляющих глаголах выражают пространственные отношения, указывая место, пространство, в пределах которого происходит действие. Пространственные отношения имен в местном падеже приобретают различные оттенки в зависимости от лексического значения имени.

1. Имя существительное, представляющее название местности, территории, населенного пункта, части света, в форме местного падежа с глаголом любого лексического значения указывает местонахождение предмета (лица), место, где протекает или совершается действие. Например: Колхозтордын учы-куйузы јок јаландарында бийик аш öзöт. — На бескрайних полях колхозов растет высокий хлеб; Кадын суу Алтай јеринде агып јат. — Река Катунь протекает на территории Алтая; јаан городтордо — Ленинградта, Москвада метро бар. — В крупных городах — в Ленинграде, в Москве есть метро.

2. Существительные, обозначающие названия учреждений, предприятий, коллективов, в местном падеже с управляющим глаголом любого значения показывают место, в пределах которого осуществляется действие. Например: Колхозтын конторазында тан атканча лампа куйген. — В конторе колхоза до рассвета горела лампа; Толзон бригадада

иштеп кондуге берди. — Толзон привык работать в бригаде.

3. Существительные, обозначающие названия книжных изданий, литературных произведений и т. п., в местном падеже с глаголом любого лексического значения выступают как предмет (место), о котором что-либо описывается, сообщается. Например: Мичурин бойынын ижи керегинде журналдарда бичип турган. — Мичурин о своих работах писал в журналах; ол бичикте јиит авторлордын стихтери ле куучындары салылган. — В той книге напечатаны стихи и рассказы молодых авторов.

4. Имена существительные — названия органов человека (живот-

ного), частей тела — в форме местного падежа при глаголах любого содержания обозначают место действия. Например: Уй кижинин козинде ырыс база ла јаркындала берди. — Счастье опять заблистало в глазах женщины; ол тожинде эки медальду болды. — Он был с двумя медалями на груди; колдорымда чак јоголгон. — В руках не стало силы.

5. Имена существительные типа: јуун — собрание, тартыжу — борьба, битва; карануй — тьма, темнота и др. — в форме местного падежа при глаголах различного содержания выражают место и время нерасчлененно. Например: Бу ок јуунда Эркелей Шонкорды соцморойго кычырган. — На этом же собрании Эркелей Шонкора вызвал на соцсоревнование; кыстын јылдыстый кози карануйда суркурады. — Глаза девушки, подобные звезде, блестели в темноте.

6. Имена существительные, не имеющие конкретно-предметного значения, в местном падеже с управляющими глаголами любого значения указывают место в переносном смысле. Например: Бистин угубыста јаман кижи качан да болбогон. — В нашем роду никогда не было плохого человека; бу јыл менин јурумимде јаны јол ачылар. — В этом году в моей жизни, открывается новый (жизненный) путь.

Таким образом, имена в форме местного падежа в зависимости от лексического содержания выражают различные оттенки пространственных отношений.

Местный падеж, выражающий временные отношения

В форме местного падежа временные отношения выражают имена, представляющие названия отрезков времени. Имена с временным значением даны в первом разделе.

1. Имя, обозначающее отрезок времени в форме местного падежа при управляющем глаголе любого содержания, указывает время (момент) совершения действия. Например: Озогыда кажы ла кун ишкучиле јаткан кижиге тубек экелетен, эмди кажы ла кун биске ырыс экелет. — Раньше каждый день рабочему человеку приносил несчастье, а сейчас каждый день нам приносит счастье; јаскыда, јайгыда ла кышкыда бис Алтайдын кырларында јуруп, элик андап, турген суулардан чарагандар тудуп туратаныс. — Весной, летом, зимой мы бродили по горам Алтая, охотились на горных козлов, ловили хариусов в быстрых реках.

В тех случаях, когда нужно точно отразить какой-нибудь период или отрезок времени имена (с временным значением) в форме местного падежа имеют в качестве определяющих слов существительные, прилагательные, наречия, числительные, местоимения, причастия.

2. Имя существительное jau — возраст — в форме местного падежа с определяющим числительным при управляющем глаголе любого значения выражает нерасчлененно возраст и время. т. е. указывает, в каком возрасте, в какое время совершалось действие. Например: Оскус-Уул ÿч jauтуда энеден, он jauтуда адазынан оскус артып калды. — Оскус-Уул в три года потерял мать, а в десять лет отца.

Местный падеж без управляющих слов

Следует остановиться на частном употреблении имен в форме местного палежа без управляющих слов. Такое использование имен в дан-

ном падеже обычно встречается в газетном и другом материале, как заглавие.

1. Имя существительное с конкретно-предметным значением в форме местного падежа без управляющего слова указывает место. Например: Советский избирательный участокто. — В Советском избирательном участке; СССР-дин Министрлеринин Совединде ле КПСС-тин Тос Комитединде. — В Центральном Комитете КПСС и Совете Минист

ров СССР.

2. Имя существительное, не имеющее предметного значения в местном падеже выражает содержание того, что сообщается или описывается в статье, заметке и т. п. Например: Комсомолдор общественный мал учун тартыжуда. — Комсомольцы в борьбе за общественный скот; ишмекчилер байрам алдындагы моройдо. — Рабочие в предпраздничном соревновании.

Окаменевшие формы местного падежа

В некоторых словах и фразеологических сочетаниях аффикс местного падежа утратил свое первоначальное значение, слился со словом и

выступает в застывшей форме.

Эти слова и фразеологические сочетания превратились или превращаются в наречия. Такими являются наречия места, образа действия, которые, как предполагают, образованы от указательных и вопросительных местоимений, и наречия времени, образованные от существительных и числительного бир — один.

Рассмотрим наречия места мында — здесь, сюда; анда — там, туда. Наречие мында является окаменевшей формой местного падежа от указательного местоимения бу — этот, эта, это; наречие анда — окаменевшей формой падежа от указательного местоимения ол — тот.

Наречия мында, анда указывают местонахождение предмета (лица), место действия (здесь, там). Например: Энирде мында јуун болор. — Вечером здесь будет собрание; сен мында тур! — Ты стой здесь!; анда эмди бир де кижи јуртабай јат. — Там теперь никто не живет; анда тымык. — Там тихо.

Часто наречия мында и анда образуют сочетания типа: анда-мында — тут и там, которые показывают место. Например: Койлор анда-мында мааражып *jÿрдилер.* — Овцы блеяли тут и там; тÿн киргенде, анда-мында оттор ары-бери *jылыжат.* — Когда наступает ночь, огни тут и

там (там и сям) передвигаются взад и вперед.

Вопросительное наречие кайда? — где? куда? является застывшей формой местного падежа от основы вопросительного местоимения кай? — какой? Данное наречие в значении где употребляется в вопросительных предложениях. Например: Улустар кайда? — Где люди?; сен кайда барарга турун? Бого коно бер. — Куда ты хочешь идти? Ночуй здесь; кайда барып ўренер? — Куда пойти учиться?

В тех случаях, когда наречие кайда употребляется в сочетании с частицей да — то, оно обозначает неопределенное место. Например: Кайда да куук койу кожондойт. — Где-то кукует кукушка; кайда да сыра-

най јуукта ийт урди. — Где-то совсем близко залаяла собака.

Наречие места эбиреде — кругом, вокруг представляет собой окаменевшую форму местного падежа от деепричастия эбире — окружая. Оно обозначает место вокруг чего-либо. Например: Эбиреде агаш болгон. — Кругом был лес; пастух адынан тужеле, эбиреде ајыктап корди.

- Пастух, сойдя с лошади, внимательно осмотрелся вокруг.

Рассмотрим окаменевшие слова в форме местного падежа, которые превратились в наречия времени. Такими являются кезикте — иногда;

бирде — иногда и др.

Наречия кезикте и бирде обозначают время, в течение которого совершается действие. Например: Кезикте кургак салкын тын согот. — Иногда сухой ветер дует сильно; кезикте ыраактан табыш угулат. — Иногда издалека слышится шум; суу бирде арайлада, бирде тыныда шуулап турды. — Вода иногда шумит тихо, иногда сильно; бирде изу салкын согот. — Иногда дует теплый ветер.

Наречие бирде — иногда — представляет собой окаменевшую форму местного падежа от числительного бир — один. Бирде далеко отошло

от своего первоначального значения.

Наречие јуукта — вблизи — выражает пространственные и временные отношения. Временное значение данного наречия выступает в тех случаях, когда наречие јуукта в качестве определяющего слова имеет указательное местоимение бу — этот, эта, это; бу јуукта — недавно. Иногда указательное местоимение бу, как определяющее слово, выступает в сочетании с частицей ла; бу ла јуукта — совсем недавно. Например: Бу јуукта мен нокорим санандым.—Недавно я подумал о своём товарище; бу јуукта бистин школдын ўренчиктери экскурцияда болды. — Недавно ученики нашей школы были на экскурсии.

Сочетание бу ла јуукта — совсем недавно — указывает, что с момента действия прошло очень непродолжительное время. Например: Мен бу ла јуукта бир деремненин школынын балдарынан письмо алдым. — Совсем недавно я получил письмо от школьников одной дерев-

ни; бу ла јуукта јуун болды. — Совсем недавно было собрание.

Рассмотрим наречия образа действия мынайда — так; канайда — как, каким образом. Наречие мынайда считают окаменевшей формой указательного местоимения бу; канайда — окаменевшей формой вопро-

сительного местоимения кандый? — какой?

Данные наречия обозначают как, каким образом происходит действие. Например: Мен мынайда сананып турум. — Я думаю, так; ол канайда иштеген. — Как он работал; эмди Тойчы канайда баратанын сананды. — Теперь Тойчы думал о том, как поехать.

Местный падеж в составе неразложимых и удвоенных сочетаний

Неразложимыми сочетаниями, в состав которых входит имя в форме местного падежа, являются следующие: тал туште — в полдень; туш

јеринде — во сне.

Они обозначают время (момент) совершения действия. Напримертал туште одуга курсак ичерге бир де кижи барбады. — В полдень обедать в шалаш никто не пришел; тал туште изу там ла тыныды. — В полдень жара усилилась; Шонкор бойынын адазын туш јеринде коргон. — Шонкор видел своего отца во сне; Микелейден хозяйственный иштер туш јеринде айрылбай турды. — Михаила хозяйственные заботы не оставляли даже во сне.

Удвоенным сочетанием, в состав которого входит имя в местном падеже, является учы-учында — в конце концов. Это сочетание обозначает осуществление действия в один из моментов времени. Например Учы-учында талай корунди. — В конце концов показалось море; учы*учында* ўч ле кижи артып калды. — В конце концов остались только

трое.

В заключение можно отметить, что окаменевшие, застывшие формы местного падежа от некоторых существительных, числительного бир один, отдельных местоимений, деепричастия эбире — окружая — превратились или превращаются в наречия места, времени, образа действия.

Служебные имена в местном падеже

1. Имя существительное в форме неопределенного или родительного падежа со служебным именем устунде и управляющим глаголом указывает местонахождение предмета, место совершения действия на поверхности чего-либо. Например: Сарайдын ўстўнде балдар отурды. — На сарае сидели ребята; улустар јажыл торко олоннин ўстўнде байдастанып отуры. — Люди сидят, поджавши под себя ноги, на зеленой шелковой траве.

2. Имя существительное, представляющее название предмета, в форме неопределенного или родительного падежа со служебным именем алдында и глаголом обозначает нахождение предмета, совершение действия в передней части предмета или под чем-нибудь. Например: Шура энирде, уйуктаар алдында, козноктин алдында узак турган. — Вечером перед сном Шура долго стоял у окна; јаныс ла аттын буттарынын алдында баскан кар чыкырайт. — Только хрустит снег под копытами лошали.

Имена существительные типа тан — рассвет, байрам — праздник и т. п., не имеющие предметного значения, в неопределенном или родительном падеже со служебным именем алдында указывают отрезок времени (до рассвета, до праздника и т. п.), в течение которого происходит действие. Следует отметить, что имя существительное тан, всегда сочетается со служебным именем алдында в форме неопределенного <mark>падежа. Например: Ады-јок *тан алдында* терен *уйуктай берген* -</mark> Адыйок заснул перед рассветом крепко; тенери булутана берди, таналдында јанмыр јаады. — Небо покрылось тучами, перед рассветом пошел дождь; байрам алдында саду тыныды. — Перед праздником торговля оживилась.

3. Имена существительные, представляющие название отрезков времени, в неопределенном или родительном падеже со служебным именем бажында при глаголах выражают отрезок или период времени, по истечении которого происходит действие. Имена существительные с временным значением часто имеют уточняющие числительные или еще какиенибудь слова. Например: Мен уч куннин бажында олорды апарарым.— Через три дня я их увезу; анчылар јарым частын бажында атанып чыкты. — Охотники отправились через полчаса.

4. Имя существительное в форме неопределенного или родительного падежа со служебным именем ичинде и управляющим глаголом указывает на нахождение чего-либо внутри предмета, в пределах определенной территории. Например: Книга столдын ичинде јадыры. — Книга лежит в столе; тура ичинде табыш угулды. — В доме послышался шум.

5. Имя существительное в неопределенном или родительном падеже со служебным именем тыштында и глаголом показывает расположение чего-либо, совершение действия за пределами предмета. Например: Айыл тыштында, серуун јерде, коп улус отурды. — За домом, в про-хладном месте, сидело много людей; энчирде деремненин тыштында ко-жондор јаныланып турды. — Вечером за деревней раздавались песни.

6. Имя существительное в неопределенном или родительном падеже со служебным именем јанында указывает на место около (у) предмета, где происходит действие. Например: Энирде оду јанында коп кожондор угулды. — Вечером около палатки раздавалось много песен; энем качан ок самовар азып, столдын јанында југурип јурди. — Мама уже поставила самовар и суетилась у стола.

7. Имя существительное с предметным значением в форме неопределенного или родительного падежа со служебным именем кийининде и глаголом обозначает нахождение чего-либо за предметом или совершение действия за предметом. Например: Бу ла турган кырдын кийининде јаан совхоз бар. — За этой горой есть большой совхоз; кургак агаштардын кийининде јажыл моштор корунди. — За сухими деревьями показались зеленые кедры.

Имена существительные, не имеющие предметного значения, указательное местоимение ол — тот — и причастия на -ган (с фонетическими вариантами) в форме неопределенного или родительного падежа со служебным именем кийининде и глаголом передают временные отношения, а именно — указывают на совершение одного действия после того, как произошло другое. Например: Улу Октябрьдин јен узинин кийининде алтай уй улустын јадын-јуруми айдары јок кубулган. — После победы Великой Октябрьской революции жизнь женщин-алтаек коренным образом изменилась. Баштапкы кар јааган кийининде, анчылар андап атанат. — После первого снега охотники отправляются на охоту.

- 8. Имя существительное в форме неопределенного или родительного падежа со служебным именем одожында и управляющим глаголом обозначает расположение одного предмета против другого. Например: Откон јылда бу кыр одожында коп обоолор болгон. В прошлом году напротив этой горы было много стогов; јазнам, јайылып келген јаскы садтын одожында, скамейкага отурды. Бабушка сидела на скамейке напротив распустившегося весеннего сада.
- 9. Имя существительное в неопределенном или родительном падеже со служебным именем ортозында и глаголом обозначает нахождение предмета (лица) в середине, среди каких-либо предметов или людей. Например: Уй саачылардын ортозында социалистический морой кунункунге тыныды. Социалистическое соревнование среди доярок усиливалось изо дня в день; агитаторлор малчылардын ортозында агитационный иштерди откурип туру. Агитаторы проводят агитационную работу среди животноводов.

Имя существительное тун — ночь — в форме неопределенного падежа со служебным именем ортозында и управляющим глаголом выражает отрезок времени (полночь), в течение которого происходит действие. Например: Карангуй тун ортозында тышкары бир де неме кыймыктабайт. — В полночь на улице ничто не шевелится; тун ортозында бистин айылдын эжигинин јанына тан атту беш кижи јортып келди. — В полночь к двери нашего дома подъехало пятеро верховых.

10. Имя существительное в форме неопределенного или родительного падежа со служебным именем аразында обозначает место между пред-

метами, где происходит действие. Например: Уренчиктер агаш аразында јилбилу коп немелер корди.. — Ученики увидели в лесу много интересных вещей; агаштын аразында кууктин уни угулат. — В лесу слышится

пение кукушки.

11. Имена, не имеющие конкретно-предметного значения, в неопределенном падеже со служебным именем тушта, тужунда и глаголом передают момент совершения действия. Для более точного выражения момента (времени) совершения чего-либо имя в форме неопределенного падежа имеет определяющее количественное числительное. Например: Байлар ла јайзаннын јаны тушта бистин уй улустардын јуруми кандый уур јурум болгон. — Какая трудная жизнь была у наших женщин при власти баев и зайсанов; ол бежен де јашту тужунда сурекей јараш болгон. — Она и в пятьдесят лет была красавицей.

- 12. Имена в форме неопределенного падежа со служебным именем соондо и управляющим глаголом указывают на совершение одного действия после другого. Например: јуун божогон соондо ойын-јыргал башталды. После собрания началось веселье; коп јылдар откон соондо мен деремнеге айылдап келдим. После многих лет я приехал погостить в деревню.
- 13. Имена в форме неопределенного или родительного надежа со служебным именем керегинде выражают предмет речи, мысли, чувства. Например: Степан колхоз керегинде куучындады. Степан говорил о колхозе; менин jÿpeгим ол керегинде кожондоп јат. Мое сердце поет о нем.
- 14. Имена в неопределенном или родительном падеже со служебным именем шылтуунда и управляющим глаголом указывают причину действия. Например: Эрчимду иш шылтуунда јадын-јурум јаранды. Жизнь улучшилась, благодаря упорной работе; социалистический моройдин шылтуунда иштин арбыны чик јок бийиктеди. Благодаря социалистическому соревнованию производительность труда повысилась.

Следует отметить, что имена, значения которых уточняют, дополняют, конкретизируют служебные имена, принимают форму неопределенного или родительного падежа, а служебное имя — форму местного падежа.

Служебные имена *ўстўнде*, *ичинде*, *тыштында*, *јанында*, *одожында*, *аразында* своими лексическими значениями уточняют, дополняют, конкретизируют только пространственные отношения местного падежа. Служебные имена *алдында*, *бажында*, *кийининде*, *ортозында* при сочетании с именами конкретно-предметного значения уточняют, дополняют, конкретизируют пространственные отношения, а с именами, не имеющими конкретно-предметного значения, передают временные отношения. Служебные имена *тушта*, *тужунда*, *соондо*, при сочетании с именами выражают только временные отношения. Служебное имя *шылтуунда* передает причинное отношение. Служебное имя *керегинде* при сочетании с именами уточняет предмет (лицо) мысли.

Синтаксические функции местного падежа

В строе предложения имена в форме местного падежа в зависимости от их отношений к другим словам могут выполнять функции различных членов предложения. В частности, имена в местном падеже мо-

гут выступать в роли косвенного дополнения и обстоятельства образа,

действия, места, времени и причины.

1. В роли косвенного дополнения выступают преимущественно имена существительные и местоимения. Например: Уредуде бир де ўренчиксондободы. — В учебе не отставал ни один ученик; бисте јаны бичиктер коп. — У нас много новых книг. Большинство служебных имен в местном падеже в сочетании со знаменательными именами употребляется в качестве обстоятельств места и времени. Но служебное имя керегинде в сочетании со знаменательным именем выступает в роли косвенного дополнения. Например: Сартакпай керегинде чорчогие божоды. — Сказка о Сартакпае кончилась; энгирде Николайдын адазы баатырлар керегинде кайлап беретен. — Вечером отец Николая пел о богатырях.

2. В роли обстоятельства образа действия выступают только наречия канайда, мынайда с застывшими формами местного падежа. Например: Малды канайда кабырарын билерге керек. — Нужно знать, как

пасти скот; мынайда эдер керек. — Нужно делать так.

3. Чаще всего в качестве обстоятельства места выступают существительные и наречия, представляющие застывшие формы местного падежа от различных частей речи. Обстоятельства места указывают, где и в каком направлении происходит действие. Например: «Артек» деп пионерский лагерьде болгоным менин санаамнан качан да чыкпас. Я никогда не забуду мое пребывание в пионерском лагере «Артек»; анда-мында аркада алтын бўрлер кöрўне берди. — На склоне горы здесь и там показались золотые листья.

Имена существительные в роли обстоятельства места употребляются в сочетании со служебными именами. Например: Онын колы столдын ўстўнде эби јок јатты. — Его рука неудобно лежала на столе; агаш ортозында кургак будак тарк этти. — В лесу раздался треск су-

хого сучка.

4. Обстоятельства времени, выраженные существительными в форме местного падежа, указывают, когда и в какое время протекает действие, выраженное сказуемым. Например: Бу кундерде Горно-Алтайск городто партийный отчетно-выборный јуун отти. — В эти дни в городе Горно-Алтайске проходило отчетно-выборное партийное собрание; 1939 јылда баштапкы августта. Бастырасоюзный јуртхозяйственный выставка ачылган. -- Первого августа 1939 года открылась Всесоюзная сельскохозяйственная выставка.

В качестве обстоятельства времени могут выступать имена в сочетании со служебными именами в форме местного падежа. Например: Уч частын бажында конторага правлениенин члендери јуулып келди. — Через три часа в конторе собрались члены правления; Олор бир јыл

откон соондо тушташтылар. — Они встретились через год.

5. Преимущественно в роли обстоятельства причины выступает сочетание имени со служебными именем шылтуунда в местном падеже. Например: Оорунын шылтуунда балам ўредўден сондоп калды. — Изза болезни мой ребенок отстал от учебы; сенин шылтуунда иш бутпе-

ди. — Из-за тебя работа не выполнена.

В заключение можно сказать, что а) местный падеж оформляется аффиксом -да (с его фонетическими вариантами); б) основным значением местного падежа является обозначение места предмета, места совершения действия; в) в зависимости от лексического содержания имен местным падежом могут выражаться временные отношения; г) для

уточнения, дополнения пространственных и временных отношений употребляются служебные имена; д) имена в форме местного падежа в предложении выступают в роли косвенного дополнения, обстоятельства образа действия, места, времени и причины.

исходный падеж

Исходный падеж оформляется с помощью аффикса -дан с фонетичеокими вариантами -ден-дон-дон, -тан-тен-тон-тон, -нан-нен-нон-нон-Данный падеж отвечает на вопросы: кемнен? — от кого? неден? —

из чего? (с чего?), кайдан? — откуда?

Основным значением исходного падежа является обозначение движения, направления, удаления от предмета, исходного пункта действия. Кроме того, исходный падеж может выражать объектные, временные, причинные, сравнительные отношения, материал, из которого сделан предмет.

Значения, выражаемые именами в форме исходного падежа, могут

уточняться, дополняться послелогами и служебными именами.

Исходный падеж, выражающий пространственные отношения

1. Имя существительное — название места в форме исходного падежа при управляющем глаголе движения указывает на отправной пункт движения. Например: Мен Кремльден орой тўнде чыктым. — Поздно ночью я вышел из Кремля; кўн кырдан ашты. — Солнце скрылось за гору; тайгадан мал озокко тўшти. — Скот из тайги спу-

стился в долину.

2. Имя существительное, имеющее местное значение, в форме исходного падежа при управляющих глаголах типа: бедреер — искать; табар — находить — указывает на место, в котором обнаруживают (находят) что-либо. Например: Анчы шыркалу айуны кырдан эки кунге чыгара бедреди. — Охотник в течение двух дней искал на горе раненого медведя; экспедицияда болгон улус Алтайдын Тууларынан баалу таштар тапты. — Участники экспедиции в Горах Алтая нашли ценные камни.

3. Имя существительное — название места (предмета) в форме исходного падежа при глаголе корор — глядеть, смотреть, видеть, увидеть обозначает место, через которое или от которого осуществляется действие. Например: Эмеген козноктон балдардын ойногонын коруп турды. — Старуха из окна смотрела на игру детей; Торко-Чачакты ол

ыраактан кöрÿп ийди. — Торко-Чачака он увидел издалека.

Исходный падеж, выражающий объектные отношения

1. Имя по лексическому содержанию представляющее название лица, в форме исходного падежа при глаголах алар — получать, сураар — спрашивать, просить, угар — слушать, слышать — указывает на лицо, от которого что нибудь получают, спрашивают узнают. Например: Бир катап Амырка Кудачыдан бичик алды. — Однажды Амырка

получила от Кудачы письмо; Толзон кара кöстў уулчагаштан сурады. — Толзон спросил у черноглазого мальчика; мен бу кожонды карган

анчыдан уккам. — Я слышал эту песню от старого охотника.

2. Имя существительное в форме исходного падежа при глаголах типа: билер—знать, узнавать; таныыр—узнавать—выражает объект или его признак, по которому что-либо узнается. Например: Эрмек айдарга турганы эки козинен билдирди. — По глазам можно было узнать, что он хочет говорить; карган обогон кандый ла анды ўнинен, кылыгынан таныйтан. — Старик всякого зверя узнавал по повадке, по голосу.

3. Существительное, обозначающее части тела, предметы в исходном падеже с глаголами действия типа: алар—брать, получать; кабар—брать, хватать руками, зубами; салар—отпускать; тудар—держать, брать и др. — выражает часть объекта, которая подвергается действию. Например: Ол энезине јууктап келеле, колынан ала койды. — Он приблизился к матери и взял ее за руки; Јаман кижи јакадан кабар, јаман ийт аркадан кабар. — Злой человек хватает за ворот, злая собака хватает сзади; удабай Урнай боруни тамагынан тудуп алды. — Вскоре Урнай взял волка за горло.

4. Существительные самого различного лексического содержания в форме исходного падежа при управляющих глаголах арулаар — очищать, вычищать; корулаар — защищать, охранять и др. — указывают на объект, против которого направлено действие глагола. Например: Колхоз азырал белетеер покосторын агаштан арулап јат. — Колхоз очищает от леса места, отведенные для покоса; малды *олумнен кору*-

лап алдыс. — Скот спасли от падежа.

5. Имя существительное в форме исходного падежа при глаголах, означающих отделение, освобождение, указывает на объект, от которого что-нибудь отделяется, освобождается. К таким глаголам относятся айрыыр — отделять, разлучать, разделять; божоор — освобождаться; јайладар — освободить, устранить. Например: Уулчак тубектен онойып айрылды. — Мальчик так спасся (отделился) от беды; Маргачы школдон божойло, јайгыда энезине болужат. — Маргачы, окончив школу, летом помотает матери; коомой иш учун ижинен јайладып салды. — За нерадивость его освободили от работы.

6. Имя существительное, не имеющее конкретно-предметного значения, в исходном падеже с глаголами разного значения указывает на объект, который является источником действия, состояния. Например: Ангдар мылтыктын табыжынан коркыдылар. — Звери испугались выстрела ружья; мен Омочини бастыра бар ійрегимнен суўп турум.

— Я люблю Омочи всем сердцем.

Исходный падеж, выражающий временные отношения

1. Имя существительное, обозначающее отрезок времени, в форме исходного падежа с глаголами любого лексического содержания указывает на отрезок времени, с которого начинает осуществляться действие. Например: Тан эртеден турада айылчылар болды. — С раннего утра в доме были гости; туштен кедери бис балдар уйдежип бардыс. — Во второй половине дня, мы пошли провожать ребят.

2. Имя существительное *јаш* — возраст — в форме исходного падежа с глаголами любого лексического содержания указывает время (возраст), с которого начинает совершаться какое-нибудь действие. Для более точного выражения времени, с которого происходит действие, существительное јаш имеет определительное числительное. Например: Тойчы јети јаштан байларга уйлар сааган, он јаштан балкаш туткан, аракы аскан. — Тойчы с семи лет доила у богачей коров, а с десяти лет месила глину, перегоняла араку; колхозчы Торколоева Тойчы алтан јаштан ашкан. — Колхознице Торколоевой Тойчы больше шестидесяти лет.

Исходный падеж, выражающий причинные отношения

Причастие на -тан (с фонетическими вариантами) в форме исходного падежа при глаголах любого лексического содержания указывает на причину проявления действия. Например: Чочыганымнан јўрегим тын согулып турды, сос то айдып болбой турдым. — От испуга сильно забилось сердце и я не могла вымолвить слова; соэкко тонгонымнан колдорым кабышпай барды. — Оттого, что я замерз, мои руки не стали сгибаться.

Исходный падеж, выражающий сравнительные отношения

Существительное (местоимение) в форме исходного падежа при управляющих именах типа: артык — лучше; баалу — ценный, дорогой; бийик — высота, высокий; јаан — большой, громадный, егромный, крупный; јарык — свет, светлый; кичинек — младший, маленький; тату — сладкий и др. выражает предмет, с которым сравнивается другой предмет Например: Бистин Тайгыл сенен артык анчы. — Наш Тайгыл — охотник лучше тебя; слердин сос кумуштен баалу. — Ваше слово дороже серебра; кун айдан јарык. — Солнце ярче луны; мен эјемнен бир јаш кичинек. — Я младше сестры на один год.

Исходный падеж, обозначающий материал, из которого ито-либо изготовляется

Имена существительные с предметным значением в форме исходного падежа при глаголах типа: эдер — делать; јазаар — строить, украшать и др. — указывают на материал, предмет, из которго что-либо производится, изготовляется. Например: Кара киштен борук этти, кара тулкуден тон этти. — Из черного соболя сделала шапку, из чернобурой лисицы — шубу; доменщиктер рудадан чой кайылтат. — Доменщики из руды выплавляют чугун.

Исходный падеж, с некоторыми глаголами

1. Имя в форме исходного падежа при управляющих глаголах типа: кезер — резать, рубить; *ÿзер* — рвать, срывать, обрывать — обозначает части, на которые делится что-нибудь. Например. Алып баатыр
Эмелчи-Мерген јети башту јелбегенди *јети јерден кезе чапты*. — Богатырь Эмелчи-Мерген разрубил семиголового людоеда на семь частей;

айтпас болзон уч јерден узе тартарым. — Если не скажешь, то разорву

на три части.

2. Имена существительные, обозначающие предметы (вещество), часть, которых подвергается действию глагола, ставятся в форме исходного падежа. Например: Бöрÿ малдан бир байталды тутты. — Волк поймал из табуна одну кобылицу; отко эттен кайнаттылар. — На огне варили мясо; чайга сÿттен ур. — Налей в чай молока.

Окаменевшая форма исходного падежа

Окаменевшую форму исходного падежа представляет вопросительное местоимение кайдан? — юткуда? где? от основы кай и аффикса падежа -дан. Оно употребляется в вопросительных предложениях в значении откуда, где. Например: Сен кайдан келдин? — Ты откуда пришел? Бу улустын кылыгын кайдан билер? — Откуда знать поведение этих людей? Оны кайдан бедрейтен? — Где мне его искать?

Исходный падеж с послелогами и служебными именами Исходный падеж с послелогами

1. Существительное — название места в форме исходного падежа с послелогом ары и глаголом указывает на отправной пункт, от которого продолжается какое-нибудь действие. Например: Балдар Маймадан ары городко машинала бардылар. — Ребята от Маймы поехали в город на машине; айылдардан ары, бир километр јерден, анчы тулку атты. — На расстоянии одного километра от домов охотник застрелил лисицу.

Указательное местоимение бу, ол в исходном падеже с послелогом ары и глаголом любого лексического содержания обозначает место, от которого начинает совершаться действие. Например: Мынан ары ўч километр јерден бис суугуштар аттыбыс. — Отсюда в трех километрах мы стреляли уток; суунын јарадында уйлар јатты, онон ары агаштар ортозында койлор корунди. — На берегу реки лежали коровы, дальше в лесу показались овцы.

Имя существительное временного значения в исходном падеже с послелогом ары и глаголом любого лексического содержания означает время, с которого началось действие. Например: Бистин јерде август айдан ары койлор одорлоп турган јердин олони када берер. — У нас с августа, в местах, где пасутся овцы, засохнет трава; Куреш эртеннен ары школго јурер. — Куреш с завтрашнего дня будет ходить в школу.

Указательное местоимение бу, ол в форме исходного падежа с послелогом ары и глаголом также указывает время, с которого началось действие глагола. Например: Мынан ары биске мал ижин будурерге коп электричество керек болор. — В дальнейшем нам нужно будет много электричества, чтобы поднять работу по животноводству; ол онон ары канайда иштейтенин јартап берди. — Он разъяснил, как работать с этого времени (дальше).

Следует отметить, что указательное местоимение δy — этот, это, эта; $\delta \lambda = 0$, в одних случаях выступает в пространственном значении, в других — во временном, в третьих— в том и в другом значении. В

последнем случае иногда бывает трудно разграничить, какое из этих

двух отношений выражает данный послелог.

2. Послелот бери с именами в исходном падеже выражает пространственные и временные отношения. Эти отношения рассматриваемого послелога, противоположные отношениям послелога ары, указывают на развитие действия в пространстве и во времени, начиная от определенного пункта, момента.

Имя существительное с послелогом бери и любым глаголом указывает на исходный пункт действия. Например: Богочыдан бери ўренчиктер кожондоп келдилер. — С перевала ученики пришли с пением; Москвадан бери Алтайга јетире алтын кебистий аштар јайылды.— От Москвадан бери Алтайга

вы до Алтая золотым ковром раскинулись хлеба.

Имя существительное, по лексическому содержанию представляющее название определенного отрезка времени, с послелогом бери выражает момент времени, с которого начинает происходить действие. Например: Алтайский краеведческий музей озогыдан бери Сибирьдин јаан учурлу музейи болуп јат. — Алтайский краеведческий музей с давних пор является известным музеем Сибири; чöрчöкти улус јебрен чактан

бери билер. — Сказку народ знает с незапамятных времен.

Причастие на -ган (с фонетическими вариантами) в форме исходного падежа с послелогом бери обозначает время с момента совершения действия, выраженного причастием. Например: Эркелей энезинин айылын таштап барганынан бери бир ай öтти. — С тех пор, как Эркелей оставил дом матери, прошел месяц; эки колхозты бириктиргенинен бери бир јыл болды. — Исполнилась годовщина с момента объединения двух колхозов; олор эку тушташканынан бери саат болды. — Много времени прошло с тех пор, как они встречались.

3. Имя в форме исходного падежа с послелогом башка выражает выделительные отношения. Например: Горно-Алтайскта, педагогический институттан башка, научный шинжу откурер институт бар. — В Горно-Алтайске, кроме педагогического института, есть научно-исследовательский; онон башка неме бербеди. — Кроме этого ничего не дали.

4. Имя в форме исходного падежа с послелогом оско выражает то же отношение, что и с послелогом башка. Например: Сынарунын эки козинин јажын ол торт кайыннан оско бир де неме корбогон. — Кроме четырех берез, никто не видел слез Сынару; сенен оско кижи керек јок.

Кроме тебя, никого не нужно.

5. Имя существительное с временным значением в исходном падеже с послелогом ажыра обозначает время, которое продолжалось больше времени, указанного существительным. Например: Ол уй саачы болуп колхозто он јылдан ажыра иштеп јат. — Она работает больше десята лет дояркой в колхозе; бу јуу-согушта ол эки коноктон ажыра танктан чыкпаган. — В этом бою он не вылезал из танка больше двух суток.

Числительное (существительное) в форме исходного падежа с послелогом ажыра выражает количество, которое превышает указанное именем числительным или существительным. Например: Алтаннан ажыра торбок öpö кыштап jaт. — Зимуют больше шестидесяти торбоков в горах (вверху); уйлар тоозы планнан ажыра буткен. — Количество коров превысило план (больше плана).

6. Имя существительное временного значения с послелогом ала указывает на время, с которого начинает происходить действие. Существительное может иметь в качестве определяющего слова указательные местоимения бу — этот, эта, это; ол — тот. Например: август айдан

ала кей соой берет. — С наступлением августа воздух становится прохладным; бу куннен ала Оскус-Уул байлардын эжигин таштады. —

С этого дня Оскус-Уул покинул дом (дверь) богатых.

Когда нужно выразить точный отрезок времени, в течение которого что-то происходило, то употребляют сочетания существительного временного значения с послелогами ала и јетире. Существительное в исходном падеже с послелогом ала выступает как исходный момент действия, а в дательном падеже — как конечный момент действия. Например: Ол ойдой ала бистин ойго јетире коп јылдар откон. — С этого времени до наших дней прошло много лет; ол уулын кыштан ала јайга јетире сакыды. — Он сына ожидал с зимы до лета; койу агаштын ортозында эртен турадан ала энирге јетире кууктин уни јаныланат. — В густом лесу с утра до вечера раздается голос кукушки.

В тех случаях, когда нужно выразить точный предел распространения какого-нибудь действия, употребляют сочетания существительного — названия места с послелогом ала и јетире. Существительное в исходном падеже с послелогом ала служит отправным пунктом действия,
в дательном падеже с послелогом јетире — пределом совершения действия. Например: Карагай агаштар озоктон ала тууларга јетире озуп јат.
— Сосновые леса раскинулись от низменной долины до гор; Сартакпай
монун башту Алтайдын кырларынан ала тошту тениске јетире сууларга јол ачып берерге шуунип алды. — Сартакпай с гор Алтая с серебряной вершиной задумал открыть дорогу водам до Ледовитого океана.

7. Имя существительное временного значения (указательное местоимение) в форме исходного падежа с послелогом озо выражает период времени, до которого происходило действие. Например: откон јусјылдыктын 60-чы јылдарынан озо Россияда фабрикалар ла заводтор сурекей ас болгон. — До 60-х годов прошлого столетия в России было очень мало фабрик и заводов; јылдык план ойинен озо буткен. — Годовой план выполнен досрочно (до срока); мынан озо бис бу јерге байдын малын кабырганыс. — До этого мы в этом месте пасли скот богачей.

Существительное — название лица (личное местоимение) в форме исходного падежа с послелогом озо выражает лицо, действие которого осуществляется после другого (других). Например: Адыјок адазынан озо уйга југурип келеле, муузинен ала койды. — Адыйок прибежал раньше отца и взял корову за рога; Эзе ончо келиндерден озо делегатка бичиткен. — Эзу выдвинули раньше всех женщин в делегаты.

8. Имена в форме исходного падежа с послелогом улам выражает причинные отношения. Например: Керектерден улам ол отпускка барып болбогон. — Из-за дел он не смог поехать в отпуск; малдын озуми ле онын кирелтези кодурилгенинен улам колхозтын кирелтези јылдан јылга коптоп туру. — С повышением поголовья скота и его продуктивности из года в год увеличивается доход колхоза.

Служебные имена в исходном падеже

1. Имя существительное в форме неопределенного или родительного падежа со служебным именем *ўстўнен* и глаголом обозначает предмет (место), с поверхности которого направлено действие. Например: Амыр ат *ўстўнен* эбиреде турган аштарды ајыктап корди. — Амыр с лошади внимательно осмотрел стоящие вокруг хлеба; кара булут актын *ўстўнен* одо берди. — Черная туча прошла с-безлесного места.

2. Существительное в неопределенном или родительном падеже со служебным именем алдынан и глаголом указывает на предмет, из-под которого исходит действие. Например: Былтыргы öлöн алдынан јаны öлöн кöрÿнип келди. — Из-под прошлогодней травы показалась новая трава; Адыјок јадыктын алдынан бажын чыгарып кöрди. — Адыйок посмотрел, высунув голову из-под валежника.

3. Существительное в неопределенном или родительном падеже со служебным именем бажынан и глаголом любого лексического содержания выражает предмет, с верхней части которого направлено действие. Например: Јаан туулар бажынан куу туман чойилет. — С (с вершины) больших гор поднимается белый туман; Айры озоктин бажынан койу кожон угулды. — Из (верховья) долины Айры слышалась густая песня.

4. Существительное в форме неопределенного или родительного падежа со служебным именем ичинен и глаголом указывает предмет, изнутри которого исходит действие. Например: Арка ичинен Амырка койчы араай кожондоп, базып чыкты. — С хребта (изнутри хребта) пастушка Амырка спускалась, тихо напевая; школдын ичинен балдардын табыжы угулды. — Из школы слышался крик ребят.

5. Существительное в неопределенном или родительном падеже со служебным именем јанынан выступает как место, от которого что-нибудь исходит. Например: От јанынан јажы јаанай берген кижи кöðÿ-рилди. — С места, расположенного около огня, поднимался пожилой человек; кöлдин јанынан кöп куштар учуп чыкты. — От озера взлетело

много птиц.

6. Имя существительное (местоимение) в форме неопределенного или родительного падежа со служебным именем кийининен и глаголом показывает предмет (лицо), сзади которого исходит действие. Например: Конторанын јанында арткан улус ырай берген машинанын кийининен кöpÿn турды. — Люди, оставшиеся около конторы, смотрели за удаляющейся машиной; Јардак уйлардын кийининен араай јортып баратты. — Ярдак медленно ехал за коровами; мен, кыйгырып, олордын кийининен југурдим. — Я, крича, побежал за ними.

7. Существительное в неопределенном или родительном падеже со служебным именем ортозынан и глаголом показывает предмет (лицо), средина которого является отправным пунктом действия. Например: Қара булут ортозынан казыр кыйгы угулды. — Из (из средины) черной тучи доносился злой крик; Совет јаннын јылдарынын туркунына алтай уй улустын ортозынан јакшынак ишчилер озуп чыккан. — За годы Со-

ветской власти выросли хорошие работницы из женщин алтаек.

8. Имя существительное в форме неопределенного или родительного падежа со служебным именем аразынан и глаголом любого лексического содержания указывает предмет, промежуток которого служит исходным пунктом действия. Например: Агаш аразынан аттар тынастап чыгара басты. — Из (из промежутка) леса, всхрапывая, вышли лошади; јаан öлöннин аразынан јузун-јуур чечектер кöрунип јат. — Из (из промежутка) большой травы виднелись различные цветы.

Синтаксические функции исходного падежа

На основании имеющегося материала об исходном падеже можно сказать, что имена в форме данного падежа выступают в роли косвенного дополнения и обстоятельства образа действия, места, времени и причины.

- 1. В качестве косвенного дополнения в форме исходного падежа выступают имена существительные, местоимения. Иногда в роли его в форме исходного падежа употребляются существительные при сочетании с послелогами башка, оско. Например: Малдан коп продукция аларынын сыранай јакшы ойи јай болуп јат. Лето является самым лучшим периодом для получения продукции от скота; уредуден сондоп турган уренчик јок. —Нет отстающего ученика; председатель бистен сурады. Председатель спросил у нас. Кату тукту койлордон башка Алтайдын јурт улузы чичке тукту койлорды оскурип јат. Жители Алтая кроме грубошерстных овец разводят тонкорунных; Нина менен бичиктен оско неме сурабады Нина, кроме книги, у меня ничего не спросила.
- 2. Имена в форме исходного падежа могут употребляться в роли обстоятельства образа действия. Например: Эмештен карануйлайт. Постепенно темнеет; ол араайынан эжикти јаап ийди. Он потихоньку закрыл двери.
- 3. В качестве обстоятельства места в форме исходного падежа употребляются преимущественно имена существительные, которые также могут выступать в роли обстоятельства места в сочетании с послелогами ары и бери. Например: Качан Ленин вагоннон чыгып келерде, албатынын сугунгенин јартап бичип те болбос. Неописуемый восторг охватил массы, когда Ленин вышел из вагона; кун кырдан чыгып келерде, ферманын јааны Јылым келди. Когда солнце взошло из-за горы, приехал старший фермы Ялым. Мен ол курден ары јаныскан барарым. Я с этой переправы пойду одна. Кызыл-Озоктон бери кезик улус машинала келди. С Кызыл-Озека часть людей приехала на машине.

В качестве обстоятельства места употребляются существительные, местоимения в сочетании со служебными именами в форме исходного падежа. Например: Чейнеш агаштар ортозынан колында ойонотту чыкты. — Чейнеш вышла из леса с потничной травой в руках, бистин кийинибистен олонду чанактар келди. — За нами ехали возы с сеном.

- 4. В роли обстоятельства времени в форме исходного падежа выступают имена с временным лексическим значением. В этой роли также могут выступать имена с временным значением в сочетании с послелогами. Например: Эртеннен ончозы кажагандар тудар. С завтрашнего дня все будут строить скотный двор; эмдиден ле иш башталып јат. Сейчас же начинается работа. Ол јаны јылдан озо јанды. Он приехал перед новым годом; мен узак ойдон бери колхозыма јылкы оскурип турум. Я с давних пор выращиваю моему колхозу лошадей.
- 5. В роли обстоятельства причины в форме исходного падежа чаще всего употребляется причастия на -ган (с фонетическими вариантами). Например: Балдар коркыганынан унчукпай барды. Ребята от испуга замолчали; сÿгÿнгенинен улам неме сурабады. —От радости (он) ничего не спросил.

В заключение можно сказать, что а) исходный падеж оформляется аффиксами -дан, -нан (с фонетическими вариантами); б) основным значением имен в форме исходного падежа является обозначение исходного пункта действия, кроме этого, они употребляются для выражения объектных, временных, причинных и сравнительных отношений; в) пространственные и временные отношения, выражаемые именами

в форме исходного падежа, могут уточняться, дополняться послелогами и служебными именами; г) окаменевшую форму исходного падежа в современном алтайском языке представляет вопросительное местоимение кайдан; д) имена в форме исходного падежа синтаксически выступают в роли косвенного дополнения и обстоятельств образа действия, места, времени, причины.

О РАЗВИТИИ АЛТАЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Алтайский народ до Великой Октябрьской социалистической революции почти не имел художественных изданий на родном языке. Исключение составляют лишь некоторые научные публикации алтайского фольклора и небольшие книжки переводных и оригинальных произведений

поэта-самоучки XIX века М. В. Чевалкова.

Басни и стихи Чевалкова пользовались широкой популярностью в народе. Однако в условиях царизма и засилья на Алтае баев, шаманов и попов-миссионеров, подавлявших всякое проявление народной культуры, в том числе и народное поэтическое искусство, талант Чевалкова не мог полностью раскрыться и получить должное направление. Миссионеры постарались приложить все силы к тому, чтобы сбить поэта с верного пути, оказать на его творчество отрицательное влияние, использовать его поэтические способности в своекорыстных целях, в первую очередь

— в целях перевода на алтайский язык церковных книг.

Подлинное развитие художественной литературы алтайского народа стало возможным только после победы Великого Октября. Коммунистическая партия, всегда придававшая исключительно важное значение художественной литературе как мощному средству идейного воспитания трудящихся, неустанно заботилась о развитии такой литературы у всех, больших и малых, народов нашей страны. Эта забота проявилась также и по отношению к алтайскому народу. Областной комитет партии Горного Алтая, претворяя в жизнь политику Коммунистической партии в области художественной литературы, проделал большую работу по выращиванию и воспитанию литераторов из среды алтайцев, постоянно направлял их творчество, повседневно заботился об издании художественных книг на алтайском языке.

Алтайская письменная литература, зародившаяся в годы Советской власти, несмотря на свою молодость, уже совершила определенный

путь развития и имеет свою, хотя и небольшую, историю.

Специфической особенностью этой литературы, как и многих других молодых литератур, возникших после революции, является ее непосред-

ственная связь с традициями устного народного творчества.

В алтайскую литературу с первых дней ее становления пришли народные певцы, сказители и сказочники. Они принесли с собой те замечательные устно-поэтические творения алтайского народа, которые в яркой художественной форме отразили его многовековую историю, культу-

ру и быт, его высокую народную мудрость.

Классики марксизма-ленинизма высоко ценили устно-поэтическое творчество народа. В. И. Ленин видел в нем отражение «чаяний и ожиданий народных», характеризовал его как «нужное и важное для изучения народной психологии в наши дни». Много ярких и вдохновенных слов о фольклоре, о его историческом и художественном значении сказал великий пролетарский писатель А. М. Горький. Он призывал литераторов всех национальностей нашей страны неустанно собирать фольклор родного народа, изучать его, учиться на нем.

За годы Советской власти в Горном Алтае собрано и издано большое количество произведений фольклора. Только от одного сказителяорденоносца Н. У. Улагашева, самого талантливого из всех сказителей на Алтае, принятого в 1939 году в члены СП СССР, записано и опубликовано шесть книг героических поэм и сказок. Более десяти сборников составили пословицы и поговорки, песни, сказки и героические поэмы, собранные алтайскими фольклористами от других исполнителей народ-

ных произведений.

Народные певцы и сказители не только передали нам поэтическое наследие прошлого, но и сложили не мало новых устно-поэтических произведений, воспевающих героические подвиги трудового народа в годы революции и гражданской войны, в годы строительства социализма и

защиты отечества от внешних врагов.

Слагатели этих произведений пришли к новой тематике с традиционными поэтическими формами. Таково, например, сказание В. Ябыкова «Темир-Беке», повествующее о гражданской войне на Алтае. Оно заканчивается словами о строительстве новой жизни в горах Алтая:

Под пятиконечной звездой, Голубые горы озарившей, Все народы, трудясь сообща, Живут светлой и радостной жизнью.

Но, имея своим содержанием события недавнего прошлого, это произведение использует приемы и изобразительные средства старых сказаний. Героями его являются вымышленные народные богатыри Темир-Бёкё и Кыс-Мерген, в единоборстве побеждающие своих социальных врагов, представленных в нем в традиционных обликах обжор и угнетателей — Дьеек-Бёкё и Ак-Бёкё.

Пользующиеся широкой популярностью среди читателей стихотворения Н. Улагашева («Руки коротки!», «Играй, играй, мой топшуур!», «Октябрьская песня», «Два закона») сложены в форме старинных обращений народного певца к своему музыкальному инструменту — топшууру, хотя в этих обращениях певец не просит как прежде свой топшуур воспеть подвиги эпического богатыря, а зовет его к сегодняшнему дню, к прославлению радости и ликования советского народа в день Октября, всенародно любимого закона — Советской Конституции, героических подвигов советских воинов в дни Великой Отечественной войны и т. д.

Стихотворения сказителя А. Калкина («Москва», «Бригадир», «Песня пастуха», «Табунщик») также сложены в духе народных устно-по-

этических песен и сказов.

Глубокая связь с фольклором, творческое отталкивание от него видно и у многих пишущих алтайских поэтов и прозаиков. Они также обращались и обращаются к доступным и понятным народу формам фолькло-

ра для изображения событий и явлений нашей современности. Так, например, алтайские поэты-песенники, особенно 20-х и 30-х годов, восприняли традиционные поэтические приемы сложения народной песни (четверостишную строфику, семисложный размер, анафору, образный параллелизм, способы рифмовки и т. д.) и широко использовали их в своем творчестве. Таковы песни И. Эдокова, И. Тантыева, Я. Бедюрова, Д. Монголова, А. Казакова, Р. Сурулевой, напечатанные в областных газетах и первых литературных сборниках 30-х годов: «Рост Советской Ойротии», «Песни Ойротии», «Молодой Алтай» и других. По содержанию — это новые песни, песни о революции и гражданской войне, о родной Коммунистической партии, о комсомоле, о родине счастливых людей, строящих коммунизм.

Использование традиционных форм алтайского фольклора имело место и в создании алтайскими поэтами произведений других поэтических жанров: легенд, сказаний, стихотворений. Алтайский поэт 20-х годов П. Чагат-Строев написал известную поэму о героических событиях Великого Октября — «Ойгор-Баатыр». Главный герой поэмы — мудрый вождь трудящихся всего мира В. И. Ленин, под руководством которого рабочий класс и беднейшие слои крестьянства свершили социалистическую революцию в России. В поэме использованы характерные для фольклора приемы изображения реально-исторического лица в облике богатыря (Мудрый Богатырь — Ленин), а также персонификации в образе одного богатыря широких масс народа (Железный Богатырь —

рабочий класс и Богатырь Земли — крестьянство).

То же самое мы видим в значительной по глубине мысли и поэтической выразительности легенде Т. Юдакова и П. Кучияка «Зажглась золотая заря» (на русский язык перевел Д. Бедный), которая прочно вошла в сокровищницу советской народной поэзии. В этой легенде в образе богатыря Ленина, зажегшем над землей золотую зарю новой эпохи, реально, наиболее глубоко и полно воплощены вековые мечты народа о друге и вожде бедняков, освободившем народы от гнета и эксплуатации.

Все эти произведения, которые относятся скорее к фольклору, чем к собственно литературе, сыграли большую роль в развитии молодой алтайской литературы. В них в наиболее доступной и понятной для простого народа форме раскрыты величайшие события современной эпохи.

Однако создание новых произведений только по образцам фольклора не отвечало все возраставшим художественным запросам алтайского народа. Читатели-алтайцы видели перед собой не только свой фольклор, но с повышением их культурного уровня и просвещения они знакомились с художественными произведениями давно сложившихся письменных литератур братских народов, среди которых, конечно, на первом месте стоит русская классическая и советская литература. Произведения русской литературы прививали алтайцам вкус к новым видам литературы и вызывали потребность в них на родном языке.

Алтайские писатели, чувствуя и понимая запросы самих читателей, стремились уйти от слепого подражания архаическим формам фольклора, зачастую сковывавшим их творческие возможности и способности. При этом они, разумеется, не отбрасывали то весьма ценное, что было получено в наследство от народного устно-поэтического творчества.

В создании алтайскими писателями образцов современной реалистической литературы первостепенную роль сыграло овладение творческим опытом русских писателей. Реализм в изображении действительности, отбор художественного материала из самой жизни, глубокое и

правдивое обобщение того, что видят писатели в окружающей действительности — вот то, что пришло в зарождающуюся алтайскую литературу под благотворным воздействием русской литературы. Алтайская литература благодаря этому приблизилась к самой действительности, превратилась в активное, действенное оружие идейного воспитания трудящихся.

Овладевая творческим опытом русских писателей, поэты и прозаики Горного Алтая начали на родном языке создавать все жанры совре-

менной реалистической литературы.

Еще в прошлом столетии М. В. Чевалков под влиянием творчества баснописца И. А. Крылова положил начало алтайской басне. По образцу социально-бытовых комедий А. Н. Островского написаны первые алтайские комедии М. В. Мундус-Эдокова, а под влиянием знаменитой драмы А. Н. Островского «Гроза» написана драма П. В. Кучияка «Чейнеш».

П. Кучияк всегда восхищался великими творениями Л. Н. Толстого и А. М. Горького. Под влиянием «Детства» и «Отрочества» Л. Н. Толстого Кучияк начал писать свой роман «Адыйок», а прочитав трилогию А. М. Горького «Детство», «В людях», «Мои университеты», он записал в своем дневнике: «Произведения великого писателя открыли мне глаза на секреты художественной прозы. Я многому научился от него».

Насыщенная острой публицистикой и глубоким лиризмом поэзия В. В. Маяковского оказала сильное воздействие на творчество многих

алтайских поэтов.

Читая и переводя на свой родной язык произведения А. С. Пушкина и А. М. Горького, Л. Н. Толстого и А. Н. Островского, В. В. Маяковского и М. А. Шолохова, Н. Островского и А. Фадеева, Б. Полевого и других русских писателей, литераторы Горного Алтая учились и учатся на этих книгах глубокому, правдивому и всестороннему изображению

жизни, высокому мастерству художественного слова.

Творческому росту алтайских писателей способствовали также их глубокие дружеские связи с русскими писателями Сибири. Эта дружба сопутствовала алтайской литературе на всем пути ее развития. Начиная с 30-х годов непрерывно следил за развитием алтайской литературы, постоянно оказывал конкретную помощь алтайским писателям русский сибирский писатель А. Л. Коптелов. Над переводами лучших произведений алтайских поэтов и прозаиков на русский язык много и плодотворно работали Василий Непомнящих, Евгений Березницкий, Илья Мухачев, Александр Смердов, Елизавета Стюарт, Константин Козлов и другие. Благодаря их переводам произведения алтайских поэтов и прозаиков становились известными далеко за пределами Горного Алтая.

Многое дали алтайским писателям совместные с русскими писателями поездки по Алтаю с целью собирания материалов для написания произведений, а также творческие собеседования, обсуждения рукопи-

сей и книг.

Алтайские советские писатели вместе со своими собратьями по перу — писателями братских народов нашей страны — вооружались передовыми идеями марксизма-ленинизма, помогавшими им правильно понять развитие общества и стать активными участниками борьбы за строительство коммунизма. Неиссякаемым источником, питающим их творчество, стала богатая трудовыми подвигами, многогранная по своим проявлениям жизнь советского народа, которая давала и дает литераторам ценнейший материал для самого вдохновенного творчества.

Письменная литература алтайцев, созданная усилиями алтайских писателей на основе их неустанной учебы на образцах братских литератур, и прежде всего русской, представлена значительным количеством произведений, свидетельствующих о ее несомненных успехах и достижениях.

История возникновения и развития этой литературы — подлинного

детища советской эпохи — представляет особый интерес.

Первыми авторами литературно-художественных произведений в 20-х и начале 30-х годов были молодые, начинающие газетные работники, селькоры, агитаторы, учителя, студенты и другие рядовые советские люди, печатавшие свои стихи, песни, небольшие рассказы, очерки и пье-

сы в областных газетах и книгах для чтения на родном языке.

Многие из этих произведений являлись еще незрелыми в художественном отношении. В лоэтических произведениях преобладали агитационные призывы, лозунги, а в прозе — натурализм. Но зато они отличались глубокой искренностью. Молодые литераторы Горного Алтая от всей души помогали своим творчеством делу борьбы Коммунистической партии, раскрывали алтайцам историю и значение Великой Октябрьской социалистической революции и Советской власти, поднимали трудящихся на классовую борьбу с алтайскими богачами. Они оказали большое содействие в осуществлении мероприятий партии и правительства, направленных на коренное преобразование экономики и культуры алтайцев: в переводе их от кочевого образа жизни на оседлость, в привитии новых, передовых методов ведения хозяйства, в организации первых товариществ по совместной обработке земли и развитию животноводства, в разоблачении шаманской, бурханистской и христианской религий, в ликвидации неграмотности населения, в привлечении алтайской женщины к общественной работе и уничтожении неравенства между мужчиной и женщиной, в борьбе с различного рода пережитками прошлого в сознании и быту людей, в поднятии общего культурного уровня народа и т. д.)

Лучшие произведения алтайских поэтов — И. Эдокова, П. Кучияка, Ч. Чунижекова, П. Чагат-Строева — собраны в поэтическом сборнике «Рост Советской Ойротии», изданном в 1935 году местным книжным из-

дательством.

К этому периоду становления алтайской советской литературы относится творчество некоторых писателей, оставивших в ней заметные следы. К таким писателям можно отнести М. В. Мундус-Эдокова и П. А,

Чагат-Строева.

Мирон Васильевич Мундус-Эдоков (1879—1942), еще с дореволюционного времени трудившийся на поприще народного просвещения, постоянно занимался поэтическим творчеством, которое он использовал в своей педагогической работе. После революции, став автором-составителем первых книг для чтения, предназначенных для алтайских школ («Тан чолмон», «Ойрот школа»), он поместил в них свои стихи, басни и «маленькие рассказы». С 1927 по 1929 год Мундус-Эдоков выпустил три книжки: пьесы «Тетушка», «Прежде и теперь» и сборник стихов и басен «Светоч».

Значительная часть произведений Мундус-Эдокова посвящена старой, дореволюционной жизни алтайцев. В них он остро высмеивает царских чиновников и местных зайсанов, темичей и сборщиков подати —

албанчи, совместно обиравших и угнетавших трудовой народ (басня «Суд льва»), разоблачает реакционные патриархально-феодальные законы, служившие интересам богачей (пьеса «Невестка»), показывает ненависть народа к шаманам, бурханистам и попам (рассказы «Кам», «Плотогон и ярлычки», «Учитель и поп»), рисует тяжелый, безрадостный труд бедняков (стихотворение «Охотник»), передает мудрые народные легенды и предания («Маргаан») и т. д.

.В социальной комедии «Невестка» — первом алтайском драматургическом произведении — Мундус-Эдоков показал классовые столкновения между богатыми и бедными в алтайском обществе. Богатые слои общества в течение веков попирали интересы и нужды трудового народа, властвовали над ним, чинили произвол и жестокости, устанавливали и насаждали патриархально-феодальные законы и обычаи. Но вот настало время, когда алтайские бедняки под влиянием новых, революционных веяний в России стали острее чувствовать несправедливость существующего общественного строя, власти богачей, реакционность ста-

рых взглядов и обычаев, стали протестовать против них.

В пьесе показано, как бай Таптан, используя старинный закон левирата, хочет завладеть молодой вдовой своего умершего старшего брата-сородича. «Умер мой брат Куйрук, — заявляет он на зайсанском суде. — Значит, его юрта, скот, дети по закону наших предков должны перейти ко мне. А его жена чьею должна стать? Конечно, моею... Мой брат за нее уплатил калым». Суд и религия становятся на сторону богача, но простой народ резко отвергает этот «глупый прапрадедовский закон» и вступает в борьбу с его сторонниками и защитниками. Бедняк Адыбас говорит баю Таптану: «Ты и так был богат. А теперь еще больше разбогател. Да еще двух жен хочешь иметь». «Бродяга! — отвечает Таптан.— Разве я свое богатство украл? Меня бог наделил им!» — «А почему же бог меня обошел? Почему он мне пожалел дать из того, что тебе досталось?» — «Такой собаке, как ты, бог ничего не даст. Он создал тебя быть вечно кулом». ¹ — «А кто же видел, как бог создавал тебя баем, а меня кулом? Если бы ты честным трудом раздобыл свое богатство, тогда, наверное, усомнился, что тебе его дал бог».

Таптан пытается ударить Адыбаса, но Адыбас говорит: «Ты можешь меня ударить, можешь убить, но мои мысли не убьешь». Эти мысли Адыбаса рождены на основе пробуждения его классового самосознания. Они приведут его впоследствии в ряды борцов за свержение старого

строя.

В годы революции народ свергнул байско-зайсанское господство, взял власть в свои руки, начал строить новую жизнь, создавать законы и порядки, отвечающие интересам трудящихся. Но борьба между старым и новым после революции прекратилась далеко не сразу, она продолжалась. Эту борьбу Мундус-Эдоков показывает в своей второй пьесе — «Прежде и теперь». Центральным в пьесе является образ скотовода Киндика. Этот старик после революции продолжает верить в бога, приносит ему жертву, легко поддается обману кама. Когда волки уничтожили его скот, кам говорит ему: «Все живое на земле создано богом, все, что совершается, — по воле бога. Если волки напали на твой скот—значит, так повелел бог, он удовлетворил их просьбу». И, говоря, что «бог имеет больше, чем роздал людям», кам заставляет Киндика принести ему в жертву последнего коня. Но бог не помог Киндику. Подняться на

¹ Кул — раб.

ноги, обзавестись хозяйством ему помогает советский агроном Мендиек и учитель Кичеемел, ведущие в селе агитационно-просветительную работу. Кичеемел говорит Киндику: «Дорогой Киндик! Вы не верьте каму, не ждите готовых даров от бога. Мы не верим богу, его нет. Наш бог — это наш собственный труд, это наши крепкие руки». Вокруг Киндика развернулась острая борьба. Кам и ярлыкчи тянут его назад, в прошлое, а Кичеемел и Мендиек направляют его на новый путь, учат передовым методам хозяйствования, новой культуре. Киндику очень трудно отказаться от старого, потому что по-старому прошла вся его жизнь, но видя собственными глазами разумность и правильность того, что строится вновь, он порывает со старым, переходит на сторону нового, становится строителем социализма.

То, что трудящиеся алтайцы переходили на сторону революции, новой жизни, является торжеством идей Советской власти, социалистического строя. Заклуга Мундус-Эдокова заключается в том, что он правильно понял и правильно отразил этот процесс. Пьесы Мундус-Эдокова—это вырванные из самой алтайской действительности, дореволюционной и пореволюционной, «куски народной жизни». Пусть в них еще имеются элементы натурализма и известного увлечения комедийными ситуациями, пусть и речь персонажей не везде является художественно сжатой. Но они свидетельствуют уже о большой творческой работе автора, сумевшего в самой действительности найти нужные для драматического произведения жизненно важные конфликты, сделать правильную расстановку персонажей, индивидуализировать их речь и т. д. Во всем этом, бесспорно, сказалась учеба Мундус-Эдокова у русских драматургов.

В конце 20-х и начале 30-х годов в области создания алтайской поэзии плодотворно работал Павел Александрович Чагат-Строев (1887— 1938). Его многочисленные стихотворения и поэмы печатались в областных газетах, книгах для чтения, сборнике «Рост Советской Ойротии». Отдельными книжками вышли его героическая поэма «Ойгор-Баатыр» (1926), поэма «Кара-Корум» (1933) и цикл стихов «Песни трех видов» 2 (1939). В своих стихотворениях он откликается на многие события в жизни нашей страны и Горного Алтая первых лет Советской власти. Глубокую скорбь алтайского народа по поводу кончины величайшего человека мира — В. И. Ленина он отразил в стихотворении «Не стало Ленина с нами». В стихотворении «Учеба» поэт призывает алтайский народ учиться по завету Ленина строить новую, прекрасную жизнь. Очень интересны его стихотворения: «Лето в колхозе», рисующее картину радостного коллективного труда в созданном в алтайском селе первом колхозе, «Эре-Чуй», показывающее строительство советскими людьми чудесной дороги — Чуйского тракта, по которому пришли в горы Алтая «быстроногие кони» — автомобили, и другие.

В «Песнях трех видов» Чагат-Строев выступает одним из первых интеллигентов-алтайцев, глубоко понявших смысл бурханистского движения на Алтае в 1900-х годах. В противовес распространенной в то время лженаучной оценке этого движения как национально-освободительного, Чагат-Строев показывает, что оно носило буржуазно-националистический, контрреволюционный характер. Подлинным выразителем интересов трудового народа, как показано в поэме, явилась только Коммунистическая партия, под руководством которой была осуществлена

социалистическая революция в России.

Историю Великой Октябрьской социалистической революции и историю гражданской войны и партизанского движения на Алтае Чагат-

Строев раскрывает в своем самом крупном произведении — поэме «Ка-

После победоносного свершения социалистической революции в центре России, контрреволюционные элементы устремились на ее окраины, чтобы там найти себе поддержку и помощь для подавления революции. На Алтай ринулись офицеры царского адмирала Колчака. Но они нашли себе сторонников только среди алтайского байства, кулаков, купцов и попов-миссионеров, создавших на Алтае буржуазно-националистическую управу — Кара-Корум, Их попытки всяческими обещаниями и обманом склонить на свою сторону трудовой народ, используя его отсталость и темноту, играя на националистических чувствах отдельных людей, потерпели неудачу. Не помогли белогвардейским офицерам и кара-корумским правителям и принудительные меры: запугивание, порка и расстрелы населения. Народ не только не пошел за ними и отказался выступить против революции, а наоборот, стал еще более горячо приветствовать и поддерживать Советскую власть. Алтайские трудящиеся не пошли за лживым и ничего не дающим лозунгом отделения Алтая от России, не поднялись против великого русского народа, свершившего пролетарскую революцию, они увидели свой истинный путь в братском единении с русским пролетариатом, в выступлении против общего врага против царизма, против эксплуататоров и угнетателей.

Поэма «Кара-Корум» является широким эпическим полотном, раскрывающим историю жестокого обмана и грабежа алтайского народа, историю кровавых злодеяний и зверств контрреволюции на Алтае, насильственной мобилизации алтайцев в кара-корумские карательные отряды и дружины, небывалого опустошения алтайских сел и деревень.

Поэма показывает, как в дни Кара-Корума нарастал гнев народа против белогвардейцев, создавались отряды красных партизан, как под руководством партии большевиков и с помощью частей армии молодой Советской республики были сметены с гор Алтая колчаковские и каракорумские банды и повсеместно была установлена Советская власть.

Волнующе и ярко, с привлечением народных песен, пословиц и поговорок того времени, поэт описывает пережитое им самим, виденное собственными глазами, достигая в изображении большой жизненной убедительности и реалистичности. Правда, поэма не лишена недостатков: в ней далеко не полно отражена революционная деятельность большевиков в реакционные годы Кара-Корума, слабо показана революционная борьба самих алтайцев за Советскую власть и др. Но эти недостатки и ошибки объясняются главным образом слабой изученностью в период написания автором поэмы исторических событий революции и гражданской войны в Горном Алтае. Основное — точка зрения народа на происходившие события, народные стремления — передано правдиво. В поэме показаны верные картины героических подвигов трудового народа в борьбе против контрреволюции. Незабываемыми останутся в памяти читателей поэтические страницы, рассказывающие о героическом переходе через Яломанские белки отряда алтайских партизан под командованием И. И. Долгих для ликвидации банды есаула Кайгородова.

Поэма имеет большую ценность и в том смысле, что она явилась первым крупным поэтическим произведением реалистического характера, изображающим подлинные конкретно-исторические факты и события из жизни алтайского народа. Она несомненно сыграла свою положи-

тельную роль в дальнейшем развитии алтайской поэзии.

Первый этап становления и развития алтайской литературы, охва-

тывающий указанный нами период, хотя и ознаменовался некоторыми успехами в области создания алтайской драматургии и поэзии, однако не дал таких высокохудожественных произведений, которые вышли бы за пределы Горного Алтая. Это объясняется тем, что, во-первых, за короткий срок из среды алтайцев после революции трудно было вырасти опытным, глубоко знающим литературный труд писателям, нужно было определенное время, чтобы они научились писать хорошо и умело, а вовторых, еще слабо было организовано в Горном Алтае руководство развитием литературы со стороны созданной в 20-е годы Литературной Коллегии при отделе народного просвещения. Последнее сказалось в медленном росте литературных кадров, малочисленности изданий художественных книг и в том, что не было переведено на алтайский язык ни одного значительного художественного произведения с языков братских народов. Наоборот, в отдельных случаях находились некоторые люди, отрицавшие возможность и необходимость перевода художественной литературы на алтайский язык с других языков и тем самым лишавшие алтайцев возможности культурного общения с другими народами, а алтайских писателей — художественных образцов для учебы и развития своих творческих способностей. Такими людыми являлись последователи «теорий» Пролеткульта и местные буржуазные националисты, впоследствии разоблаченные партией и народом.

Начало нового, второго, этапа в развитии советской художественной литературы в Горном Алтае относится к первой половине 30-х годов, когда страна приступила к коренным социалистическим преобразованиям экономической и культурной жизни даже в самых отдаленных угол-

ках нашей страны, в том числе и в Горном Алтае.

В Горном Алтае, как и по всей стране, в эти годы переводится на социалистические рельсы не только промышленность, но и сельское хозяйство, начинают создаваться коллективные хозяйства во всех долинах и урочищах. Поскольку Горный Алтай был краем, занимавшимся главным образом сельским хозяйством, коллективизация явилась великим переломом в экономической, а следовательно, и в культурной жизни алтайцев. Этот перелом встретил сильное сопротивление со стороны остатков байства и кулачества, стремившихся всяческими мерами провалить огромное мероприятие партии и правительства.

Партия в этот период поставила большие задачи перед всей литературой, призвав писателей оказывать всемерное содействие успешному

проведению социалистических преобразований в деревне.

Центральный Комитет партии постановлением от 1932 года принял решение о создании Союза советских писателей. В 1934 году был созван

первый Всесоюзный съезд советских писателей.

В этой обстановке литературная жизнь в Горном Алтае значительно оживилась. Вокруг газет, выходивших в области («Кызыл Ойрот», «Крестьян улустын газеди», «Белен бол!», «Ойроттын комсомолы»), объединились группы молодых поэтов и прозаиков (И. Эдоков, Т. Озочинов, В. Моможоков, Ч. Енчинов, А. Модоров), регулярно печатавшие в них свои произведения, в которых содержались призывы к строительству коллективных хозяйств, воспевался радостный труд колхозников, облегченный техникой, пришедшей в горы Алтая, разоблачались формы враждебной деятельности классовых врагов — баев и кулаков. Слагалось много стихов и песен для стенных газет и для исполнения агитколлективами комсомольцев, культурно-просветительных работников со сцен и просто на полях. В день десятилетия Горно-Алтайской автоном-

ной области, в 1932 году, была закончена постройка в г. Горно-Алтайске здания национального театра, где первым спектаклем была поставлена

пьеса П. Кучияка «Борьба».

Улучшилось дело издания художественной литературы на алтайском языке. Стали чаще выходить оригинальные и переводные художественные произведения. Алтайские писатели впервые приступили к переводам крупных произведений русской классической и советской литературы, таких, как «Капитанская дочка» А. С. Пушкина, «Мать» А. М. Горького, «Поднятая целина» М. А. Шолохова и ряда других. Появились переводы на русский язык произведений молодых алтайских писателей. Так, например, вслед за сборником «Песни Ойротии» (1936 г.) в 1937 году на русском языке вышел первый сборник стихотворений, поэм, рассказов и пьес алтайских писателей — «Молодой Алтай», а затем — сборник произведений наиболее плодотворного писателя-алтайца П. В. Кучияка — «В родных долинах», «Золотая заря» и др.

Из алтайских писателей этого периода по художественной зрелости на первое место выдвинулся П. В. Кучияк, принятый в 1934 году в члены Союза советских писателей. Павел Васильевич Кучияк (1897—1943), выросший в тяжелых, безрадостных условиях жизни бедняцкой семьи, в советское время получил образование в Москве — в Коммунистическом университете трудящихся Востока, ознакомился и сроднился с передовой русской культурой и литературой, стал одним из культурнейших людей из среды алтайцев, воспитанных Советской властью. П. Кучияк писал о себе: «Тем, что я, когда-то носивший имя Ийт-Кулак (Собачье Ухо), стал советским писателем, почетным человеком, обязан Коммуни-

стической партии и Советскому правительству».

Кучияк вырос в крупного писателя только благодаря тому, что жил

в советских условиях и постоянно пользовался заботой партии.

Его творческому росту много способствовало участие в работе Первого Всесоюзного съезда советских писателей, встречи и беседы со многими русскими писателями и прежде всего с А. М. Горьким. Горький после беседы с группой сибирских писателей на прощанье, крепко пожимая руку Павла Кучияка, напутствовал его:

- Пиши историю своего народа.

Кучияк в течение 30-х и начала 40-х годов создал большое количество художественных произведений различных жанров, поднявших раз-

витие алтайской литературы на новую ступень.

До Кучияка в алтайской поэзии преобладали эпическое повествование, лозунговые призывы и только изредка встречались лирика и публицистика. П. Кучияк вошел в поэзию новатором. Собственные взгляды и чувства писателя получили в его произведениях равную гражданственность с эпическими картинами из прошлой и современной жизни алтайцев. П. Кучияку принадлежит также заслуга создания самых лучших драматургических произведений алтайцев, среди которых на первом месте стоит социально-бытовая драма «Чейнеш», прочно вошедшая в репертуар национального театра. В своих драматургических произведениях писатель далеко уходит от натурализма, создает глубокие социально-психологические характеры представителей всех слоев алтайского общества.

П. Кучияк по праву считается первым писателем, открывшим алтайскую прозу. До него в алтайской литературе проза была развита очень слабо, находилась на низком художественном уровне. Кучияк, настойчиво и плодотворно учась у классиков русской литературы — Пушкина,

Толстого, Горыкого и других, — упорно овладевая их творческим опытом, создал лучшие образцы художественной прозы на алтайском языке, среди которых особенно выделяются рассказы «Железный конь», «Тойчи», повесть «Аза-Јалан» и другие.

С полным сознанием своего долга перед народом, выдвинувшим его, П. Кучияк всеми силами стремился к тому, чтобы выполнить завет А. М. Горького и в художественных образах показать историю алтайского на-

рода, начиная с дореволюционных лет.

О дореволюционной жизни алтайцев, о тяжелых муках и страданиях народных Кучияк рассказывает во многих произведениях («Алтай», «Чепош», «Аркыт», «Арбачи», «Чейнеш» и др.). Обращаясь к старому Алтаю, он с гневом в сердце писал:

Ты смотрел: на каждый твой откос Падал горький дождь пастушьих слез. Созревал для розг под птичий крик Над рекою гибкий твой тальник. Жалобы и стоны тут и там Эхо разносило по горам.

Поэма «Арбачи» рассказывает о том, как «грянул громом восстанья Семнадцатый год», тот навеки памятный год, когда генералам, буржуям, купцам-обиралам грозный счет предъявил угнетенный народ. Вместе со всеми народами России на борьбу против своих богачей поднялись и трудящиеся-алтайцы, провозгласившие Советскую власть в горах Алтая.

Кучияк в своем творчестве отразил многие стороны социалистических преобразований в Горном Алтае. Но основная тематика его произведений относится к началу 30-х годов, к годам коллективизации и ко-

ренных изменений в быту и культуре алтайцев.

К таким произведениям относятся пьесы «Борьба», «Петля», рассказы «Сирота», «Ямы», повесть «Аза-Јалан» и другие. В них автор правдиво отражает процесс перехода алтайцев на коллективные формы труда, показывает особенности этого перехода в Горном Алтае, разоблачает деятельность классовых врагов, показывает острую борьбу бедняков с ними. Но писатель видел свою задачу не только в этом, он всемерно стремился отобразить в художественных произведениях процесс рождения нового человека — активного строителя социализма. Он показывает, как бедняки-алтайцы, прежде придавленные нищетой, запуганные богачами, вступив в колхозы, выпрямляют свои спины, становятся хозяевами, приходят к зажиточной и культурной жизни.

Наиболее крупным произведением Кучияка на эту тему является повесть «Аза-Јалан». В ней рассказывается о становлении колхоза в долине Аза-Јалан в острой борьбе с классовыми врагами и пережитками старого строя. В огне этой борьбы рождаются и закаляются новые люди — колхозные крестьяне. Новыми становятся их отношения друг к другу, их взгляды и характеры: люди проникаются чувством коллективизма, взаимопомощи, высоким сознанием общественного долга. В повести подчеркивается, что эти люди воспитаны Коммунистической партией, советским строем. В ней создан замечательный образ русского рабочего, коммуниста Зырянова, который повел алтайских бедняков по новому,

неизведанному пути.

Показывая рождение и рост советских людей в горах Алтая, П. Кучияк ярко рисует волнующие картины социалистических преобразований, изменивших лицо в прошлом глухого края. Вместе с героями своих произведений писатель душевно радуется приходу в горы машин, от-

крытию школ, клубов и больниц, вспышкам огней первых электростанций, началу разработок подземных кладов. Темам социалистического обновления, бурного расцвета Горного Алтая посвящены многочисленные стихотворения, написанные Павлом Кучияком в годы первых пятилеток. Лирический герой этих произведений — простой советский человек, прославленный трудом на благо любимой Родины, вдохновляемый величием ее славных побед и лучезарного будущего. Перед читателем встают поэтические картины с новыми алтайскими селами, с Чуйским трактом, Катунским мостом, Чемальской гидроэлектростанцией, картины, показывающие красоту алтайской природы, преображенной человеческим трудом.

В годы Великой Отечественной войны П. Кучияк, несмотря на тяжелое состояние здоровья, упорно продолжал литературную работу, помогая делу победы над фашистскими захватчиками своим верным оружием — пером. Он пишет пьесу «Не пройдешь!» — о борьбе советских патриотов с диверсантами, а затем приступает к написанию пьесы «Два гвардейца» — о героических подвигах воинов-алтайцев на фронте, колхозников и рабочих — в тылу. Однако это произведение осталось незахозников и рабочих — в тылу.

вершенным: помешала преждевременная смерть.

Своим литературным творчеством П. Кучияк оставил в алтайской литературе самый глубокий след. Он вывел ее на широкий путь социалистического реализма, нашел правильное русло, по которому ей следует двигаться. Его произведения проникнуты духом коммунистической партийности и идейности, отличаются жизненной правдивостью и художественным мастерством. Он умело сочетал в своем творчестве прекрасное знание родного фольклора и языка с тем, что он приобретал из своих наблюдений, изучая творческий опыт писателей братских народов.

В дни Великой Отечественной войны многие молодые алтайские писатели ушли на фронт, чтобы с оружием в руках защищать Родину. Но и в эти суровые годы литературная жизнь в Горном Алтае не приостановилась. В областных газетах печатались стихи, очерки и рассказы, присылавшиеся фронтовиками, продолжались издаваться художественные книги, посвященные героическим подвигам советских патриотов.

В дни войны ряд художественных произведений написал Ч. И. Енчинов, выдвинувшийся из среды молодых авторов. Его перу принадлежат стихотворения и песни военных лет: «Алтайские богатыри», «Аргымак», «Мой милый», «Ночной разговор», «Сокол», некоторые из которых положены на музыку. Он пишет о фронтовой жизни («Смерть товарища»), о партизанах («Мать»), о трудовом подъеме рядовых колхозников в тылу («Амырка», «Ай-Тана»). В годы же войны Енчинов написал ряд произведений на исторические темы («Албан», «Темир»), показывающие борьбу алтайского народа в прошлом против джунгарских феодалов. Но в творчестве Енчинова были и серьезные ошибки. Так, например, в пьесе «Эркин баатыр» (1944) и в поэме «Советский воин» он, не разобравшись глубоко в изображаемых им явлениях действительности, дал картины, искажающие некоторые события Отечественной войны и психологию советских воинов, а в пьесе «Ай-Тана» основное усилие колхозников-алтайцев в дни войны у него оказалось направленным не на помощь фронту, а на борьбу против внутреннего классового врага, что, конечно, уже являлось анахронизмом. В ряде его поэм («Амырка», «Смерть товари-

¹ См. «Вопросы развития алтайского языка и литературы». (Материалы научной конференции 1951 года), Горно-Алтайск, 1954, стр. 118.

ща» и других) сюжеты являются надуманными, изображение характе-

ров — поверхностным, стиль — преимущественно риторическим.

Послевоенный период явился новым, третьим, этапом в развитии алтайской советской литературы. В этот период советский народ, одержав всемирно-историческую победу над немецко-фашистскими и японскими захватчиками, стал не только восстанавливать разрушенное войной народное хозяйство, но и развивать его дальше, поднимать на новую ступень советскую многонациональную культуру.

После войны Центральным Комитетом партии был принят ряд известных исторических решений по идеологическим вопросам (1946-

1947 гг.).

В исторических документах Центрального Комитета партии были резко осуждены имевшие место в советской литературе тех лет серьезные ошибки и извращения, определены ее основные задачи и пути дальнейшего развития. Они помогли вскрыть те значительные недостатки,

которые встречались и в развитии алтайской литературы.

Алтайские читатели, за годы Советской власти значительно выросшие в культурном отношении, предъявляли все более высокие требования к своим писателям, к идейному и художественному уровню их произведений, который все еще продолжал отставать от новых запросов н потребностей народа. Писатели Горного Алтая, чрезмерно увлекаясь внешним сопоставлением старой и новой жизни, историческими темами и сказочными сюжетами, мало изучали и отображали сегодняшний день, не до конца понимали, что из всех художественных произведений наиболее важными и действенными в коммунистическом воспитании трудящихся являются произведения на современные актуальные темы. Большинство авторов работало исключительно в области поэзии. Редко появлялись очерки, рассказы и повести. Не было пьес о социалистической действительности. Очень слабо обстояло дело с ростом рядов писателей, с их идейно-теоретической учебой, повышением художественного мастерства.

В связи с этим Горно-Алтайский областной комитет партии, совместно с Правлением СП СССР, принял ряд конкретных мер по дальнейшему развитию алтайской литературы. В Горном Алтае была создана писательская организация — областное литературное объединение, было принято решение об издании ее органа — литературно-художественного альманаха «В горах Алтая». В 1951 году по инициативе обкома партии и облисполкома была проведена научная конференция по вопросам развития алтайского языка и литературы, принявшая в числе других и резолюцию «О состоянии современной алтайской литературы». Благодаря этим мероприятиям литературная работа в Горном Алтае значительно улучшилась. С новой силой возобновили свою литературную деятельность и выступили с рядом новых художественных произведений поэты и прозанки Чалчик Чунижеков, Иван Кочеев, Александра Саруева.

Чалчик Анчинович Чунижеков (1898), активно сотрудничавший в областной газете с середины 20-х годов и постоянно печатавший в ней свои стихотворения, очерки и рассказы, после войны выступил со своим самым крупным произведением — поэмой о сказителе Николае Улагашеве («Тууди»), изданной отдельной книжкой. Кроме того, он выпустил сборник стихов «Мое слово» и два сборника очерков, рассказов и детских сказок, а в 1959 году вышел большой сборник его избранных произведений. Со своими первыми книжками выступили А. Саруева

(сборник стихотворений «Расцветай Родина!» и «Мой Алтай»), И. Кочеев (сборник детских рассказов «Гордая жаба» и «Адучи»). Вышли книжки молодых поэтов и прозаиков: В. Кучияка («От всей души» и «Новая песня»), Л. Кокышева («Алтын-Коль» и «Туба»), А. Адарова («Урсул» и «Песня сердца»), Э. Палкина («Новый человек» и «Родные люди») и др. Алтайским краевым и Горно-Алтайским областным книжными издательствами подготовлены и выпущены в свет сборники переводов на русский язык лучших стихотворений алтайских поэтов («Заря над Алтаем», «Поэты Горного Алтая»). В 1955 году издана на русском и алтайском языках антология «Алтайская литература». В Москве издательством «Советский писатель» выпущен в свет сборник Л. Кокышева «Стихи», «Молодой гвардией»— сборник Э. Палкина «Такой обычай».

Современные писатели Горного Алтая берут для своих произведений темы советского патриотизма, дружбы народов, социалистического труда. Они пишут о коренных изменениях, происшедших в жизни и мировоззрении простых людей, бывших кочевников, которые в прежнее время, по словам А. М. Горького, жили «слепо и немо» и у которых до Октябрьской социалистической революции «не было прав, кроме одного права постепенно вымирать». Теперь свободный человек советского Горного Алтая стал хозяином своей страны, преобразователем края, созда-

телем материальных и духовных ценностей.

Читая стихи, очерки и рассказы Ч. А. Чунижекова, мы видим перед собою образы современных рядовых алтайцев, вдохновенно трудящихся на благо советской Родины. Это — зоркий коневод Аткыр, веселый тракторист Эркемен, телятница Эртечи, чабанка-орденоноска Санари, колхозный пчеловод Айылдаш, многодетная мать Диндилей, агитатор Янар, певец-сказитель Тууди и многие другие. Поэт рисует их портреты, изображает их новые душевные качества. Очерки и рассказы Ч. Чунижекова последних лет свидетельствуют о значительном творческом росте автора, о его возросшем внимании к изображению живых людейсих судьбами, трудом и борьбой.

Глубоко лиричны стихотворения А. Саруевой. В них выражены чувства восхищения и гордости советского человека своей страной, думы о партии, о народе, о нашем прекрасном коммунистическом будущем.

В поэме «Колхозница Дьыргал» показан образ секретаря колхозной партийной организации, человека честного, бескорыстного и трудолюбивого. Благодаря его большой воспитательной работе колхозники становятся людьми политически развитыми, принципиальными, с широким кругозором. В результате этой работы колхозница Дьыргал на свой простой труд начинает смотреть с государственной точки зрения, и ей становится ясным большое значение этого труда. Она работает не жалея сил и кипучей энергии, увлекая за собой своим примером других колхозников и колхознии.

В поэме «Песня о счастье» А. Саруева рассказывает биографию двух женщин-алтаек — матери и дочери. Жизнь их прошла в напряженной борьбе. Но если мать до революции трудилась и боролась лишь для того, чтобы прокормить и вырастить своих вечно голодавших детей, то ее дочь, воспитанница советской эпохи, живя в иных условиях, весь свой ум и труд отдает борьбе за дело народа и государства. Поэтесса показала на фоне революционной борьбы и социалистического развития нашей страны, как алтайцы, в прошлом забитые и угнетенные, выросли и стали активными участниками строительства коммунистического общества. Под руководством Коммунистической партии и при бескорыстной

братской помощи со стороны русского народа алтайцы выковали свое счастье в дружной семье народов. Они теперь стали совершенно иными по сравнению с тем, что представляли собой не только в дореволюцион-

ное время, но и в период 20-х и 30-х годов.

В своих стихотворениях молодой поэт В. Кучияк показывает, современный учитель-алтаец Амат исполняет на скрипке в колхозном клубе музыку Чайковского, дочь чабана Курданая учится в Москве, готовясь стать врачом, доярка Сырга читает лекцию о своем передовом опыте, фельдшер Баланка изучает историю партии, и эта учеба помогает ей преодолевать все трудности и препятствия. Он пишет о радости простых людей, о которых заботятся коллектив, партия, советское государство. Вот пастух Эркемей, радующийся своему новоселью — для него колхоз построил дом. Колхозный плотник работал на постройке этого дома с мыслью о том, чтобы пастух Эркемей прожил в доме «многомного хороших дней». Стекольщик стеклил этот дом, чтоб «врывался в него светлый, солнечный мир». Радист провел туда радио, чтобы Эркемей мог слушать «мирный голос Москвы». Для В. Кучияка Катунь — не только красивая мощная горная река, а родная сестра Волги и Дона. Скоро «строек огни зажгутся и здесь, среди гор». У Катуни «достаточно сил, чтоб целый Алтай осветить», и «в нынешний радостный век» мечты народа всюду будут воплощены в жизнь.

В. Кучияк воспевает свой край, как частицу нашей необъятной От-

чизны. Поэт с гордостью говорит о своем крае:

Родина моя Начинается в твоих горах, Голубой Алтай.

Переходя от стихотворения к стихотворению, мы видим, что В. Кучияк постепенно отходит от прежней манеры говорить общими словами. Постоянное изучение русской литературы помогает автору находить в языке своего народа богатые средства, необходимые для художественного отображения жизни.

Талантливо написан целый ряд произведений и другими поэтами —

Иваном Кочеевым и Иваном Шодоевым.

И. Кочеев в поэме «Человек» говорит о том, каким могущественным стал в наше время человек, покоривший горные реки. Он уже не ходит по земле несмело, как «по льдине скользкой», не бьет поклонов реке, которую в прошлом считал богиней, не молится высокой горе. Наоборот, он на горных реках возвел плотины, построил мосты, заставил реку сделаться «послушной служанкой» и вращать турбины, чтобы «всюду среди гор горели бы коммунизма огни». Советский человек с гордостью заявляет о себе:

Силен я силой миллионов Таких, как я, богатырей.

Алтайцы прежде не имели в своем лексионе слова «яблоко», но ныне они выращивают плодовые сады. «Как в гору альпинистка, груша спешит за яблонею вслед!» — пишет Кочеев.

Его перу принадлежит великолепное лирическое стихотворение «Яблонька», выражающее веселое и радостное чувство алтайца-садовода при виде яблоньки, выращенной им, которая, как живая, «мблодыми ветками тянется» к немул

О красоте нашей жизни в ее многогранных проявлениях, о чувстве

радости советских людей пишет и Иван Шодоев в стихотворении «Моло-

дой Боролдой» и других.

Большой любовью к своему краю проникнуты стихи алтайских поэтов. «Край любимый! Край чудесный!» — говорят они о Горном Алтае. Но эти поэты не замыкаются в рамки своего края. Они видят всю страну, весь мир. Борьба за сохранение мира — одна из основных тем советской поэзии. Эту тему мы видим и в стихотворениях алтайских поэтов. Евгений Чапыев в стихотворении «Ветер мира» прекрасно отразил великий созидательный труд советского народа, его борьбу за мир во всем мире.

> Мчится вдаль, просторы освежая, Ветер мира с Родины моей.

С начала 50-х годов в алтайскую литературу пришли молодые поэты Лазарь Кокышев, Аржан Адаров и Эркемен Палкин. Они стали печататься еще будучи учащимися областной национальной средней школы. Но вот уже эти молодые поэты окончили в Москве Литературный институт им. А. М. Горького, где в течение пяти лет осваивали марксистско-ленинскую эстетику, теорию и историю литературы, занимались в творческом семинаре виднейших советских поэтов и прозаиков. Они услешно защитили дипломные работы — свои первые книги стихов и поэм, которые свидетельствуют об их значительном творческом росте, об очень своеобразном и ярком даровании каждого из них.

В. А. Луговской так, например, характеризует своего ученика Л. Кокышева: «У него зоркий взгляд, он умеет отлично чувствовать жизнь, природу. Он влюблен в природу своего Горно-Алтайского края, хорошо зная родной шум листвы, бег ручьев и крики диких зверей. Он романтик. Все его творчество наполнено каким-то светлым, романтичным, по-

этическим чувством жизни».1

Величественна и первозданна природа Горного Алтая! Но немногие из алтайских поэтов показали, как эта природа живет и дышит. Только поэт, который много прожил в горах, в тайге, среди простого народа, воспринимающего каждое движение природы как нечто живое, мог создать такие яркие картины, какие создал Лазарь Кокышев. Вот его «одинокий кедр, как старый мельник, наблюдает со скалы долину Чолушмана», сама река Чолушман, «как жена зайсана, дав пощечину скале, отскакивает назад», вот березки друг за дружкой «сбегают с горы в долину». «Звезды прыгают, как белки с дерева», «ласточки свили гнездо на лыжах, спрятанных на лето под крышей», «олени трубят на горных склонах», осиновая ветка «свистит, как стрела» и т. д. Все это живой поэтический мир Кокышева.

Образы природы им одухотворяются, очеловечиваются — это в творчество поэта вошло от фольклора алтайского народа. В стихотворении «Горному козленку, у которого убита мать» поэт выразил глубокое человеческое чувство, многовековую народную мудрость: «молоко лю-

бой матери священно и смешать его с кровью — большая беда».

Но главное в стихах Л. Кокышева — не природа. Природа — это фон, на котором показывается советский человек-богатырь, человек — полновластный хозяин гор и степей. Это видно из такого стихотворения, переведенного на русский язык С. Городецким:

¹ Отзыв В. А. Луговского о дипломной работе Л. Кокышева.

Хозяин я безмерных этих далей!
Постель моя — степей алтайских ширь.
В бездонном небе я — как в одеяле.
Я отдыхаю здесь. Степной я богатырь.
Эй, покорись мне, степь! Ты слышишь это?
Мой зов летит к дрожащим небесам,
Поют мне жаворонки — здешние поэты, —
И звезды сыплются к моим ногам.
Ковыль дрожит коленопреклоненно.
Я плуг стальной степям вонзаю в грудь.
Лицом к лицу стою перед вселенной.
Не отступлю! Эй, степь, покорной будь!

Поэт смотрит на природу взглядом преобразователя. Вода горных рек, по его словам, звенит уже не только среди камней, но и в арыках, орошающих поля. Люди, не знавшие земледелия, сегодня сидят за штурвалами комбайнов. Выращенное на колхозных полях «зерно литое, золо-

тое» реками льется в бункера.

Характерной особенностью творчества Л. Кокышева является то, что поэт чувствует родную землю Горного Алтая не только как современную данность во всем ее многообразии — у него постоянное стремление соединить современность со стариной. В его стихах возникают образы некогда могущественных завоевателей-кыпчаков, закаменевших ныне в могильниках-курганах, монголов Чингиз-хана, которые «рождались на полном скаку и умирали, качаясь в седле». Но, проходя родимой степью, он видит, как

От всесильных копыт монгольских коней Не осталось даже следов. И снова мир — в серебре ковылей... Комета летит над землею моей, Как память минувших веков.

Отмечая эту черту поэзии Кокышева, журнал «Дружба народов» писал: «Мысль о том, что завоеватели, топтавшие копытами своих коней многие страны, жегшие и разрушавшие жилища простых людей, не оставили по себе никаких следов, что только человек труда, изменяя и украшая землю, оставляет на ней достойный след, — эта мысль лежит в основе целого ряда стихотворений молодого поэта.» В стихотворениях Л. Кокышева, наряду с широким романтическим размахом, даются и глубоко реалистические, правдивые картины простой, обыденной жизни современных людей Горного Алтая.

В цикле стихотворений «Годы войны» раскрывается большое человеческое сердце поэта. Вот весьма трогательное стихотворение «Ожидание». Отец на войне Мать пошла за картошкой, волочит ее на ручных санках в буран, в непогоду. И когда сидящие у очага голодные дети, наконец, дождались ее, они так рады, что готовы всем людям, каждому

человеку дать по горячей картошке.

А вот другое стихотворение — «Женщина-пахарь». К женщине, которая пашет, приходит весть о гибели ее мужа на войне.

Оросилась влагой загорелая щека. Полететь бы птицей! Опуститься рядом! Обласкать его последним взглядом. Да ведь Австрия, где она, так далека! Все на запад смотрит. Как расстаться с другом? А душа от горя чуть живая.

¹ В. Дементьев. Песни Горного Алтая, «Дружба народов», 1957, № 8.

(пер. С. Городецкого).

В стихотворении «Отец» поэт рисует образ женщины, которая разошлась с мужем, но снова почувствовала его близким и родным, когда он поехал на фронт. Она спешит отнести ему на дорогу продукты, показать сына.

Можно привести много других примеров, показывающих, как поэт умеет выразительно и с любовью передать простые чувства простых людей — патриотов своей родины, тружеников полей, охотников и скотоводов.

Л. Кокышев показывает огромные успехи социалистических преобразований в Горном Алтае. Но он, прекрасно знающий наше неудержимое движение вперед, видит и близкое будущее своего края:

Будто где-то здесь, У базальтовых скал, Комбинат многотрубный встал. И, раздвинув собою таежную даль, Через горы легла магистраль, Что свистят паровозы в ночи, Мча составы алтайских руд.

(пер. К. Козлова).

Наиболее крупное произведение Л. Кокышева — поэма «Туба». Она написана образным и метким народным языком, что особенно привлекает к ней читателя.

Поэма показывает жалкую, нищенскую жизнь дореволюционного туба — орешника и охотника. Тяжелым трудом он заработал деньги. Но этими деньгами он должен уплатить долги баю и купцу, налог зайсану, а там еще ждет шаман своей доли... Себе и детям ничего не остается. Плюнул туба на всех и пропил заработанные деньги.

Пей, шатайся, но пей! Лейся, пьяная влага! Угощаю я всех! Я хозяин деньгам: Человек — вот где золото! Деньги — бумага. Эй, дорогу давай беднякам!

За это он попадает в долговую тюрьму, а затем получает от своего зайсана 77 ударов плетьми.

Купеческий капитал, зайсанско-байский гнет не только приводили к обнищанию бедняков, но уничтожали в них всякое проявление человеческого сознания. Не случайно в годы революции туба не знает, куда пристать: к красным или белым. И лишь его друг по охотничьему промыслу русский человек Иванак открыл ему глаза.

Л. Кокышев — не книжный поэт. Он — поэт, идущий в своем творчестве от жизни, тонко чувствующий ее, умело находящий в ней то, что наиболее полно и верно выражает ее красоту, ее поэзию.

Но в его творчестве на данном этапе имеются и существенные недостатки. Отдельные его стихотворения туманны по смыслу и поэтому вызывают у читателей различные истолкования («С вершины Тугаи я смотрю в степи»), в некоторых из них даже есть извращения действительности, появившиеся в результате поэтического обобщения автором совершенно случайных, не характерных для нашего общества отрицательных явлений жизни («Возвращение Каракая из Армии»), наблюдается чрезмерное увлечение своими узкосубъективными переживаниями, встречаются в стихах композиционная нестройность и стилистические небрежности. Все эти недостатки, товарищески подмеченные местной литературной критикой, обязывают поэта предъявить еще больше требовательности к идейному содержанию и художественной форме своих произведений.

Высокую оценку получили и книги стихов и поэм Эркемена Палкина. «Необыкновенная наблюдательность, образная мощь, широта раздумий заставляет меня считать этого совсем молодого поэта зрелым ли-

тератором», — отзывается о нем В. Луговской.

У Э. Палкина на все особый угол зрения, свое слово, своя хватка. Он описывает природу кистью широкой и смелой, людей с большой

душой и вниманием.

В произведениях Э. Палкина перед нами предстают алтайские горы — громады в причудливом сочетании величественных скал-исполинов, могучих кедров и веселых ручейков, молодой зелени и нежных цветов. Здесь, в горах, мы еще ощущаем дыхание древних веков, идущее от могильных курганов, под которыми спят стародавние воины-богатыри, от сказок, легенд и преданий, от обычаев, обрядов и примет старины. Но рядом со всем этим на Алтае рождается и крепнет новая жизнь новых людей. «Когда земля богата человеком, тогда она действительно сильна», — пишет поэт. С рождением в горах Алтая нового, советского человека, Человека с большой буквы-по его воле и желанию все здесь стало изменяться и обновляться. Советский Горный Алтай с его бескрайними пшеничными полями, тракторами и комбайнами, плывущими по этим полям-озерам, как «дикие гуси», «мягкой шерстью груженными машинами», клубами и кино, т. е. со всем тем, что создано этим человеком, стал действительно богатым и сильным краем. Э. Палкин в этом крае везде и всюду находит поэзию жизни и труда.

Вот сидит седой профессор у раскрытого кургана, глядит, «как беркут», на древние предметы и рассказывает ученикам «седые были» («Курган»). Молодой алтаец, влюбленный в свой край, приглашает в

гости своего далекого друга.

Чтоб сюда ты пришел, Мой товарищ, -Сердцу здесь хорошо, Понимаешь? Ты с монм языком Не знаком. Ничего! Я тебя научу Золотому наречью простора! Видишь: с этой горы Как мерцают соседних вершин ледяные шатры? Видишь: нивы колышутся, словно живые озера? Щедры хлебородные наши долины! Ну, а горы у нас - исполины!.. Хорошю, Если бы ты У нас погостил — Мы с тобой навестим аил Старика пастуха! По-алтайски Он в гости тебя пригласит, По-алтайски Кумысом тебя угостит,

На комысе тебе По-алтайски Сыграет — Словом, Встретит тебя, Как в горах подобает!

А вот идет девушка-почтальон, которую в каждом доме села ждут с письмами и журналами и всюду встречают как родную:

...целые дни
По всему сельсовету
Вести счастья и мира
Разносит она.

Трогательна и человечна его поэма «Наташа» о русской девушке, которая работает врачом в алтайском селении. Она приносит туда много света и здоровья, хотя работает в самых трудных условиях. Именем

Наташи алтайские женщины стали называть своих дочерей.

Наиболее крупным произведением Э. Палкина является поэма «Амыр» — поэма о становлении молодой алтайской интеллигенции. В ней дается всестороннее изображение жизни современных алтайцев, отражена целая цепь раздумий поэта о судьбе своей родины, о ее природе, о своем народе, любовно истолковываются обычаи старины и т. д. Поэма построена на автобиографическом материале, и эта автобиографичность позволяет нам глубже заглянуть в душевный мир главного героя—молодого алтайского интеллигента Амыра, страстно любящего свой край и свой народа. Амыр — выходец из среды трудового народа. Он по приезде на родину из Москвы, где учился в вузе, горит жаждой настоящей работы, стремится как можно скорее и больше сделать для своего народа. Поэма является взволнованным призывом к творческому труду, к созданию высокой социалистической культуры алтайского народа.

Третьим из этой группы поэтов является А. Адаров. Он стал известен своими первыми стихами «Урсульская ГЭС», «Мать», «Шуну», поэмами «Урсул» и «Братья». Но больше всего о поэтической одаренности молодого поэта свидетельствует его новый сборник стихотворений и поэм — «Песня сердца». В нем мы найдем стихи, воспевающие мечты и стремления советских людей, кипучую энергию и небывалый творческий труд советского народа. Чувством глубокой любви к своей Родине проникнуты его слова: «Ты воспитала во мне любовь — эта любовь к тебе, моя Родина! Ты дала мне счастливую жизнь — эта жизнь принадлежит тебе, моя Родина!» Адаров в своей поэзии воспевает новый наступающий век — век коммунизма, век счастья и красоты. В этот век освобожденный от всяких оков ум советского человека, как «солнечный луч», проникает во все тайны мира и природы. Искусственные спутники Земли и Солнца, стартовавшие из страны Советов, носятся во вселенной, как «символ победы, символ гордости и славы советского народа».

В поэме «Дорога» автор показал радостный путь жизни и учебы молодого алтайца, выросшего в нового человека, чья любовь — светла, мечты — прекрасны, стремления — чисты. Его жизнь органически связана с жизнью всего народа, всей страны. Он — достойный сын своего

народа, своей родины.

О себе поэт говорит, что он родился в высоких горах, «сверкающих,

¹ Подстрочный перевод.

как серебро», «около облаков и звезд», с детства пас овец, играл на топшууре, струны которого были «связаны с сердцем», слагал песни, ходил на охоту, читая «книгу следов» зверей на снегу. Затем этот мальчик учится в созданной советской властью специально для детей скотоводовалтайцев школе-интернате, едет на учебу в столицу нашей Родины — Москву в институт советских писателей, по окончании которого получает диплом поэта-певца. Читая стихи и поэмы А. Адарова, мы видим его замечательную биографию, которая стала возможной для него только в советских условиях, разделяем его чувства и мысли, рожденные героикой великого созидательного труда советского народа. Образ Родины как «огромнейшей кузницы народного счастья» для него является любимым. И в этой «кузнице» есть и его место: он «кует стихи» для народа.

В стихах и поэмах А. Адарова мы найдем много ярких картин о людях и природе Горного Алтая. Очень взволнованно им написаны поэтические строки о чолушманских коммунарах, павших в героической борьбе за Советскую власть, об алтайце-партизане, который, идя в бой, всегда хранил около сердца вырезанный из старой газеты портрет самого близкого и дорогого человека — Ленина. Он пишет о приходе в советскую эпоху техники в такие горные места, куда раньше трудно было проехать даже верхом на лошади, о смелых чабанах, о садоводах, об учителях, с большой любовью воспитывающих алтайских детей; в его поэзии отражены глубокие черты характера алтайцев: гостеприимство, дружелюбие, забота о людях и т. д.

Историческая поэма-легенда А. Адарова «Алтай» очень ценна тем, что в ней широко отражается быт алтайцев далекого прошлого. В поэме проводится мысль о том, что от набегов и нашествий в старину родину защищали не зайсаны и баи, а лучшие люди — богатыри из народа. О них-то и сложены народные легенды. Поэма написана на основе алтайских народных легенд о чудесном коне аргымаке, с хорошим знанием народного языка, с привлечением ярких пословиц и поговорок. Но автору следовало бы продолжить работу над ее композицией, остающейся

все еще рыхлой.

Литературная деятельность А. Адарова обещает в дальнейшем дать более значительные результаты, если поэт глубже станет изучать жизнь народа, еще больше проникнется чувством писательского долга перед партией и народом, требующим от литераторов высокой идейности и высокого художественного мастерства их произведений. Среди стихотворений А. Адарова имеются некоторые такие, в которых неправильно истолковываются отдельные факты нашей действительности («Жизнь и искусство»), дается поверхностное, без глубоких поэтических обобщений, описание картин, поэт иногда увлекается только внешней формой стиха, забывая об идейном его насыщении и т. д. Преодоление этих ошибок и недостатков — залог будущих успехов молодого поэта в создании хороших и нужных произведений.

Ряды молодых поэтов Горного Алтая пополняются с каждым годом. В областных газетах и альманахе «В горах Алтая» все чаще и чаще стали печататься стихи начинающих поэтов Б. Укачина, А. Ередеева,

С. Манитова и многих других.

В своих стихах они «славят Отчизны нашей расцвет, золотые дни трудовых побед». В их произведениях — жизнь, радость, счастье возрожденного народа.

Но, несмотря на бесспорные достижения, рост алтайской литературы остается еще недостаточным. Писатели в долгу перед народом. Они

явно отстают от быстрого развития жизни, представляющей в их распоряжение богатейший материал для рассказов и повестей, для романов и пьес, для стихов и поэм.

Особенно ощутимо отставание прозы и драматургии. Причиной этого является слабое изучение жизни народа, недостаточная идейно-теоретическая учеба ряда писателей и неглубокое изучение творческого

опыта русских и других современных советских писателей.

В произведениях, опубликованных за последнее время, мы еще не видим полнокровных образов колхозников, рабочих социалистической промышленности, вышедших из среды алтайцев, не видим ярких образов агрономов, учителей, председателей колхозов. Мало пишут алтайские писатели об организующей роли партии, ведущей народ от победы к победе, слабо показывают партийных руководителей среди гущи народа. Новые отношения в семье, сложившиеся на основе великих социальных преобразований, на основе полного и всестороннего равенства между мужчиной и женщиной, о чем мечтали лучшие люди в продолжение веков, выражая свою мечту в песнях и героических поэмах, — все это еще не нашло в произведениях писателей Горного Алтая достойного отражения.

В начале 1958 года в истории развития алтайской литературы произошло знаменательное событие: из среды лучших алтайских литераторов было принято в члены Союза советских писателей семь человек: Ч. Чунижеков, А. Саруева, И. Кочеев, С. Суразаков, А. Адаров, Л. Кокышев и Э. Палкин. Еще раньше в члены СП были приняты русские писатели Горного Алтая — А. Демченко и К. Козлов. В нынешнем году в Горном Алтае открыто областное отделение СП РСФСР, что является новым выражением неустанной заботы партии и правительства о развитии национальной литературы алтайского народа. Горно-алтайские писатели, преисполненные чувства глубокой благодарности партии и правительству за эту заботу, охвачены новым творческим подъемом, направленным на выполнение высоких задач, которые поставлены перед многонациональной советской литературой решениями исторического

XXI съезда КПСС и Третьим съездом советских писателей.

В Приветствии Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Третьему съезду писателей определено благородное назначение художественного творчества. «Высокое призвание советских писателей, — говорится в этом Приветствии, — правдиво и ярко раскрывать красоту трудовых подвигов народа, грандиозность и величие борьбы за коммунизм, выступать страстными пропагандистами семилетнего плана, вселять бодрость и энергию в сердца советских людей, искоренять пережитки капитализма в сознании людей, помогать устранению всего того, что еще мешает нашему движению вперед. На этом пути будет расти великое искусство коммунизма — искусство больших мыслей, горячих чувств и высоких страстей, искусство, способное вдохновлять миллионы и миллионы строителей коммунизма на новые большие дела». Горно-алтайские писатели горячо откликнулись на этот призыв и указания партии. Руководствуясь ими и удовлетворяя все растущие запросы алтайского народа, они, несомненно, приложат все свои силы к тому, чтобы внести свой вклад в советское искусство, создать больше глубоко идейных и ярких художественных произведений, отвечающих великим задачам эпохи развернутого строительства коммунизма.

К ВОПРОСУ ОБ АЛТАЙСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

(20-30-е годы)

В послереволюционный период собиратели и исследователи народного творчества сделали чрезвычайно много в области изучения фольклора народов нашей многонациональной страны. Именно этот период характеризуется систематическим и планомерным процессом собирания народного поэтического творчества, тогда как до революции устное народное творчество народов России — особенно нацменьшинств — собиралось и изучалось случайно и эпизодически.

Алтайская народная песня привлекла внимание исследователей сравнительно поздно. Первые записи алтайских песен опубликованы в середине XIX века Радловым и Вербицким. В дальнейшем народные

песни алтайцев собирались лишь от случая к случаю.

За годы Советской власти внимание к алтайскому фольклору заметно усилилось. В частности, появились оригинальные работы, освещающие народный эпос алтайцев. Однако песенное творчество алтайского народа пока не подвергалось специальному исследованию. До сих пор не опубликовано сколько-нибудь полного собрания алтайских народных песен, если не считать небольшого сборника под редакцией С. Кожевникова, опубликованного (в переводе на русский язык) в 1938 г. в Новосибирске¹. Нет также специальных исследовательских работ об алтайских народных песнях, об их тематике, видах, поэтических особенностях и т. д.

Данная статья ставит своей целью в какой-то мере восполнить этот пробел, главным образом в области алтайской песни советского

периода (20—30-е годы).

Горный Алтай был искони богат песнями. Песней откликались на все события, происходившие в жизни алтайца. В песне, как в зеркале, отражались горести и радости алтайского народа, его мечты и чаяния, весь его быт и труд.

Касаясь дореволюционных песен алтайцев, надо отметить, что они по своему содержанию распадаются на исторические, социальные, сатирические, лирические, обрядовые, свадебные, трудовые, любовные, игровые, хвалебные, шуточные и т. д. По своей форме эти песни разделяются на длинные, обычно протяжные, и короткие, типа частушек.

^{1 «}Песни Ойротии», Новосибирск, 1938.

Исторические песни алтайцев отражают многовековую борьбу алтайского народа со своими врагами. Таких песен у алтайцев было, по всей вероятности, много. Но к настоящему времени сохранилось лишь несколько исторических песен, связанных с борьбой алтайсокго народа

с иноземными феодальными завоевателями («Кан-Алтай»).

Алтайский народ до революции слагал и сатирические песни, высмеивающие баев, зайсанов, шаманов. В этом отношении характерны песни чолушманского певца Калана, направленные против зайсана Семена Юлукова. В своих песнях Калан называет Юлукова «косоглазым дураком», обманщиком народа. Особым видом алтайских сатирических песен являются так называемые «сöryш кожон» — насмешливые песни, которые слагались чаще всего против богатых людей.

Своеобразными по содержанию и по форме были песни, которые исполнялись двумя певцами, состязавшимися между собой в остроумии и образности речи. Один из них начинал песню, а другой должен был отвечать своему сопернику импровизацией. Так продолжалось до тех пор, пока один из соревнующихся не умолкал, истощив свое красноре-

чие.

Среди дореволюционных песен довольно широко представлен и жанр лирической песни, выражающей любовь алтайца к своей родине, окружающей природе («Алтай», «Золотое озеро», «Золотая гора»), чув-

ства влюбленных, родственников и т. д.

Однако преобладающим видом дореволюционного творчества алтайцев являются песни, связанные со скотоводческим трудом, поскольку именно этот вид труда являлся у них основным. С другой стороны, дореволюционный Алтай не знал или почти не знал многих видов песен, например рабочих, ямщицких и других. Это объясняется весьма слабым развитием фабрично-заводского и отчасти промыслового труда в дореволюционном Горном Алтае.

Во всех видах дореволюционных песен алтайцев отразились чаяния и ожидания, мечты и надежды алтайского народа на счастливую, сво-

бодную жизнь.

Эта вековая мечта алтайцев осуществилась только после Великой Октябрьской социалистической революции, которая дала народам Гор-

ного Алтая подлинную свободу.

В глухой тайге зажглись огни социалистического строительства. Алтайцы стали хозяевами своей земли. В долинах рек выросли колхозы; на склонах гор, на полях «загудели трактора». Вместе с зажиточностью в горы Алтая пришла и культура. В прошлом почти поголовно неграмотные, алтайцы успешно идут к полной ликвидации неграмотности. Школы густой сетью покрыли долины рек и урочища.

Новая советская действительность вызвала к жизни и новые произведения народного творчества, ярко и живо отразившие великие сдви-

ги происходящие в Горном Алтае.

Особенно бурно расцветают песни колхозного села. Возникновение новых песен в колхозах теснейшим образом связано с трудовым подъемом народа, в это время появляется естественное стремление запечатлеть в песне, частушке трудовые подвиги, новые методы труда, воспеть славные имена лучших людей колхоза. Значение этих песен огромно. В лучших из них нашли свое отражение факты, типичные для всей советской колхозной деревни.

Подъем песенной культуры в Советской стране и, в частности, в

Горном Алтае имеет своей основой бурное творческое развитие народов СССР, для которых песня стала одним из способов выражения многообразных и глубоких патриотических чувств. Так, созданные в эти годы песни алтайцев на патриотические темы приобрели себе известность среди трудящихся нашей Родины — песни о Ленине и партии, о Советской власти и Конституции. Лучшие из них вошли в сборник «Творчество народов СССР», несколько алтайских песен были просмотрены А. М. Горьким и напечатаны в журнале «Колхозник» ; в журнале «30 дней» помещены песни «Это имя повсюду знают», «Если не было щедрого света», «Что есть краше», «Есть в Алтае вершина» 2.

На Алтае создаются десятки, сотни новых песен. Они отличаются от старых песен своей свежестью, современностью. В них звучит радость алтайского народа, его вера в прекрасное будущее. Напевы этих песен быстры, динамичны, как динамична сама жизнь. То новое, что принесла Советская власть, алтаец видит в каждом конкретном факте и явлении нашей жизни. И потому-то новые песни алтайцев так сильно наполнены жизненно-фактическим содержанием. Все они тесно связаны с жизнью и бытом алтайского народа, отражают его трудовую дея-

тельность, его осуществленную мечту.

В связи с коренными изменениями в жизни алтайцев изменяются как содержание, так и некоторые художественные приемы алтайских песен. Они получают свое дальнейшее развитие. Новое содержание обновляет форму, изменяет ее. Развитие народных песен идет постоянно в течение веков. Народ неустанно обрабатывает свои произведения, каждый раз внося в них что-то новое. Никто ведь не сомневается в том, что героический эпос алтайцев обрабатывался в течение многих столетий, пока он не достиг такого высокого художественного совершенства, каким он дошел до нас. По такому же пути идет и развитие алтайских народных песен. Процесс обработки любимых народом песен продолжается и в наше время. Мы встречаем целый ряд алтайских песен, записанных в самых различных вариантах. Особенно их много в лирических песнях алтайцев. В этом отношении советская песня алтайцев, воплотившая лучшие традиции устного народного творчества прошлого, является новым, высшим этапом в развитии песенного жанра алтайского народа.

В новых песнях даны обобщенные образы простых советских людей — рабочих, колхозников, новаторов производства и т. д. Из современной действительности создатели песен берут наиболее актуальные темы, отражающие коренные изменения в нашей жизни. Советские песни всем своим идейным содержанием утверждают новую, социалистическую действительность, колхозный строй, освободивший деревню от многовековой кабалы, нищеты, темноты. Народные песни алтайцев охватывают большой круг вопросов, все стороны жизни народа. Тематика этих песен — самая разнообразная. Она отражает все стороны социальной жизни трудящихся масс, всю сложность человеческих взаимоот-

ношений, мысли и чувства свободного народа.

Обращаясь непосредственно к анализу песенного творчества алтайцев в период 20—30-х годов, надо подчеркнуть, что уже в самом начале

¹ «Колхозник», № 8, 1935, стр. 5. ² «30 дней», № 10, 1937, стр. 45—47.

этого периода возникают песни нового содержания, связанные с теми глубокими социальными изменениями, которые произошли в жизни алтайского народа. Содержанием песен любого жанра — лирических, бытовых, трудовых и т. д. — являются любовь к родине, свободный труд, новые бытовые и семейные отношения, овладение грамотой и т. п. Создаются и совершенно новые по своей тематике песни, подобных которым не знало песенное творчество алтайцев до Октября: о революции и гражданской войне, о Советской власти и Коммунистической партии, о нашей армии, о создателе Советского государства, великом вожде и учителе всех трудящихся В. И. Ленине.

Затрагивая большие социальные и политические события, эти песни проникнуты уверенностью народа в своих силах, в своей судьбе, верой в правильность избранного пути, указанного партией и ее вождем. Эти песни без труда можно отделить от всех других песен алтайцев, настолько своеобразна и торжественна их музыка, величественны их слова. Их нельзя слушать без волнения. В них очень ярко выражен дух

эпохи.

Одной из важнейших тем алтайских песен 20-х годов является те-

ма Октябрьской революции.

Великая Октябрьская социалистическая революция освободила от многовековой эксплуатации ранее угнетенные и отсталые народы царской России и дала им возможность выйти на широкую дорогу счастливой и культурной жизни. Благодаря неустанным заботам партии и Советского государства эти народы получили возможность строить новую жизнь, новую культуру — социалистическую по содержанию и национальную по форме.

Октябрьская роволюция открыла новые широжие перспективы в развитии устного поэтического творчества всех народов Советского Союза. Об Октябрьской революции народ сложил самые лучшие, самые яркие в поэтическом отношении произведения. Народ создает сердечную, глубоко искреннюю песню о революции, привлекающую своей мелодической свежестью, красотой эпических интонаций, выражающих сокровенные мысли и чувства советских людей.

Эти мысли и чувства советского народа нашли отражение и в песенном творчестве алтайцев. Алтайский народ посвятил Октябрьской революции много задушевных, ярких в художественном и музыкальном

отношении, подлинно новых песен. Вот одна из них:

Ээртеп минген адыбыс Омок турзын, нöкöрлöр! Октябрьдын байрамы Эзендик болзын, нöкöрлöр!

Ортолыкта малыбыс Одорлу турзын, нöкöрлöр! Октябрьдын байрамы Ундулбас болзын, нöкöрлöр! Оседланные наши кони Пусть стоят бодро,товарищи! Октябрь, наш праздник, Пусть здравствует, товарищи!

В поле стоящий скот Пусть будет с кормом, товарищи! Октябрь, наш праздник, Пусть вечным будет, товарищи!

В алтайских народных песнях тема об Октябрьской революции теснейшим образом связана с темой о Советской власти. Эти две темы в песнях переплетаются между собой, ибо в результате революционного свержения власти капиталистов и помещиков была создана Советская власть — демократия самых широких слоев народных масс.

Большинство песен о Советской власти говорит о тех коренных из-

менениях в жизни алтайцев, которые были рождены советским строем. Поэтому, связывая все лучшее, прекрасное в своей жизни с Советской властью, алтайцы прославляют ее в песнях:

Јаш агаштын бўрлери Јайга-кышка онбозын! Јайым бистин Совет јан Јажына бисте ол болзын!

Карагай агаш бўрлери Качан да болзо он бозын! Кайран бистин Совет јан Качан да бисте ол болзын! Листья молодых деревьев Пусть зимой и летом зеленеют. Свободная наша Советская власть Пусть будет у нас навечно.

Хвоя сосновых деревьев Пусть будет всегда зеленой. Любимая наша Советская власть Пусть будет у нас навечно.

Значительное место в алтайских народных песнях послеоктябрь-

ского периода занимает тема о гражданской войне.

Горный Алтай явился крупным очагом партизанского движения в Алтайской губернии в начале 20-х годов. Здесь шла ожесточенная борьба партизанских отрядов с белогвардейскими бандами, с колчаковшиной.

Карательные отряды колчаковцев рыскали по горным селам и старались устрашить алтайский народ зверскими репрессиями. Они пороли, убивали и грабили мирных жителей, не щадя ни женщин, ни стариков.

Однако массовые расстрелы и порки не устрашили трудящихся, они лишь вызвали народное возмущение, убеждали трудовой народ в необходимости вооруженной борьбой свергнуть ненавистный каражорумский режим.

В это время важную агитационную роль сыграли песни. Песни периода гражданской войны, раскрывая предательскую сущность каракорумской управы, призывали народ к борьбе с врагами Советской республики и защите великих завоеваний Октябрьской социалистической революции. Эта тема и стала ведущей темой алтайских песен данного периода.

В суровых и жестоких битвах гражданской войны советский народ, руководимый Коммунистической партией, защитил свои революционные завоевания. Но советские люди никогда не забывали о капиталистическом окружении, о бешеной ненависти к нашей стране со стороны империалистических тосударств. Империалистические хищники неоднократно пытались спровоцировать новую войну между страной Советов и капиталистическими государствами, и это заставляло советский народ неустанно крепить свою военную мощь, свои вооруженные силы.

В этих условиях широкое развитие приобретает оборонная песня, призывающая к борьбе с врагами нашей Родины, к укреплению нашей

славной армии.

Песни алтайцев, посвященные этой теме, отражают любовь и внимание народа к своей армии, неразрывную связь армии и народа.

Наша пуля метко бьет, Наш боец не промахнет, С Красной Армией геройской Кровью спаян весь царод. ¹

¹ «Песни Ойротии», сб. под редакцией С. Кожевникова, Новосиб., 1938, стр. 79.

В многочисленных алтайских песнях воспеты бесстрашие и сила Советской Армии, которой гордится весь советский народ. Создается образ воина-героя, являющегося «для страны стальной броней», а для врага — «грозой и страхом»¹.

Песни, особенно песни-частушки 20-30-х годов, постоянно включа-

ют в себя известные оборонные лозунги:

Никогда врагу не отдадим мы Наших пашен, гор, родных полян! Всякий знает, что непобедима Армия рабочих и крестьян!²

В этот же период много песен алтайцы посвятили славным советским пограничникам. В них говорится о бдительности и зоркости защитников советских границ. Эти песни отражают силу, героизм пограничников, предавность их своей социалистической Родине, их готовность бороться с врагами, которые попытаются пробраться в нашу страну:

У них ружья меткие и шашки, Их боятся злобные враги.³

Причину стойкости пограничников народ видит в их любви к своему отечеству. Зоркие защитники наших границ пользуются исключительной любовью у советских людей. Народ помогает им, посылая в их

ряды «лучших своих сынов».

В 30-е годы в полную силу в песнях алтайцев зазвучала и антифашистская тема. В них отмечается возможность нападения на нашу Родину со стороны фашистов и готовность советских людей отстоять все свои завоевания от врагов, встать, как один, на защиту своей страны:

Если фашисты пойдут войной, — Пойдем воевать, товарищ!.. Если враг чужеземный нагрянет, — Встретим бесстрашно врага, товарищ!4

В этой песне народ выражает глубокую уверенность в своем могуществе, в своей силе. Алтайцы слишком хорошо помнят свою жизнь в прошлом, когда они

Были забиты, неграмотны, Не знали, где спрятаны счастья ключи. Гнули спину на бая и пели Песни печальные...⁵

И, конечно, именно такую жизнь хотели бы установить иностранные капиталисты. Поэтому народ с ненавистью говорит о врагах нашей Родины и с любовью отзывается о своей могучей Советской Армии, которая надежно «защищает нас от врагов» и охраняет великие завоевания советского народа.

Таким образом, во всех оборонных песнях алтайцев отражается единство народа и армии, призыв к борьбе с врагами Родины. В этом

сила и значение советских оборонных песен алтайцев.

^{1 «}Песни Ойротии», стр. 81.

² Там же, стр. 80. ³ Там же, стр. 85.

⁴ Там же, стр. 84.

⁵ Там же, стр. 80.

В поэтическом творчестве алтайского народа большое место занимают песни о Ленине, которые теснейшим образом связаны с песнями

о партии.

Все великие завоевания Октябрьской революции, победы советских людей на фронтах гражданской войны, создание нового советского строя произошли под руководством Коммунистической партии. Поэтому-то в своих песнях народ выразил глубокое, искреннее чувство любей и уважения к своей партии и ее вождю Ленину, которые «спаяли в одну семью родную все народы нашей Родины» и привели их «к счастью, к светлой жизни».

Образ Ленина воплотился в поэтическом творчестве всех народов нашей страны. Массы, поднявшиеся к творческому труду, создавали многообразные поэтические произведения о Ленине. Это многообразие проявлялось не только в богатстве жанров народного поэтического творчества (песни, частушки, рассказы и т. д.), но и в широте тематики. Алтайский народ создает о Ленине замечательную легенду «Зажглась золотая заря», многочисленные песни и частушки. Свою радость и счастье алтайский народ связывает с партией, с именем Ленина, «мудрого, родного вождя», утверждая, что партия и Ленин «дали народу свободу и светлую жизнь»², освободили народы от темноты и забитости.

Образ Ленина наделяется народом яркими эпитетами. Например, в ряде алтайских песен говорится, что Ленин — «самый смелый», «мудрый», «родной», «любимый», «самый скромный» человек.3

Смерть Ленина явилась величайшей утратой для партии и для всего советского народа. Эта скорбь охватила трудящихся всего мира.

Свое горе алтайский народ выразил такими словами:

Когда ты умер, великий Ленин, Были в горе девяносто народов. В девяноста странах отдалось эхом Тяжелое горе многих народов.⁴

Выше гор, шире всякого моря, Тяжелей земли сырой Было наше народное горе, Когда умер он, самый родной.⁵

Но народ понимал, что со смертью Ильича не умерло его великое дело. Ленин оставил нам «мудрый яркий луч» своего учения. Ленин вечно будет жить в сердцах народа, как вечно светит народу солнце: он «не умер», «Ленин жив», «Ленин будет жить века», «из поколений перейдет в поколения мудрость его слов»⁶.

В этих словах народ отметил бессмертие дела Ленина и выразил свою безграничную любовь к вождю. В песнях алтайского народа говорится также, что после смерти В. И. Ленина партия «повела страну дальше по ленинскому пути от победы к победе».

Таким образом, основной чертой алтайских народных песен, посвященных партии, Ленину, является безграничная любовь советского

^{1 «}Песни Ойротии», стр. 23.

²Там же, стр. 14.

³ Там же, стр. 15.

⁴ Там же, стр. 22.

⁵ Там же.

^{6 «}Зажглась золотая заря».

народа к партии и ее вождю, подчеркивается неразрывное единство

партии и народа.

Наряду с темами Октябрьской революции и гражданской войны, установления Советской власти, руководящей роли Коммунистической партии, в песнях, созданных в 30-х годах, большое место занимает тема объединения разрозненных мелких сельских хозяйств в артели.

Организация колхозов в это время была самой актуальной проблемой, стоявшей перед партией и правительством. Это политическое мероприятие, естественно, нашло яркое отражение в песнях, частушках самых различных народов нашей родины, в том числе алтайского на

рода.

Чтобы объединить разрозненные крестьянские хозяйства в колхозы, необходимо было в первую очередь принять ряд мероприятий, которые показали бы преимущества нового строя над старым, коллективного труда над единоличным. Применение новой техники способствует переделке сознания крестьянина и приближает его к коллективному труду. С этой целью партия и правительство оснащают совхозы и колхозы новыми сельскохозяйственными машинами. Благодаря политике партии в области колхозного строительства, методы обработки земли у алтайцев в корне изменились.

Методы первобытной обработки земли безвозвратно ушли в прошлое. Теперь в земледелии алтайцы стали применять новую технику: комбайны, тракторы и другие сельскохозяйственные машины. Все эти изменения отразились в народном творчестве алтайского народа, особенно в его песнях. О колхозах, о появлении трактора алтаец запел новую песню.

Так, старый пастух, сравнивая свою прошлую жизнь с настоящей, говорит о тракторе, который облегчает труд колхозников:

Где я бедный жил до седых волос, Где отцы и деды истлели, Вырос наш колхоз, молодой колхоз, Трактора в полях загудели г

В этом алтаец видит свое счастье и осуществление своей мечты, огромную роль нашего государства и нашей партии. Поэтому старому Кузедучи хочется быть молодым, работать для своего народа и «не стариться никогда». Он выражает признательность Советской власти Коммунистической партии за трактор, связывает зажиточную жизнь с его появлением.

Только в коллективе алтайцы увидели настоящую, свободную жизнь, жизнь без эксплуатации и угнетения. Они с радостью поют о том, что «в долинах, не тронутых даже мотыгой, от грохота трактора воздух дрожит, страдавшие вечно под байским гнетом в колхозе узнали счастливую жизнь»².

В деле переделки сознания алтайца большое значение имело и появление различных видов автомашин, самолетов, сложнейших сельхозмашин. Советская власть дала алтайцу возможность сесть за штурвал комбайна, повести тракторы и автомашины по колхозным полям, подняться ввысь на самолете.

Если раньше средством передвижения у алтайца были лишь верховая и вьючная лошади, то теперь основным видом транспорта стала

^{1 «}Песни Ойротии», стр. 34.

² Там же, стр. 61.

автомащина, которая облегчила его труд и сократила пути передвижения. Потому алтаец с гордостью заявляет:

К облакам и просторам звездным Поднимусь я на аэроплане, По горам, по дорогам белым Я промчусь на автомобиле.¹

Широкое применение сельскохозяйственных машин резко повысило производительность труда алтайца в земледелии и подняло урожайность. Наряду с этим новая техника способствовала повышению культурного уровня алтайца. Осваивая технику и управляя машиной, алтаец-колхозник обогащает свой ум множеством новых понятий, свой язык — новыми словами, убеждается в силе колхозного строя.

Рядовой колхозник осознал, что он сам является хозяйном своей судыбы и строителем новой жизни. Эти чувства свободного человека

нашли свое отражение в советских колхозных песнях алтайцев:

Я — алтайский пастух, кланяюсь новой весне, Свежему солнцу смеется птица. Здравствуйте, горы! Здравствуйте, реки! Здравствуй, белый огонь водопада! Здравствуй, сосновая хвоя! Открой свои красные уши и слушай: Я здесь проходил, как ничтожный пастух богача, Теперь я — хозяин-колхозник!2

Вековая мечта народа о счастливой и свободной жизни осуществилась. Народ стал хозяином жизни. Поэтому с такой любовью и радостью приняли трудящиеся массы колхозную жизнь и стали слагать

о ней новые, бодрые песни.

Действительно, если в старых алтайских песнях говорилось, что «шею зверя пуля режет, а шею человека — бедность», то в новых колхозных песнях отражается сила коллектива, радость колхозной жизни; теперь алтайцы поют по-иному: «старый мир — на сломку! Коллективом бедность уничтожить, чтобы к счастью идти коллективом» Колхозникалтаец ясно сознает, что в колхозе «непрольет беднота теперь реки слез», потому что жизнь в коллективе стала радостной, «свет и радость принес колхоз».

В песнях алтайцев рассматриваемого периода выделяется и становится одной из ведущих тема нового, социалистического труда, преобразившего Родину. Свободный труд воспевается как источник личного и общественного счастья. Эти песни говорят о том, что в связи с коренными изменениями в жизни алтайцев изменяется само понятие «труд», цель работы, изменяется отношение к труду и отношение людей друг к другу в процессе труда. Труд понимается как свободный, коллективный, целеустремленный. Это — труд для коллектива, общества, для счастья, народа, а не для баев, шаманов и зайсанов.

Свободный труд создает и материальное и духовное богатство народа, «кует счастье для коллектива, открывает недра гор, урожай с полей

берет»4.

1 «Песни Ойротии», стр. 37.

4 Там же, стр. 57.

² «Творчество народов СССР», М, 1938, стр. 425_. «Песни Ойротии», стр. 62.

Алтайцы понимают силу сознательной работы в деле подъема колхозной жизни и построения коммунизма в нашей стране. Для выполнения этой задачи они призывают всех колхозников работать честно и дружно, «колхозным путем» идти «вперед к коммунизму»¹.

Труд у нас стал подлинно великим и творческим, стал делом чести, славы и геройства. Алтайцы в своих песнях поют, что «каждый может

героем стать в отечестве своем»2.

Новые песни подчеркивают разницу между свободным, радостным трудом в стране победившего социализма и подневольным трудом в дореволюционном Алтае. Колхозный пастух, сравнивая свою работу в прошлом и настоящем, говорит:

Я раньше работал днями и ночами, Голодал зимой и летом...
... Теперь пастухом колхозным Еду я по долине родной.
Даже кажется слаще воздух, Небо ярче горит надо мной.3

Жизнь без эксплуатации и принуждения рождает у колхозников уверенность в своих силах, радостное восприятие действительности.

Строя новую жизнь, народ не забывал, однако, о том, что все новое встречает яростное сопротивление классовых врагов. Чтобы создать по-настоящему счастливую жизнь, нужна была решительная борьба с кулачеством, которое сознательно тормозило, вредило колхозному движению, новому быту, культуре. Новую жизнь нельзя было построить также без борьбы с многочисленными старыми традициями, пережитками капитализма в сознании людей.

Именно поэтому тема борьбы нового со старым находит широкое

отражение в песнях рассматриваемого периода.

С особой остротой в этих песнях выражены ненависть и презрение народа к кулаку, который

Злее волка и лисы хитрее, Ядовитее любой змеи, Хуже злобной пурги холодной.⁴

Кулак — это враг, который «портит наш колхозный труд, точит

злобный клык на колхозный гурт».

Алтайские народные песни 30-х годов подчеркивают враждебность и ненависть кулаков к Советской власти, партии и народу, как типичные черты злейшего врага трудящихся. Кулаки оказывали коллективизации отчаянное сопротивление. Они убивали активных сторонников колхозного движения, поджигали колхозное добро, агитировали крестьян за массовый убой скота перед вступлением их в колхоз.

В песнях подчеркивается, что классовый враг не дремлет, он пристально присматривается ко всему, что делается в колхозе. Пользуясь каждой заминкой и каждым упущением, враг стремится запугать крестьян, подорвать их веру в партию, в колхоз и помешать колхозному строительству. Эту политику кулаков понимают сами трудящиеся кре-

стьяне.

^{1 «}Песни Ойротии», стр. 55.

² Там же, стр. 96. ³ Там же, стр. 55.

⁴ Там же, стр. 63-64.

Пока жеребенок не станет крепче, Легче его волкам поймать, Пока колхоз не окрепнет, легче Его работе врагам помешать, —

говорят алтайцы.1

Когда открытое выступление кулачества было сломлено, когда их надежды на немедленный провал колхозного движения не оправдались, тогда они прибегли к новому методу борьбы, стараясь развалить колхозы изнутри. Песни этого периода показывают стремление кулаков пробраться в колхоз различными обманными путями. Иногда они, действительно, проникали в колхозы и, становясь завхозами, бригадирами, членами колхоза, портили тракторы и машины, разворовывали колхозный урожай, создавали недоверчивое отношение людей к колхозу. Поэтому перед честными колхозниками стояла задача не допустить, чтобы «влез в колхоз бай и кам», а если это все таки случилось, нужно их найти и «вырвать с корнем» — только тогда колхоз станет крепким и богатым.

Коль врага мы найти сумеем, — Не страшны бураны и мороз; С каждым днем будет жить дружнее, Будет крепнуть родной колхоз.²

*Колхозные песни 30-х годов призывают советских людей к бдительности и напоминают о том, что враг «волчью шкуру и клыки свои скрывать умеет», что «кое-где еще у нас кулаки скрываются». Поэтому колхозники «должны быть очень зоркими», бдительными³. Песни колхозной деревни предупреждают не забывать ни на минуту о существовании классового врага, помнить о нем, помогать нашей партии бороться с ним:

Где б ты ни работал, — твердо помни: Может навредить проклятый враг!⁴

Несмотря на отчаянное сопротивление со стороны кулачества, оно было ликвидировано советским народом под руководством Коммунистической партии. Надежды иностранных государств на внутренних врагов Советской власти не оправдались.

Ликвидация кулачества как класса, укрепление колхозов и быстрый рост силы и могущества нашей Родины создали все условия для культурного преобразования колхозной деревни. Стали работать ликтункты, школы, больницы, библиотеки. В колхозных селах появилось

электричество, радио.

Советское государство и Коммунистическая партия не жалеют сил и средств для создания необходимых условий культурного развития трудящихся, заботятся о благосостоянии советских людей и помогают народу в борьбе за новую культуру. Борьба за преобразование быта и культуры заняла одно из важнейщих мест в жизни алтайцев. Алтайцы понимали, что без грамоты, учебы им не преодолеть свою вековую темноту, отсталость. Поэтому большое количество песен они посвящают овладению грамотой, призывают учиться и учить других:

² Там же.

^{1 «}Песни Ойротии», стр. 64.

³ Там же, стр. 63. ⁴ Там же, стр. 65.

Грамота — второе солнце. Неученый — то же, что слепой... Жещины, мужчины, — на ликпункты! Дети, — в школу радостной гурьбой!¹

Или в другой песне:

Веселье старых и малых людей -В грамоте, в книге хорошей... Грамота учит по-новому жить, Солнышком радостным светит2.

Большим событием в быту алтайцев явилось и проникновение в их жизнь электричества, радио. Со временем в большинстве колхозов создаются электростанции, радиоузлы, телефонная связь, которые в корне изменяют быт и культуру алтайских колхозников. Об этих изменениях старый пастух говорит так: «куда бы ни кинул взгляд — золотые отни горят». А в песнях, посвященных радио, говорится, что «радио новости скажет и научит, и развеселит, а ведь раньше об этом даже не мечтал наш бедняк-теленгит»3.

Таким образом, переход к сплошой коллективизации и культурная революция в деревне обогатили песню алтайского народа новыми темами, новыми фактами. Электричество, радио, телефон, кино, школа, книги отмечаются песней как значительные этапы становления нового социалистического быта и культуры алтайцев. Эти понятия прочно вошли

в жизненную практику алтайского народа.

Алтайское песенное народное творчество не ограничивается только рассмотренными темами. Народ слагает много лесен о комсомоле и молодежи, о детях, о советской женщине. В песнях о комсомоле говорится, что молодежь является проводником всего передового деревни, борется с отрицательными сторонами в быту.

Комсомольцы знакомят массы с новыми событиями, происходящими в нашей стране, с решениями партии и правительства. Комсомол яв-

ляется помощником и сменой нашей партии:

Из птенца желтоклювого к осени Коммуниста, строителя стойкого, Подготовит из юноши комсомол.4

Большое место в алтайских песнях занимает тема советской щины. Основным содержанием этих песен является раскрепощение женщин и та огромная роль, которую они стали занимать в жизни советского общества. Свободная жизнь, в которой женщина имеет одинаковые права с мужчиной, во многих песнях сопоставлена с прошлой тяжелой женской долей:

> В те годы за человека Не считали матерей. В годы наших пятилеток Нам живется веселей.5

^{1 «}Песни Ойротии», стр. 52.

² Там же, стр. 53. ³ Там же, стр. 51.

⁴ Там же, стр. 75. ⁵ Там же, стр. 96.

В изображении прошлого мы видим знакомые мотивы старых свадебных и семейно-бытовых песен. Создатели песен вспоминают те времена, когда женщин «не считали за людей, их за деньги, как скот, продавали для забавы сердитых мужей», они были темные, «худые от надсадной работы»........

Новые условия в корне изменили положение женщин в обществе. Они становятся активными строителями новой жизни. И в песнях, посвященных советской женщине, уже слышатся не старые унылые мотивы, а бодрюсть, радость, стремление жить по-новому. В них говорится, что «старый мир разбит и сожжен» и создана новая жизнь, которая «защищает девушек и жен»². В этом большая заслуга советского государст-

ва и нашей партии.

Новые алтайские лирические песни отражают новый быт, новые взаимоотношения людей. Народная лирика обогащается новыми образами, новыми лирическими героями, выразительными средствами, характер которых определен идейным содержанием творчества, его ведущими темами. Если главными темами дореволюционных лирических песен алтайцев были семейно-бытовые отношения людей, то ведущими темами алтайских лирических песен советского периода является советский простой человек, труженик колхозного села, а также образ Родины. Любовь к родной земле стала новым качеством алтайских песен. Слову «Алтай» постоянно сопутствуют различные эпитеты. Наиболее распространенными из них являются «любимый», «счастливый», «новый», «светлый». Этими словами алтайцы выражают свою любовь к новой, социалистической родине.

В советское время по-новому осмысливается содержание любовных песен. Изменилась жизнь — изменяются и взаимоотношения людей, изменяется характер любовных песен. Теперь любимыми героями лирических песен становятся передовики производства, лучшие люди колхозного села:

Все в колхозе изменилось, И девчат не узнаю: Все в стахановцев влюбились, Остальных не признают!

Черной смородины что черней? Кто комсомолок милей-красивей? Красной смородины что красней? Кто же милее колхозных парней?

Рядовой строитель социализма, простой советский человек стал ведущим героем алтайских лирических песен. Этот герой воплотил в себе все лучшее, передовое, что дала алтайскому народу Советская власть.

Таким образом, лирические песни алтайцев отражают все многообразие и сложность их новых взаимоотношений и понятий, новый строй их мыслей и чувств. Лирика алтайцев показывает, что новые взаимоотношения между людыми основываются на товарищеской основе, на уважении людей друг к другу.

В заключение обзора идейно-тематического содержания алтайских песен 20-30-х годов необходимо коснуться еще одного вида песен — песен о Конституции СССР.

^{1 «}Песни Ойротии», стр. 104.

² Там же, стр. 103. ³ Там же, стр. 106.

Величайшие завоевания советского народа в результате свершения Октябрьской революции, победы социализма в нашей стране получили свое яркое выражение в Конституции, закрепившей вековые надежды и чаяния народов. Так поется в одной из алтайских песен.

Все, о чем мы когда-то мечтали В дни былые безрадостных лет, Это все теперь мы записали В Конституции наших побед 1.

И, естественно, тема Конституции становится одной из любимых тем народного поэтического творчества. Народ воспринимает свою Конституцию как «счастье», «победу», «силу» советских людей, как всенародный праздник. В народном творчестве говорится и о творце новой Конституции — самом народе:

Где такое было на свете, Чтоб законы творил сам народ? А у нас они пишутся теми, Кто в нужде и лишеньях жил век.²

Свободный народ, руководимый Коммунистической партией, создал свою Конституцию, отличную от всех конституций, существовавших когда-либо на земле, и о ней он слагает свои лучшие песни.

* *

Переходя к рассмотрению художественных особенностей алтайских песен, необходимо оговорить, что исследователь сталкивается здесь с рядом больших трудностей, связанных, прежде всего, с весьма ограниченным количеством опубликованных текстов. Кроме того, как уже отмечалось выше, алтайские песни совершенно не затронуты специальным исследованием. Не изучены их изобразительные приемы, их строфика, композиция, ритм и т. д. В данной статье мы попытаемся наметить хотя бы основные художественные особенности алтайской песни периода 20-30-х годов, сопоставляя их с особенностями песенного творчества алтайцев до революции.

Одним из распространенных приемов старинной алтайской песни является художественное сравнение. Мы находим сравнения и в лирических песнях, и в обрядовых песнях, а также в песнях, отражающих различные темы труда и общественно-политической жизни народа.

Возьмем хотя бы одну из алтайских песен — «Песню женщины, насильно выданной замуж»³. Она состоит из двух строф, в каждой строфе чувства женщины, насильственно выдаваемой замуж, образно раскрываются при помощи сравнения. Жизнь, несущая женщине горе, сопоставляется в первой строфе с текущей среди скал рекой, сдавленной и стесненной, а во второй — с «ярко-рыжим пугливым и голодным конем».

Или возымем не менее популярную «Песню бедного ойрот-кижи» 1. Она, как и большинство народных песен дореволюционного Алтая, наполнена мотивами жалоб, скорби и сетований на безотрадную жизнь

^{1 «}Песни Ойротии», стр. 24.

² Там же, стр. 26.

³ Там же, стр. 120. ⁴ Там же, стр. 116.

народа в условиях тяжелого гнета. И эти мотивы находят свое отражение опять-таки в художественных сопоставлениях явлений природы и человеческой жизни:

Сколько в поле травинок, — пойди сосчитай. Не сочтешь, хоть живи ты два века. Сколько пролито крови за милый Алтай — Не дано сосчитать человеку! Сколько рек на Алтае, озер и ручьев, — Слить их вместе — получится море. Океан получился б из слез бедняков, — Много, много в Алтае горя!

Аналогичных примеров можно было бы привести очень много. Приведенные песни являются типическими. Поэтому необходимо разобраться в особенностях этих художественных сравнений, в их сущности и своеобразии, тем более, что они нашли широкое применение в различных видах народного творчества советского Алтая, получив ряд новых оттенков и звучаний.

Сам по себе прием художественного сопоставления явлений природы и мира человеческих чувств и отношений широко применяется в песенной лирике всех народов. Мы, например, находим его в подавляющем большинстве дореволюционных русских песен. И здесь образы из мира природы очень часто сопоставляются с жизнью человека, с его чувствами и переживаниями или же противопоставляются им.

Но в алтайской песне указанный прием имеет определенную спе-

цифику.

Прежде всего, создавая образные сравнения, народная песня широко привлекает явления родной природы, окружающей алтайца-охотника и скотовода. Здесь, наряду є образами солнца и звезд, используются и хорошо известные алтайшам образы больших бурных рек и стремительных ручейков, протекающих между скалами гор, образы самих гор, могучего алтайского кедра и т. д. Все это придает алтайской песне чисто местный колорит.

В отличие, например, от русской песни, в которой мы видим постепенное развертывание описаний природы (особенно в случае так называемого ступенчатого сужения образов), алтайская народная песня почти не использует развернутых сравнений — символов. В ней не встречается и ступенчатого сужения образов в целях конкретизации тех или иных явлений, здесь картины природы всегда лаконичны. В большинстве песен они занимают первые две строчки каждой строфы песни, причем в одной и той же песне перемежаются самые различные жартины природы, подчас не связанные друг с другом. Развития единого пейзажа здесь, как правило, нет. Так, например, в песне «Бедного ойрот-кижи» в первой строфе для художественного сравнения привлекаются образы полей и травинок, а во второй — образы алтайских рек, озер и ручьев. Между этими образами нет никакой внутренней и внешней связи. Они берутся сами по себе и в каждом случае поясняют определенную мысль народного певца, поясняют определенные факты народной жизни.

Изучая алтайские песни, мы ясно видим значение сравнений, их активную художественную роль. Здесь часто перед нами цепь следующих друг за другом сравнений, говорящих в песне не об одном каком-либо чувстве, эмоции, как это бывает в русской песне, а о самых разнообраз-

ных сторонах человеческой жизни. В этом большое своеобразие художественных сравнений алтайских народных песен. Ярким примером может служить следующий текст:

Гусь усталый летит по Катуни вниз, Ниже вершины березы... Я смотрю на свою невеселую жизнь, И из глаз моих льются слезы. Отправляются гуси в большой перелет, — Крылья у них устали... А в аилах у нас злая бедность живет, И глаза мои слезы застлали. Разве есть у нас на Алтае ирим, Где не села б гусиная стая? Разве есть бедняк, чтоб горбом своим Не работал на хищника-бая? Не найти у нас на Алтае камней, На которых не сиживал ворон. Не найти в нашей жизни бедняцких дней, Прожитых без горя.!

Что бросается в глаза в этой песне? Прежде всего, то, что, несмотря на богатство привлекаемых явлений природы, они не составляют цельной развернутой картины, как это бывает в русской песне, они не даются по принципу ступенчатого сужения образа.

Поражает любовь к лаконизму, афористичности пейзажных зарисо-

вок, вернее, тех частей, которые содержат образы природы.

Все эти особенности художественного сравнения в большой степени сохранились в поэтическом строе песеннего творчества народов советского Алтая, но значительно изменили свой характер и смысл. Это обусловлено коренными изменениями жизненного содержания алтайской народлеги и пости в сорожения и портажения и пости в сорожения и портажения и пости в сорожения и пости в сорожения и пости в сорожения в сор

ной песни в советскую эпоху.

Если учесть, что дореволюционный Алтай почти не знал письменной художественной литературы, если учесть, что почти все художественное творчество алтайского народа прошлого воплотилось в его устной поэзии, станет ясным, почему художественные формы фольклора в советскую эпоху продолжают играть такую большую роль, оказываются такими устойчивыми.

Коренные экономические, политические и культурные изменения, которые произошли после революции, породили громадное количество новых песен. Эти песни опоэтизировали новый, свободный труд, новый семейный, общественный, производственный быт алтайцев, новые отношения людей. Изменился взгляд алтайца на природу. Она стала подчиняться его воле, стала изменяться на благо советского человека. Все это оказывало сильное влияние на традиционные художественные образы природы.

Раньше очень часто светлые, радостные картины природы противопоставлялись безотрадной, темной жизни бедняка-алтайца. Они являлись поэтическим контрастом. В новых песнях показано гармоническое
сочетание народной жизни и родной природы. Новые формы, новые оттенки сравнения мы находим во всех циклах песен алтайцев. Возьмем,
например, «Колхозную Куладинскую». Богатейший колхоз, дружная работа колхозников показаны в образных сравнениях с «кудрявой березой», с ее зелеными сочными листьями, с «красивой многорукой чиби»

^{1 «}Песни Ойротии», стр. 115.

(ель), с ее зеленой сочной хвоей. Картины природы стали важнейшим элементом песни, выразителем нового мироощущения колхозника-алтайца.

Таким образом, первое, что бросается в глаза в отношении приемов использования традиционного сравнения в советскую эпоху, это то, что они стали выявлять совершенно новые настроения и взгляды советских людей на окружающую действительность. В старых песнях, например, образ могучего, величественного и благородного кедра давался в контрасте с серой, приниженной жизнью бедняка, а в новой песне он символизирует осуществленную мечту народа — счастливую жизнь человека, могущество и величие нашей жизни, расцвет человеческой личности, т. е. этот образ, как мы видим, наполнился совершенно новым содержанием.

В песне «О грамотности» поэтические образы солнца и кедра помогают понять глубокое стремление алтайского народа к культуре, грамот-

ности.

Несравненно богаче и многообразнее стала жизнь алтайца в советскую эпоху. Поэтому так обогатились и расширились формы художественного сравнения в его песнях. Впервые после Октября алтаец по-настоящему увидел красоту своей природы, своей земли и по-иному относится к ней. Он стал наслаждаться красотой родной природы. Для советского человека природа не является каким-то божеством и владыкой; она стала объектом труда, фантазии и творчества. Она помогает жить и трудиться. Поэтому более активным стал в песнях и образ природы, органически связканной с характером лирического героя, с его чувствами и мыслями. Отсюда стремление не только к лаконичным двустрочным формам пейзажных зарисовок, имевших символическое значение в дореволюционной поэзии и в известной мере сохранивших это значение и после Октябрьской революции, но и стремление создать глубоко развернутые картины родной природы, расцветающей, обновляющейся.

Поэтическая символика и образные сравнения широко и разнообразно применяются народом Алтая, как и другими народами нашей Родины, в песнях, посвященных великому основателю Коммунистической партии и Советского государства — Ленину. Ленин — «слепящий ледник», «весеннее соднце». Все лучшее, что есть в жизни Алтая, в его неповторимой прекрасной природе, отбирается для поэтического сравнения с Лениным-О мудрости, величии Ленина песня говорит так:

Вечно будет народ наш Прославлять тебя в песнях. Все прекрасные птицы Алтая И алтайские сочные травы, И могучие наши леса, И алтайские бурные реки Будут петь о тебе эту песню, Полюбив твое имя навеки, Ленин.1

Великое горе и печаль выражены в песнях о смерти Ленина также в поэтических символах природы, но в иной тональности. Эпическими штрихами рисует песня тускнеющее солнце, пасмурный день, всенародное горе. Но, — говорит песня, —

Пламя ленинского учения Даже смерть погасить не в силах ².

¹ «Песни Ойротии», стр. 20.

Алтайские народные песни советского периода широко привлекают образные сравнения и при изображении борьбы алтайцев с врагами народа — баями, зайсанами, камами и кулаками. В цикле этих песен мы также видим развитие и наполнение новым содержанием ряда традиционных символов. Очень удачно в одной песне сопоставление действий классового врага с «заморозком ядовитым», «злобной пургой холодной», «с волком голодным», с «буранами», «морозами», «ядовитой змеей».

Играя большую тематическую композиционную роль в советской алтайской песие, образное сравнение очень часто приобретает особенно эмоциональный характер благодаря тому, что оно построено в восклицательной или вопросительной форме. Например, в «Оборонной песие»:

Вспыхнет пожар на горе крутой, — Пойдемте тушить, товарищи! Если фашисты пойдут войной, — Пойдем воевать товарищи! Не сгубит пожар даже рошу одну, Дружно потушим, товарищи! Всех, кто пойдет на родную страну, — Уничтожим в бою, товарищи!2

* *

Для характеристики художественного образа, картин жизни большое

значение имеют художественные средства языка.

Народный язык обладает богатыми, на протяжении многих веков сложившимися поэтическими изобразительными средствами, опираясь на которые певец создает глубоко поэтичные народные песни. Через них перадаются чувства, переживания, отношения народных поэтов к изображаемому предмету. Кроме того, поэтические элементы языка способствуют точности, краткости и художественной выразительности в передаче мысли. Вековая жизнь народной песни в устной форме привела к устойчивости ее художественных средств, постоянству поэтики. Сменявшие друг друга и учившиеся один у другого народные мастера словесного искусства создали целую систему поэтических средств, удобных для воспроизведения текста по памяти и для импровизации. Такими поэтическими элементами языка являюся различные виды эпитетов, сравнений, многочисленные тропы. Эти художественные приемы языка существуют почти во всех народных песнях. При этом у одних народов широко применяются одни языковые приемы, а у других — другие. Так, алтайские народные песни широко применяют эпитет, метафору, различные виды повтора. Многие из них являются постоянными и устойчивыми, но вместе с тем в новых песнях появлются новые эпитеты, метафоры и т. д. Такие эпитеты, как «бай-кровопиец», «жадный кам», указывают на отличительную черту баев, камов, на их эксплуататорскую сущность. Эти эпитеты выражают ненависть и презрение народа к своим угнетателям.

Другую роль выполняют в алтайских песнях эпитеты: «хозяин-колхозник», «свободный труд», «веселая жизнь». Они подчеркивают радость алтайца, его любовь к новой жизни. Кроме простых эпитетов, в

² Там же, стр. 32.

^{1 «}Песни Ойротии», стр. 63-64.

алтайских народных песнях мы встречаем метафорические эпитеты: «золотая гора», «золотая кукушка», «золотой закон» и т. д. Такие определения одновременно выполняют функции эпитета и метафоры. Через метафорические эпитеты певец наиболее кратко, точно и образно выражает свои мысли и чувства по поводу тех или иных явлений действительности.

Из других выразительных средств языка в песнях алтайцев распро-

страненным является олицетворение.

Так, в традиционных песнях алтайского народа мы часто встречаем перенесение свойств человека на явления природы: на солнце — «солнце ходит», «зоркий глаз солнца», на растения — «спят цветы», «спят над рекою кусты» и на другие предметы. Некоторые олицетворения перехедят в метафору («радость поет»). В них также выражаюся чувства и стремления алтайца жить счастливо и радостно. В них мы находим постоянное стремление к метафоризации: «мудрый закон», «цветет жизнь», «песни цветут» и др.

Таким образом, выразительные средства языка в связи с изменением народной жизни развиваются, изменяются: одни из них забываются, другие заменяются, третьи приобретают новое значение. Разумеется, это изменение художественных средств языка происходит не сразу, а

постепенно.

В песнях алтайского народа, кроме сравнений, эпитетов, олицетворений, мы находим и художественное преувеличение. В этом отношении характерна «Песня бедного ойрот-кижи»:

Сколько рек на Алтае, озер и ручьев. — Слить их вместе — получится море. Океан получился б из слез бедняков, — Много_много в Алтае горя!

Чтобы подчеркнуть безотрадность, тяжесть жизни бедняков, певец

использует преувеличение (из слез — океан).

Другие виды поэтических приемов языка в алтайских народных песнях встречаются редко. Это ограничение в использовании художественных средств языка объясняется тем, что сложное переплетение тро-

пов вообще чуждо самой природе песни.

Алтайские народные песни не допускают цветистых выражений... Язык песен прост и ярок. Картины, изображаемые в песне, также просты и понятны. Слова певец черпает из народной речи, из народного творчества, которые являются источником художественных средств. Образная, несложная народная речь, переносимая в песню, придает ей особую красочность, блеск и остроумие.

* *

Другим поэтическим приемом речи, усиливающим выразительность песни, придающим ей различное интонационное, звучание, является

повтор.

Поэтические повторы выделяют данное слово из среды других слов и тем самым подчеркивают значимость его в песне, усиливают эмоциональное воздействие на читателя. В песнях встречаются различные виды поэтического повтора. Повторение бывает как отдельных слов, так и целых словосочетаний. Иногда повторяются несколько раз отдельные строки. Возьмем пример на повторение отдельных слов:

Тўнде менин нöкöрим, Тўште менин канадым. Јўгўрўк менин аргымак, Јуу јерине баралык! Ночью ты — мой друг, Днем ты — мои крылья, Быстроногий мой рысак, В бой быстрее полетим!

Повторением личного местоимения «менин» певец подчеркивает любовное отношение человека к своему коню. Именно на это чувство чело-

века обращает внимание слушателя певец.

Повторение является средством выразительности речи. Оно указывает на ту или иную особенность передаваемого явления. Благодаря поэтическому повтору, слова становятся более заметными, обращают на себя внимание слушателей. В этом одна из основных функций словесного повтора. Повторением особенно богаты лирические народные песни алтайцев:

Јерден чыккан чечектен Јеерен чечек танылу. Јергележип келгенде фенду-таайлу танылу. Таштан чыккан чечектен Тарамыл чечек танылу. Табарыжып келгенде, Таайлу-јеенду танылу.

Из земли выросших цветов Коричневый цветок красив. Из идущих рядом Мои родные известны. Из камия выросших цветов Яркий цветок красив. При встрече людей Мои родные известны.

В приведенной песне мы обнаруживаем почти все виды поэтического повтора — повторение отдельных слов «келгенде-келгенде», словосочетаний «чыккан чечектен — чыккан чечектен» и повторение целых стихотворных строк: «таайлу-јеендў танылу». Здесь благодаря повторению усиливается музыкальное звучание песни, создается непрерывное нарастание лирического чувства героя. Встречаем и такое явление, когда повторяется несколько раз каждая стихотворная строка. Это является характерной особенностью многих лирических песен алтайцев:

Кöк öлöнди кöргöмдö, (2 раза) Кöмö чабар кÿўним бар. —«— Кööркийлерди кöргöмдö, —«— Кöкÿп ойноор кÿўним бар. —«— Как увижу зеленую траву, Появляется желание скосить. Как увижу молодых людей, Появляется желание веселиться.

Приктически словесные повторы неразрывно связаны со смысловым строем речи, с ее интонационной организацией.

Именно в связи с интонационно-смысловой организацией речи словесные повторы и получают определенную содержительность, художественный смысл, выразительность, наростание передаваемого чувства.

Таким образом, являясь средством, облегчающим воспроизведение песни по памяти, словесно-смысловые и другие повторения имеют не только композиционное, но и выразительно-изобразительное значение. Кроме словесных повтор, в народных песнях алтайцев широко применяются и звуковые повторы, которые также несут в себе определенное художественное значение.

В алтайских народных песнях мы находим различные формы звукового повтора: 1) аллитерацию — повторение согласных звуков:

Кара чачым тарайын —

Черные волосы свои буду расчесывать,

Кара тарак садып бер. Карыкканда, кöрöйин — Карточканды сыйлап бер. Черный гребешок ты мне купи, При грусти буду смотреть, Свою карточку ты мне подари. Повторением звука «р» подчеркивается значение слова «кара» («черный») и «карточка», что придает им особенно выразительное значение; 2) ассонанс — повторение гласных звуков:

кок олонди коргомдо — как увижу зеленую траву...

3) различные виды анафоры, и т. д.

Художественные повторы имеют различные виды и выполняют различные функции. Они, являясь выразительными средствами в песне, способствуют созданию поэтического образа, картины жизни, определенного харажтера.

* *

Алтайские народные песни имеют богатую рифмовку. Для них обязательна начальная, внутренняя и конечная рифма. Распространенными являются смежная рифмовка, перекрестная и кольцевая. При этом чаще рифмуются вторая и четвертая строки, редко — первая и третья.

Чтобы показать неразрывную связь двух явлений, их близость, певец рифмует вторую строку, изображающую явление из области природы, с четвертой строкой, изображающей жизнь человека. Здесь мы видим тесную связь перекрестной рифмы с образным параллелизмом. Кроме конечной рифмы, алтайские народные песни имеют и внутреннюю:

Јабага кулун чыдаткан Јабаганнын јаланы. Јаш бойысты чыдаткан Јаандардын шылтузы. Эчки, койды коптоткон Экинурдын јаланы. Элге јайым јан берген Эне партиянын шылтузы. Жеребенка вырастившие Ябоганские поля, Нас воспитавшие Родительские ласки. Коз и овец умножавшие Яконурские поля, Народу давшая свободную жизнь, Родная партия, спасибо.

Рифмуются не только концы стихотворных строк: «чыдаткан-кöптöткöн-берген», «Јаланы-шылтузы», но и внутренние слоги: «Јабаган-

нын-Лаандардын», «Экинурдын-партиянын».

Кроме конечной и внутренней рифмы, алтайские песни имеют и начальную рифму. Такая рифма отличает их от других народных песен, например, от русских. Для народных песен алтайцев обязательно единоначатие. Это является отличительной чертой рифмовки алтайских песен. Если первая строка начинается с определенного слога или звука, то все строки данной строфы обязательно начинаются с этого же слога или звука.

Но в современных песнях алтайцев не всегда последовательно употребляется анафора. Имеется стремление разнообразить начальную

рифму:

Армакчыда ат кайда? Минер керек, нöкöрлöр! Айдып салган иш кайда? Иштеер керек, нöкöрлöр! Где конь на аркане? Надо заседлать и ехать, товарищи! Работу намеченную Надо выполнять, товарищи!

В таких случаях конечная рифма выполняет главную роль в песне:

«кайда-кайда, нокорлор-нокорлор».

В новых песнях наблюдается стремление обойтись без традиционно го единоначатия. Но из этого не следует, что анафора в современных алтайских народных песнях вообще ликвидируется, что в будущем можно

обойтись без нее. В новых условиях анафора разнообразится, расширяется певцами, она изменяется соответственно с изменением содержания песни. Народные певцы ищут новых форм художественного изображения действительности, стремятся найти новые приемы, средства поэзии для образной характеристики нового героя.

Анафора характерна как для старых, так и для новых народных песен алтайцев. Она шаличествует во всех видах песен. Начальная рифма придает алтайским народным песням музыкальность, мелодичность. Она, как и сравнение, является специфической особенностью песен ал-

тайского народа.

В алтайских народных песнях встречаются различные виды анафоры: звуковая, синтаксическая. Но наиболее распространенным видом является звуковое единоначатие:

Бийик тууны эбире Бий деген суу акты. Бийдин јанын јок эткен Биске Ленин быйан болды. Мимо высокой горы Течет Бия — река. Уничтоживший байскую власть Ленин стал нам счастьем.

. Другим видом анафоры является повторение отдельных слов в начале стихотворных строк. Чаще всего оно бывает между первой и третьей строкой:

Јаныс адым јединип, Јалан јерге азырагам. Јаныс бойым јепсенип, Јаскы танда андагам. Своего коня, ведя за повод, В поле я его кормил. Один я, ружье взяв, Весною выходил на охоту.

Все эти виды и способы рифмы придают алтайским народным песням плавность и напевность исполнения, делают мелодию песню запоминающейся, усиливают ритмическую организацию песеннего стиха.

* *

Рифмы имеют тесную связь не только со звуковым повтором и ритмом песен, но и со строфикой их. На рифме основано расположение стихотворных строк в песне. Рифма ограничивает строфу несколькими стихотворными строками или расширяет ее. Так, в алтайских лирических песнях мы часто встречаем строфу, состоящую из четырех или восьми стихотворных строк, соединенных перекрестной рифмой. Такое расположение строк дает возможность певцу более сжато, кратко передать свои мысли.

Это построение стихов особенно ярко проявляется при наличии образного параллелизма в песне. С образным параллелизмом тесно свя-

зано расположение стихотворных строф.

Основной особенностью строфического построения песни алтайцев является восьмистишие, состоящее из двух четверостишных строф, причем вторая строфа органически связана с первой, повторяя ряд ее ритмико-синтаксических особенностей. Это возникло давно, когда один певец пел первую строфу, а другой певец или хор — вторую, сопоставляя, сравнивая эти строфы между собой.

В наше время стали появляться песни из нескольких строф, каждая из которых создает какую-то самостоятельную картину и представляет собой как бы законченное целое. Но все строфы объединены одной центральной мыслыю, являясь своего рода циклом песен об одном

и том же: о партии, о Советской власти, о Конституции и т. д. При этом каждая строфа прибавляет песне какой-то свой оттенок, эни до-

полняют друг друга.

Многострофические песни возникают в условиях, когда необходимо изобразить целую цепь больших жизненных событий. Коренные общественные изменения в наше время способствуют созданию именно многострофических песен. Такие песни охватывают все стороны нашей жизни. В результате вместо двухстрофичных песен появляются песни, состоящие из нескольких строф, где производится одна мысль, одно чувство. Создаются песни, состоящие из двенадцати-шестнадцати стихов, сгруппированных по четверостишиям.

В алтайских народных песнях наблюдается и такое явление, когда из двух традиционных строф образуется одна строфа, состоящая из четырех стихотворных строк. Переход от двух похожих четверостиший к одному четверостишию объясняется стремлением певца расширить содержание песни. Внимание при этом больше всего обращается на содержание, которое выражается первым четверостишием, второе четверостишие, поскольку оно не выражает нового содержания, отпадает. Остается первая строфа, которая становится похожей на частушку. Такие песни по своему ритму, по выполняемым ими функциям напоминают частушку. Однако частушки отличаются от них своим происхождением и созданием.

* *

Характерной особенностью алтайских народных песен является ритмическая организация песеннего стиха. Для алтайского стиха характерна силлабическая система стихосложения. Внешним признаком силлабического стиха является постоянное количество слогов в стихотворной строке. Особенностью алтайского силлабического стиха является семисложник с отчетливым ударением на середине и конце стихотворной строки. Все стихотворные строки обычно имеют семь слогов.

Ак боронын алтын јал Тарап берзем, мингейнен? Ак кайынчын тозыла

У вороного золотая грива— Если расчешу, будешь ли ездить? Если из берестовой коры аил построю,

Айыл тутсам, келгейнен?

Будешь ли в нем жить?

Четвертый и седьмой слоги обязательно, должны быть ударными. Эта отличительная черта силлабического семисложного стиха алтайских народных песен. Таким образом, семисложная строка с ударением на четвертом и седьмом слогах является характерной для народных песен алтайцев.

Такое расположение ударений в алтайских песнях создает известные устойчивые ритмические типы строк, состоящие из двух частей с цезурой на середине. Первая часть состоит из четырех слогов, а вторая — из трех:

2 3 4

Элей берзе, Элик бычкак одугие Кисы наши из ланы косули, эд/ип/ албай. Если износятся, сделаем.

I часть

II часть

Вторая часть обычно исполняется в более медленном темпе, чем первая. Медленный темп берет меньше песенных слогов /5, 6, 7/, чем более

быстрый темп (1, 2, 3, 4).

Быстрое начало и протяжную концовку алтайских народных песен отмечал еще Вербицкий. Он, писал, что песня алтайцев «начинается скороговоркой, далее — продолжительное повышение на одной ноте, потом — еще повышение (протяженность), и кончается каждый стих крутым обрывом» 1.

Алтайские народные песни с протяжной мелодией относятся к глубокой древности. Источником таких песен является сама жизнь алтайцев. Страшная забитость и бесчеловечная эксплуатация подавляли в алтайце самые лучшие стремления и чувства. О такой жизни народ часто слагал печальную песню, мелодия которой была исключительно протяжной. Потому в большинстве дореволюционных песен алтайцев часто слышны грусть и печаль.

Напевы старых протяжных песен алтайцев до настоящего времени занимают большое место. Наряду с новой бойкой, жизнерадостной песней, мы слышим мотивы старых протяжных песен. Это объясняется традицией. В настоящее время создаются песни мак с протяжным, так и с

бойким, динамичным напевом.

Однако следует сказать, что содержание новых протяжных песен отличается от старых. Теперь протяжность не вызывает чувства грусти. Протяжная мелодия качественно изменилась с изменением самой жизни алтайцев.

С протяжным напевом тесно связано удлинение слогов песенных строк при их исполнении, причем удлиняются четвертый и седьмой слоги, на которые одновременно падают грамматические и ритмические ударения:

Койонду-у Јалбак*та-ан* Койым айда-ап *болбоды-ым.* Корбо чачту-у баланы-ы Коно сöстö-öп болбо*ды-ым.* С лощины, где много зайцев, Овец своих не мог выгнать. Девушку с черными косами Не мог сосватать целый день.

В песнях алтайского народа встречается и пропуск звуков. Если слово оканчивается на гласный звук и следующее слово также начинается с гласного звука, то происходит или слияние этих гласных звуков, или пропуск одного из них, причем чаще всего происходит пропуск конечного гласного звука:

Ак боронын Јал /ыа/ лтын, Айдышканнын сöз /иа/ лтын. Кöк боронын Јал /ыа/ лтын, Кöрушкеннин кöз /иа/ лтын. Грива серого коня — золото. Слова любимого — золото. Грива игривого коня — золото. Слова моего милого — золото.

^{1 «}Алтайские инородцы», Сборник этнографических статей и исследований, М., 1893, стр. 167.

Здесь наблюдается появление лишнего слога (вместо традиционного семисложника создается восьмисложник). А алтайские народные песни не допускают отклонения от традиционного ритмического размера. Чтобы сохранить размер народного стиха, нужно убрать один слог. Это достигается при исполнении путем пропуска или слияния одного из гласных звуков. Такое явление придает песне ритмическое единообра-

зие и восстанавливает народный семисложный размер. Рассмотренные особенности ритмико-мелодической структуры алтайской песни, рассчитанные на естественность и легкость ее исполнения певцом и восприятия слушателем, играют весьма существенную роль. Служа одним из главных средств эмоционально-эстетического воздействия на слушателя, они вместе с тем помогают самым лучшим образом выразить содержание песни, одним штрихом наметить образ, передать тончайшие оттенки чувств и переживаний. В песнях нет формальных ухищрений ради них самих. Все разнообразные особенности формы песен, и в том числе их ритм, подчинены задачам лучшего раскрытия их содержания.

ШАТРА

У народов, до Советской власти не имевших своей письменности, печатной литературы, произведения устного поэтического творчества являются основным памятником их духовной культуры и важнейшим источником для изучения их исторического прошлого.

Особую ценность в этом отношении представляет героический эпос, как главный жанр устной народной поэзии, уходящий своими корнями

в глубокую древность.

В произведениях алтайского эпоса — в сказаниях о героях и богатырях — нашли свое отражение социальная жизнь народа, его мировозрение, его жультура и быт. В частности, из эпоса нам стало известно о существовании у алтайцев некоей, видимо, очень древней игры под названием шатра.

Упоминание о ней имеется во многих произведениях устного народного творчества алтайцев. Например, в эпосе «Козын-Эркеш» говорится:

Јажыл торко чиби бўриле Кеен јараш јапаш эткен Козын-Эркеш баатыр ла Байым-Суур- кеен кыс Шатра ойноп, јыргап отурды.

Сделав себе чудесный шалаш Из шелковисто-зеленых ветвей ели, Богатырь Козын-Эркеш С девушкой-красавицей Байым-Суур, Играя в шатру, веселились. 1

Умение хорошо играть в шатру считалось одним из достоинств положительного героя. Нас заинтересовала эта старинная игра алтайцев, неоднократно упоминавшаяся в их сказаниях.

В литературе по истории Горного Алтая каких-либо письменных источников об этой игре не имеется. Тем более, нет письменного описания

ее правил.

До недавнего времени шатра оставалась очень редко кому известной, и многими эта игра ошибочно принималась за шашки. По-видимому,

147

¹ Н. У. Улагашев. «Чöрчöктöр», Ойрот албатынын эпозы. («Сказки». Ойротский народный эпос). Ойрот-Тура, 1941, стр. 134.

только этим можно объяснить тот факт, что составители алпайско-русского и русско-алтайского словарей, не подозревая о существовании у алтайцев этой игры как оригинальной, к сожалению, делали совершенно неправильный, произвольный перевод слова «шатра». В словаре алтайского и аладагского наречий тюркского языка В. Вербицкого, изданном в 1884 году, оно переводится как «шашки игральные». («Шатраа ойно-играть в шашки»). Это же самое повторяют составители словарей, изданных в последние годы.2

Между тем, шатра совершенно не похожа на шашки и имеет полное отличие от них, как по форме принадлежностей для игры (доска, фи-

гуры), так и по своему содержанию.

Лишь в последние годы в результате многочисленных бесед с пожилыми животноводами нам все же удалось выяснить, что о шатре кое-что известно некоторым старикам. Благодаря этому нами были собраны более или менее подробные и интересные данные, в чем нам особенно помог житель урочища Балтырганды, Кош-Апачекого аймака, престарелый колхозник колхоза Дьяны Дьол³ Таханов Сур.

Таким образом было установлено, что шатра существовала не только в сказаниях. Несмотря на свою исключительную древность, она, перенимаясь из поколения в поколение, дошла до наших дней. В настоящее время удалось установить, что шатра известна также в урочищах Бельтир (Кош-Агачского аймака) и Саратан (Улаганского аймака). Правда, здесь о шатре помнят лишь некоторые весьма пожилые старики.

Шатра-игра настольная, лишь отдаленно напоминающая шахматы и шашки. Для нее берется специальная доска и два вида фигур: богаты-

ри (баатырлар) и воины (јуучылдар).4

В игре участвуют две стороны игрсков. Заключается она в сражении двух болатырей с 24 воинами. Богатыри стремятся «порубить» наибольшее число воинов и тем самым одержать над ними победу. Целью воинов является пленение богатырей. В отличие от шахмат и шашек, окончание партии вничью не допускается. Она заканчивается только победой одной из играющих сторон.

Одной из характерных особенностей шатры является то, что с первых же ходов игра идет активно, начинаясь стремительным вступлением в

борьбу богатырей.

Настоящее описание правил игры в шатру составлено на основе ряда партий, сыгранных нами со старейшими животноводами Кош-Агачского аймака Тахановым Сур (рождения 1878 г., из уроч. Балтырганды) и Параевым Никитой Ивановичем (рождения 1876 г., из урочища Бельтир).

ИГРОВАЯ ДОСКА И ФИГУРЫ

Рисунок игровой доски шатры представляет собой большой квадрат из 16 одинаковых по размеру клеток и двух малых квадратов, расположен-

В. Вербицкий. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884, стр. 445.

²П. П. Тыдыков. Русско-алтайский словарь. М., 1926, стр. 98; Н. А. Баска-ков и Т. М. Тощакова. Ойротско-русский словарь». М., 1947, стр. 185. ³ Таханов Сур был организатором и первым председателем этого колхоза. ⁴ Некоторые из опрошенных (Таханов Сур) дают фигурам другое название: вместо баатыр (богатырь) — бий (господин, чиновник); вместо јуучыл (воин) — черу (боец, солдат, войско).

ных по двум противоположным сторонам большого квадрата (рису-

HOK1).

Большой квадрат именуется *јалан* (поле), малые- *шибеелер* (крепости). Точки касания большого и малого квадратов называются воротами крепостей. Клетки большого квадрата пересечены по одной диаго-

нали. Малые квадраты пересечены двумя диагоналями.

По сведениям опрошенных, игровая доска может быть изготовлена из дерева, бумаги или другого подходящего материала. Обычно она делалась из дощечки, в некоторых случаях чертилась на крышке сундука, столике, деревянной лопатке, эскине (веялке) и т. д. Фигуры в форме бюста или статуи вырезались из дерева, кости, делались из глины и другого материала.

Размер стороны большого квадрата равен примерно 20 см, малого —7 см. В зависимости от величины фигур он может быть увеличен или

уменьшен.

В полевых условиях чертеж делался на земле, песке, а фигурами

служили камешки, комочки глины и т. д.

В урочище Бельтир Кош-Агачского аймака мы видели доску, сделанную из фанеры и дощечек наподобие шахматной доски, но несколько большей величины. Фигуры вырезаны из дерева (рисунок 2).

Фигурами в шатре служат два богатыря и 24 воина. Богатыри и воины окрашиваются в разные цвета и являются различными по своей

величине и форме. Богатыри имеют больший размер.

Игра ведется обычно двумя сторонами — «противниками». Один играет двумя богатырями, другой 24 воинами. Вопрос о том, кому играть богатырями и кому воинами, перед началом игры решается по договоренности играющих сторон или жребием.

Но в игре может участвовать и группа лиц. Тогда одни играют богатырями, другие воинами. Или один играет богатырями, остальные —

воинами и наоборот.

Доска перед игрой ставится так, чтобы малые квадраты были обращены к каждому из играющих противников.

Местами постановки фигур являются:

1) Все точки пересечения вертикальных и горизонтальных линий большого квадрата, 1

2) точки пересечения сторон и диагоналей малых квадратов.

Все точки пересечения линий, служащие местами постановки фигур

на игровой доске, нами обозначены цифрами от 1 до 33.

На одной точке может быть поставлена только одна фигура. Ставить фигуру на точку, занятую ранее поставленной фигурой, нельзя.

РАСПОЛОЖЕНИЕ ФИГУР НА ДОСКЕ ПЕРЕД НАЧАЛОМ ИГРЫ

Богатыри устанавливаются в воротах крепостей (см. рис. 1 на точках 7 и 27). Из воинов на доску ставятся только 8 фигур, которые расставляются на внутренних точках пересечения вертикальных и горизонтальных линий большого квадрата (на точках: 11, 12, 13, 16, 18, 21, 22,

Линии большого квадрата, идущие от одного «противника» к другому, названы вертикальными, а линии, пересекающие их, перпендикулярно-горизонтальными.

23). Центральная точка (17) остается свободной. Остальные 16 фигур воинов остаются вне доски, в резерве (рисунок 3). Таким образом, фигуры на доске перед началом игры, располагаются так, как показано на рисунке 3. На этом рисунке большими кружочками обозначены богатыри, маленькими — воины.

понятие хода

Направлениями или «дорогой» для ходов (*полдоры*) служат все линии и стороны большого и малых квадратов (вертикальные, горизонтальные, диагонали).

Богатыри и воины могут ходить только на соседнюю точку. Ход через точку не допускается. Исключение составляет случай, когда фигура

воина берется болатырем.

Каждым ходом можно передвинуть только одну фигуру. Одним ходом считается:

передвижение играющим собственной фигуры богатыря или вонна по линии от одной точки на другую;

2) взятие богатырем воина;

3) ввод в игру воина, т. е. выставление фигуры воина на доску из

резерва.

Первый ход предоставляется противнику, играющему богатырями. За ходом одного из богатырей следует ход воина, за ходом воина ход богатыря и т. д. — до окончания партии.

В матче между двумя противниками каждый из них играет богаты

рями и воинами попеременно.

Ход считается сделанным, когда один из противников переставил фигуру с одной точки на другую и отнял от нее руку. В случае, если во время игры обнаружится, что сделан неправильный ход, противоречащий правилам, неправильность устраняется и партия продолжается. При допущении ошибки в первоначальной расстановке фигур партия переигрывается.

ходы богатырей

Богатыри ходят по одному. Ход одного из богатырей считается одним ходом. Каждый из богатырей может делать последовательно такое количество ходов, какое найдет необходимым сторона, играющая богатырями.

Богатырь может взять воина «противника» (*jyyлап алар*), если последний находится на соседней точке, а точка за воином «противника» свободна. В этом случае богатырь, берущий воина, переносится через него и становится на эту свободную точку, а фигура воина противника снимается с доски. (Рисунок 4).

В данном примере богатырь, находящийся на точке 7, может «срубить» воина, находящегося на соседней точке 6, т. к. точка 5 за ним свободная. В результате этого хода богатырь из точки 7 переставляется на точку 5, а фигура воина, находившаяся на точке 6, с доски убирается.

В один прием богатырь может взять только одного воина, если на лицо указанные условия взятия воина.

Богатырь может взять воина только по прямой линии, на углах

квадратов воин не берется.

Воины, находящиеся в воротах и в центре крепости (на точках 3, 7, 27 и 31) также могут быть взяты богатырями, если имеются условия их взятия.

Богатырь имеет право взять воина в любом направлении линий: по вертикали, горизонтали и диагонали, как вперед так и назад

(рисунок 5).

В примере, приведенном на рисунке 5, богатырь из точки 7 может взять воинов, находящихся на точках 3, 6, 11 и 12, а какой из них будет взят — решает игрож, играющий богатырями. Воины, находящиеся на точках 8 и 13, не могут быть взяты, так как они защищены воинами, расположенными на соседних точках 9 и 19.

При возможности взятия богатырями воинов по двум или более направлениям выбор предоставляется стороне, играющей ими. При этом взятие богатырем воина не считается обязательным. Богатырь не может

рубить богатыря и ходить через него.

ходы воинов

Сторона, играющая воинами, начинает игру с выставления на доску по одной фигуре из резерва.

Воины выставляются по одному и на те точки, которые найдет не-

обходимым избрать «противник», играющий ими.

Выставление на доску одного воина считается одним ходом. До тех пор, пока имеются резервные фигуры, воины не имеют права хода. При нарушении этого правила оставшиеся в резерве фигуры воинов в дальнейшей игре не участвуют и на доску не выставляются. Лишь только после того, как будут составлены на доску из резерва все фигуры, «противник», играющий воинами, может ими ходить. Воины ходят так же, как богатыри, по тем же линиям, в любом направлении. Ход одного воина считается одним ходом. Права взятия богатырей воины не имеют. Разумеется, сторона играющая воинами, при выставлении фигур на доску и хождении ими стремится сохранить их от «рубки» богатырями.

ЦЕЛЬ ИГРЫ И КОНЕЦ ПАРТИИ

Конечная цель игры для стороны, играющей воинами, состоит в «пленении» обоих богатырей, т. е. в создании такой позиции, когда богатыри лишены возможности сделать очередной ход. Богатыри могут быть закрыты на любых точках доски, как в крепости, так и в поле (рисунок 6).

В этом примере один из боратырей закрыт в крепости на точке 3,

пругой — в поле на точке 24.

Целью стороны, играющей богатырями, является взятие наибольшего числа фигур воинов и недопущения «пленения» ими богатырей.

Для противника, играющего воинами, проигрышем служит:

1) потеря большинства, т. е. 13 фигур и отсутствие возможности «пленить» богатырей;

¹ В варианте игры Таханова Сур богатыри могут быть закрыты только в крепости.

2) положение, когда в течение 24 ходов с момента получения права передвижения фигур не осуществлено «пленение» богатырей;

3) троекратное повторение ходов одной и той же фигурой на одни

и те же точки.

Для противника, играющего богатырями, партия считается проигранной, если воины «пленили» обоих богатырей, т. е. ими нельзя сделать очередного хода.

Партия, повторяем, заканчивается только победой одной из игра-

юших сторон. Игра вничью в шатре исключена.

Близкие к шатре игры имеются у тувинцев и монголов. У тувинцев подобная игра называется «буга шыдыраа» — «бычьи шахматы». Краткое описание ее сделано Ф. Коном во время его экспедиции в Туву в 1903 году. Фигурами в «буга шыдыраа» являются камни, изображающие чиновников или начальников «нойнов» и собачек «ыт». Ф. Кон также отмечает, что игра эта сильно напоминает известную у нас игру в крепость.

И сейчас эта игра у тувинцев является распространенной. Как отмечает Вайнштеин С. И., в отличие от описания Ф. Кона, в нее играют фигурами, изображающими не чиновников и собак, а быков и лешек. В описании Ф. Кона, видимо, допущена неточность, так жак название игры «бычьи шахматы», приводимое также Ф. Коном, предполагает участие в игре фигур «быков».2

В Монголии известна игра «богу шабина» («марала класть»³), описанная Г. Н. Потаниным во время путешествия в 1876—1877 гг. Эта игра также напоминает шатру. Играют в нее двое. Фигурами служат кости. Один имеет двух маралов, другой — 8 собак, которые ставятся на доску в начале игры, и 14 человек, находящихся вне доски. Таким образом, в «богу шабина» имеется всего 24 фигуры, т. е. на две фигуры меньше, чем в шатре и «буга шыдыраа».

Указанные игры тувинцев и монголов имеют некоторые отличия от шатры не только в названии фигур и их количестве («богу щабина») но и в рисунке игровой доски. Так, например, в «богу шабина» малые квадраты, прикасающиеся к большому квадрату, не пересечены диагоналями⁴, а в «буга шыдыраа» (по рисунку Ф. Кона) вместо двух малых квадратов — два треугольника. Каждый из этих треугольников посередине пересечен линией, параллельной стороне большого квадрата.

Но несмотря на эти отличия, «буга шыдыраа» и «богу шабина» по своим особенностям во многом напоминают шатру. Такое близкое сходство этих народных игр позволяет предположить, что они в древности, видимо, имели одно общее начало, а в дальнейшем развивались само-

стоятельно каждая отдельно.

² С. И. Вайнштейн. «Тувинцы Тоджи». Кандидатская диссертация. АН СССР.

*В описании Г. Н. Потанина не указано, что малые квадраты пересечены диагона-

JIMMH.

¹ Феликс Кон «За пятьдесят лет». Сборник сочинений. Т. Ш. Экспедиция в Сойотию. М., 1934, стр. 118.

Институт этнографии им. Н. И. Миклухо-Маклая. М—Л, 1956, стр. 349.

³ Г. Н. Потанин. «Очерки Северо-Западной Монголии». С.-Петербург, 1881, стр. 118. В «Русско-монгольском словаре разговорного языка» А. В. Бурдукова, Ленинград, 1935, «класть» переводится taві (таби), стр. 120, и «марал» — вида (буга), стр. 140.

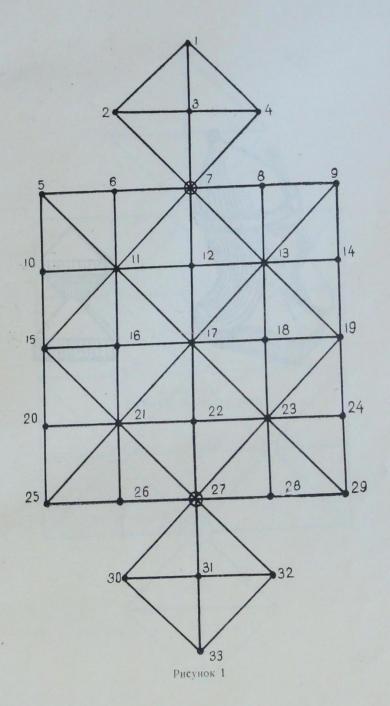

Рисунок 2 (Рис. худ. Н. В. Шагаева)

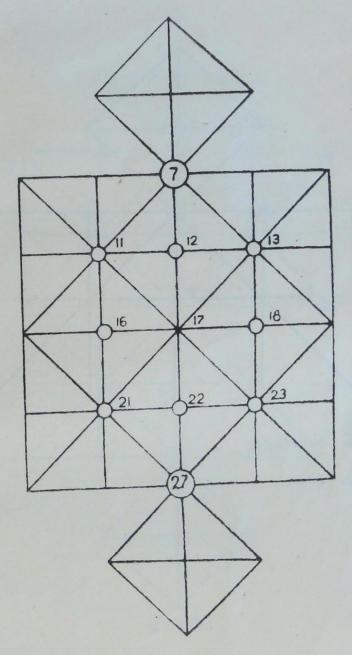

Рисунок 3

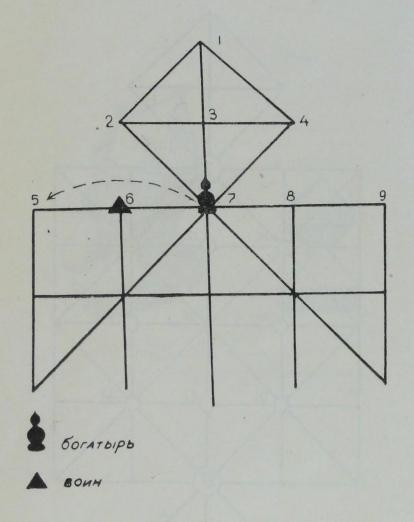
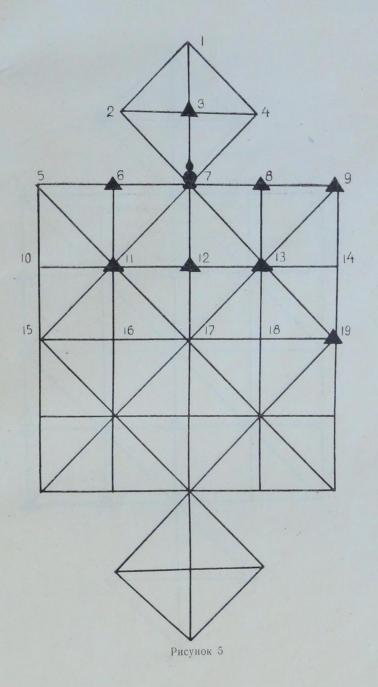
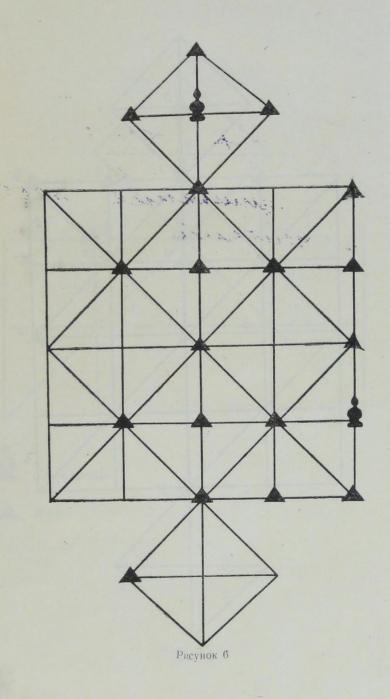

Рисунок 4

СОДЕРЖАНИЕ

C1p.	
Л. П. ПОТАПОВ. Из истории Горно-Алтайской автономной области	
.Н. А. БАСКАКОВ. Очерк развития и формирования алтайского языка и его диалектов	
Н. А. КУЧИГАШЕВА. Значение и употребление пространственных падежей (дательного, местного, исходного) в современном алтайском языке	
С. С. СУРАЗАКОВ. О развитии алтайской советской литературы	-
Т. С. ТЮХТЕНЕВ. К вопросу об алтайских народных песнях советского периода (20—30-е годы)	
С. Я. ПАХАЕВ Шатра (алтайская настольная игра) 143	

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Т. М. Тощакова (главный редактор), С. С. Суразаков, Н. А. Кучигашева, П. Е. Тадыев и И. Е. Семин,

Утверждено к печати Ученым Советом Горно-Алтайского НИИ ИЯЛ

Ответственный за выпуск И. Е Семин. Технический редактор М. И: Техтиеков. Художественный редактор А. М. Кузнецов. Корректоры А. М. Борбуев и А. Г. Тондоева.

Сдано в набор 22/II-1960 г. Подписано к печати 20/VII-1960 г. Формат 70×108 ¹/₁6. Печ. л. 10. Уч-изд. л. 12,45. Тираж 1000 экз. АН 09311. Заказ № 75. Цена 7 руб.50 1, 1. 1961 г.756 коп.

Горно-Алтайское книжное издательство, типография № 15, г. Горно-Алтайск, проспект им. Сталина, 29.

